

СУРМЖОВ

СУРМЖОВ

¶

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

О С Н О В А Н А М . Г О Р Ъ К И М

**Б О Л Ь Ш А Я
С Е Р И Я**

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

И. СУРИКОВ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. Дыш и ц а*

И. В. СУРИКОВ

...из среды народа выходили Ломоносовы, Кольцовы, Никитины, Суриковы...

М. Горький. Заметки о мещанстве

1

В своей известной рецензии на «Стихотворения» И. С. Никитина Н. А. Добролюбов писал: «Я живо помню слова моего бывшего профессора словесности, полагавшего лирике такие пределы: «Предметом лирического стихотворения не может быть, например, досада на то, что я сижу зимой в нетопленной комнате и не имею сапогов, чтобы выйти на улицу; не может быть, например, сожаление о смерти друга, восторг при виде великолепного здания, торжественной процессии и т. п.». Тогда, — продолжал Добролюбов, — я не мог понять и усвоить всю тонкость этого различия; но потом, изучив ближе нашу литературу, уразумел лучше слова почтенного наставника. Дело оказывается, в том, что претендовать на поэзию могут только люди, совершенно обеспеченные материально, или — еще лучше — люди, наслаждающиеся комфортом жизни... Люди же бедные, рабочие, простые, неизбежно оставаясь грубыми и практическими людьми, очевидно, не способны к деликатным ощущениям и потому должны гибнуть под тяжестью презренной прозы своей жизни, погрязать в мелочных, корыстных расчетах и ни под каким видом не посягать на поэзию. Кто беспристрастно пересмотрит все, что у нас называется по преимуществу поэтическим, то-есть всю область нашей лирики, тот согласится, конечно, что этот сибаритский взгляд до сих пор в ней господствует».

Эти строки были написаны в 1860 г., то-есть за четыре года до того, как двадцатитрехлетний юноша Иван Захарович Суриков поместил с помощью поэта А. Н. Плещеева свои первые стихотворения в периодической печати. По рождению, по воспитанию, по образу

жизни, по мотивам своего поэтического творчества И. Э. Суриков был демократом, по характеру своего поэтического дара — лириком, по направлению своей лирической темы — певцом нищеты, скорби и отчаяния народных масс, — и поэтому, согласно господствовавшим в обществе его времени сибаритским взглядам, не должен был иметь ни оснований, ни прав «посягать на поэзию». Он был человеком «бедным, рабочим, простым», всю жизнь упорно боролся с суровой нуждой, «погрязая в мелочных расчетах», и погиб «под тяжестью презренной прозы своей жизни». Но, вопреки утверждениям дипломированных лакеев самодержавия типа добролюбовского профессора С. Лебедева и наперекор тягостным жизненным условиям, он хотел быть поэтом и стал им.

Путь к литературе и литературный путь были равно трудны для Сурикова. И в жизни и в искусстве ему с одинаковым трудом приходилось добиваться признания, ибо на него везде и всегда смотрели как на ремесленника-самоучку. Он и сам, будучи человеком большой скромности, не был склонен к высокой самооценке, но ставил перед собой поистине высокие задачи служения искусством своему народу. Эти задачи он выдвигал и перед другими поэтами-самоучками, выходцами из народной гущи, которых он активно группировал вокруг себя. Он не только сам упорным трудом завоевал себе место в литературе 70-х годов прошлого века, но в большой степени определил своим творчеством развитие целой ветви дореволюционной русской поэзии. Все это бесспорно делает и его биографию и его творчество достойными пристального внимания советского читателя.

2

Если бы Иван Захарович Суриков не писал стихов и не пытался выступать организатором литературных начинаний писателей-самоучек, его жизненный путь был бы как две капли воды похож на биографии многих и многих людей из народа, томившихся в условиях самодержавного гнета и капиталистической кабалы 60-х и 70-х годов XIX века. Среду, из которой вышел И. Э. Суриков, довольно верно охарактеризовал один из его первых критиков и первых биографов — Н. А. Соловьев-Несмелов. И в статье 1877 года («Свет», № 10) «Чуткие люди», подписанной псевдонимом Н. Зимченко, и в биографическом очерке, предпосланном четвертому (посмертному) изданию стихотворений И. Э. Сурикова (изд. К. Т. Солдатенкова, М., 1884), он правильно писал, что эта среда — «безземельное крестьянство, оторванное социальным строем от производительной природы, от земли, и брошенное в душную городскую жизнь, где оно служит ради жалкого

существования изо дня в день мелочным промыслам, торговому факторству, тяжелому посредничеству между спросом города и сбытом села».

В этой характеристике довольно точно представлена социально-бытовая среда, из которой вышел и в окружении которой жил и развивался поэт Суриков.

И. З. Суриков родился 25 марта 1841 г. в деревне Новоселово, Юхтинской волости, Углицкого уезда, Ярославской губернии, родился в крепостное время, на земле, принадлежавшей графам Шереметьевым.

Отец Сурикова — Захар Андреевич, начавший свою работу «мальчишкой» при лавочке своего брата в Москве, в это время как раз выходил на самостоятельный путь — открывал в Москве «собственное торговое заведение» — средней руки лавчонку. Детство будущего поэта протекало в деревне Новоселово, в семье оброчных крестьян Суриковых — родных его отца. Но жизнь очень рано оторвала его от крестьянской среды: весной 1849 года отец Сурикова вызвал жену и сына в Москву, и с этих пор Иван Захарович оказался в гнетущем окружении городского мещанства и купечества. Отец Сурикова был человеком крутым, типичным представителем замоскворецкого купечества. Он считал, что «купцу лишняя книжность дохода не даст, а в мотовство того и гляди введет», всячески «оберегал» сына от наук, с неудовольствием взирал на то, что сын урывками приобщался к книжным знаниям и поэзии, старался сделать из него такого же торговца-овощника на Ордынке, каким был сам. Поднакопив некоторый капитал, он расширил свою «фирму», открыв вторую овощную лавку, и посадил в нее сына. Было это во второй половине 50-х годов, когда Иван Захарович был еще очень молод, но уже весьма активно занимался сложением стихов и песен, им впоследствии уничтоженных за малограмотность и малохудожественность. Как ни слабы, как ни малосвершенны были эти первые опыты Сурикова, но они уже весьма ясно свидетельствовали о том, что юноша видел свое призвание в поэзии, а отнюдь не в торговле. И действительно, торговал юноша-поэт плохо. Пользуясь своей относительной самостоятельностью, он все досуги отдавал стихотворству.

Однако и временная самостоятельность и мечта о поэтической карьере вскоре прервались. Отец Сурикова разорился, запил; пришлось отправить его в деревню, чтобы отвалить от собутыльников и спасти от окончательного падения. Иван Захарович оказался в том же положении, в каком некогда пребывал его отец: он поступил «мальчишкой» к тому самому дяде — Ивану Андреевичу, с услужения у которого начался путь Сурикова-отца. В лавке и в доме дяди поэтические увлечения Сурикова, за которые немало бранил его отец, были встречены прямым издевательством и наглым глумлением. Но

молодой поэт не сдавался, не бросал пера, несмотря на то, что эксплуатировали его жесточайше и на чтение и писание стихов времени почти не оставалось. Вскоре несколько поправились дела его отца; на свои ничтожные сбережения купил он за десять рублей помещение под лавочку и занялся с помощью жены и сына скупкой и продажей железного лома, тряпья и углей. Было это в 1859 году.

А приблизительно через год Иван Захарович женился на девушке-сироте Марии Николаевне Ермаковой, воспитывавшейся у тетки-купчихи, владелицы мясной лавки в Охотном ряду. Детство и юность М. Н. Ермаковой прошли в тяжелых условиях: она перенесла все «прелести» сиротства. Зато супружеская жизнь Суриковых сложилась счастливо; жена не раз помогала поэту в тяжелые времена; в период острой нужды, когда все вещи бывали заложены и денег добыть было неоткуда, Мария Николаевна бралась за белошвейную работу и поддерживала мужа, метавшегося в поисках заработка.

Дни нужды и безработицы наступили для Сурикова довольно скоро после женитьбы. Умерла мать, которую Суриков любил горячей и нежной любовью, отец через три месяца после смерти жены — в январе 1865 года — женился вторично; мачеха создала совершенно невыносимую обстановку в доме. Сурикову пришлось расстаться с домом; выгнанный отцом, он ушел, не имея ни специальности, ни денег. Сначала он служил переписчиком деловых бумаг, потом пошел в наборщики. Однако работа в типографии не давала заработка, ибо Сурикова взяли в ученики, предложив ему трудиться бесплатно. Но и ее пришлось бросить из-за острого простудного заболевания, более чем на месяц приковавшего его к постели. Наступила нужда, и притом тягчайшая. Шла осень, а теплой одежды не было. Суриковым овладевало отчаяние. Однажды он даже был готов утопиться в Москвереке. Спасаясь от нищеты, Суриков распродал остатки вещей, за бесценок продал любимые, годами подбираемые им книги. И, не видя впереди просвета, измученный и надломленный борьбой, он внезапно покорился надвинувшемуся на него несчастью и принялся пить, пить беспробудно, погружаясь все больше и больше в обстановку кабаков и трактиров.

Очень легко могло случиться, что Суриков совсем ушел бы «на дно», если бы не его страстная жажда творить, писать, если бы не упорное его желание сделаться поэтом. Решительным волевым усилием заставлял он себя уйти от судьбы кабацкого забуддыги. Узнав, что свирепая подруга его отца покинула Захара Андреановича, Суриков возвращается к отцу, мирится с ним и снова идет «в дело». Другого пути не нашлось, а этот оказался «лучшим»: он оставлял свободные часы — от 7 часов вечера до 7 часов утра, когда лавка

бывала закрыта; он позволял между делом урывать время для чтения и писания стихов. Началась жизнь, полная мучительного однообразия, но все же открывавшая некоторые возможности для творчества.

Настоящий поэт, поэт по призванию и вдохновению, Суриков рвался на простор, искал смены ярких впечатлений, но был прикован к месту и мог взирать на мир только сквозь запыленные окна отцовской лавки. «Друг Ваня! — писал он 31 октября 1872 г. в Саратов поэту-самоучке И. Г. Воронину. — Когда я получил твое письмо, в это время сваливал уголья — я торгую ими. Молодец, который живет у меня, сделался нездоров. Вообрази себе трубочиста, — это буду я. Получил ли ты книги, которые я тебе послал? Писать надо было много, да некогда, извини. Опять нужно сваливать уголья, — горькая жизнь. Прощай! Друже мий широкий, як бы можно було быть птахаю, то прилетив бы до тебе, но крил нема. Гиркая доля, друкуй вик виковичный и ничего нема». Так жил, работал, мыслил и чувствовал И. З. Суриков в период своей начинавшейся литературной известности.

После своего дебюта, осуществленного при участии поэта Плещеева, заметившего талантливую самоучку, он стал печататься в «Развлечении», «Воскресном досуге», «Всемирной иллюстрации», «Грамотее», «Иллюстрированной газете». В 70-х годах Суриков стал постоянным сотрудником «Дела», всегда желанным для его руководителей — Г. Е. Благосветлова и А. К. Шеллера-Михайлова. В 1871 г. он выпустил первое издание своих стихотворений, в следующем году поместил в «Вестнике Европы» свою былинку «Садко» и, наконец, сплотил вокруг себя целую группу писателей-самоучек и издал их первый коллективный труд — сборник «Рассвет» (цензурное разрешение помечено 5 июля 1872 г.).

Но литературная работа, чрезвычайно интенсивная, поглощавшая все его творческие силы, не могла вырвать поэта из угольной лавки, ибо не обеспечивала его материально. Единственно, где ему платили за его труд, как признанному литератору, — это в «толстых» журналах — «Дело», «Вестник Европы». В остальных же изданиях ему или вовсе ничего не платили, или ограничивались выплатой, напоминавшей более подачку, нежели гонорар.

Между тем для Сурикова вопрос о перемене обстановки был не только вопросом творческим — он был для него вопросом жизни. С 1873 г. Суриков начинает серьезно хворать, у него обнаруживаются все признаки чахотки. Надо лечиться, для этого нужны деньги, а их никогда не было у Сурикова. Не давала их и литература; не давала настолько, что даже постоянное сотрудничество в журналах, к которым вскоре прибавились «Детское чтение» и «Воспитание и обучение»; в которых Суриков помещал стихи для детей, а затем — «Будильник»,

где он иногда печатался под псевдонимом «И. Келлер», не могло обеспечить его материально.

Известность Сурикова росла. В 1875 г. Общество любителей российской словесности, по предложению Ф. Миллера и Ф. Буслаева, поддержанному Львом Толстым, выбрало его в свои члены. Еще ранее, в том же году, вышло второе, дополненное издание его стихотворений, вызвавшее первые критические отклики на его творчество. Но вместе с тем все яснее, все резче и все трагичнее осознает больной поэт неизбежность близкой гибели и безысходность своего положения. Только в 1877 г., когда известный книгоиздатель Солдатенков выпустил третье, вновь дополненное и последнее из прижизненных изданий Сурикова, собрание его стихов, и уплатил за него достаточный гонорар, поэт получил возможность поехать на кумыс.

Вернувшись осенью 1878 года в Москву, Суриков вновь попытался вырваться из губившей его здоровья лавки. На этот раз он решил взяться за издание журнала.

Сначала Суриков намеревался приобрести в рассрочку у Ф. Б. Миллера журнал «Развлечение», затем присматривался к журналу «Малляр», пытаясь купить его у издательницы Волковой. Когда же эти планы не реализовались, он разработал программу издания литературного, художественного и юмористического журнала «Зарница», намереваясь выступить его издателем. Но в конце августа 1878 года и этот план рухнул: «Мне московский обер-полицмейстер в полицейском свидетельстве (на издание журнала. — А. Д.) отказал», — сообщил поэт Соловьеву-Несмелову (письмо от 31 августа 1878 г.).

Вскоре новый приступ болезни свалил Сурикова в постель. В 1879 г. жена отвезла его лечиться в Крым, в Ялту. Материальную поддержку оказал Литературный Фонд, давший поэту около 300 рублей пособия. Но никакое лечение уже не могло спасти жизнь поэта. Он явно угасал. Как свидетельствуют его друзья, он вернулся из Крыма исхудавшим, поседевшим (несмотря на свои тридцать восемь лет), смертельно больным. Поэт снова слег в постель. Он и сам понимал, что умирает, что надеяться больше не на что. «Милый мой Ванюша! — писал он 8 февраля 1880 г. своему другу, литератору И. И. Барышеву. — Я все лежу, грудь у меня завалило, едва перевожу дыхание; кашель день за днем усиливается, всю ночь напролет мучает. Скверно, брат; ждать нужно еще худшего, ибо и весна недалеко; а с водой вместе, кажется, и я уплыву. . .» Эти строки Сурикова оказались словно пророческими. Он умер 24 апреля 1880 года.

Так завершился путь Сурикова — путь, полный страданий, лишений и горя. Поэт не прожил и сорока лет. Он дорого заплатил за право «посягать на поэзию», за свое право творить. Он расплатился жизнью.

За семь десятков лет, прошедших после смерти Сурикова, о нем написано очень немного. Изучение его творчества велось главным образом в биографическом плане и выразилось преимущественно в комментированной публикации его неизданного литературного наследства.

В этом направлении особенно много поработали Н. Соловьев-Несмелов и А. Яцмирский. Первый подготовил полное собрание стихотворений Сурикова, напечатал в нем письма поэта к разным лицам и предпослал ему мемуарно-биографический очерк. Второй своими статьями¹, содержащими ряд дополнительных публикаций стихотворений и писем Сурикова и воспоминаний о нем его друзей, поэтов-самоучек, продолжил и расширил работу Соловьева-Несмелова.

Однако и в небольшой количественно литературе о Сурикове можно легко обнаружить множество неверных оценок и превратных суждений, совершенно искажающих подлинный облик поэта. Большинство писавших о Сурикове дореволюционных историков литературы любили представлять этого поэта певцом смирения и покорности, совершенно лишенным социальных страстей. «Суриков не был борцом: борьба с каким бы то ни было злом даже не свойственна его мягкому, женственному характеру», — писал А. Яцмирский. И это утверждение получило характер аксиомы для всех, писавших о Сурикове. Тот же Яцмирский, обнаружив в новонайденном письме Сурикова к его приятелю, талантливому поэту Л. Н. Трефолеву, перевод-подражание Анакреону, быстро умозаключил на «основании» самого факта интереса поэта к античности, что «из традиционного певца горя и нужды он превращается в поклонника искусства для искусства». Все эти и подобные им утверждения, несмотря на их известную устойчивость в литературе о Сурикове, совершенно неосновательны.

Разумеется, было бы нелепо как-то модернизировать Сурикова, изображать его чуть ли не революционером. Им он не был. Он не только не был связан с революционными кругами, но не общался и с самой революционной литературной группировкой своего времени — с кругом некрасовских «Отечественных записок», на страницах которых он выступил лишь однажды. В его творчестве нередко

¹ См. его статьи: «Из жизни народного певца». — «Образование», 1905, № 4; «Первый кружок писателей из народа». — «Исторический вестник», 1910, № 4; «Иван Захарович Суриков в семье своих литературных преемников». — «Русская старина», 1905, № 4. Некоторым дополнением к публикациям А. Яцмирского является подборка писем Сурикова к его другу, поэту и публицисту, выходцу из крестьянской среды — С. Я. Дерунову в «Ежемесячном журнале», 1916, № 5.

проявлялась: и недостаточная политическая зоркость, и религиозные мотивы, выросшие на почве патриархально-крестьянского воспитания, и мещанские влияния. Последние особенно явственно выступали в порой идеализированном, идиллическом воспеании современной ему деревни, терявшей иногда в изображении Сурикова свои реальные трагические черты, в подмене революционных идеалов идеалами культурническими. Но все же мещанским поэтом, певцом смирения и рабской покорности, каким пытались представить его некоторые историки литературы, Суриков не был.

Поэт осознал себя сыном своего народа, гордился своим демократизмом, своим крестьянским происхождением, своим обликом трудового человека, воспринимал свою поэзию как законную наследницу и продолжательницу искусства народных поэтов — А. В. Кольцова и И. С. Никитина и задачу своего творчества видел в служении народу, в борьбе за его интересы. Друг Сурикова и его поэзии, ее первый критик Соловьев-Несмелов был совершенно прав, когда в статье «Чуткие люди», написанной в связи с выходом третьего собрания стихотворений Сурикова и напечатанной в № 10 журнала «Свет» за 1877 год, поставил поэта в один ряд с его предшественниками — Кольцовым и Никитиным. «В Кольцове, Никитине и Сурикове, — писал он, — мы видим ряд русских, национальных поэтов, выросших прямо из сердца народа. С его развитием будет расти и этот ряд, и по всем вероятностям когда-нибудь русское общество увидит в этом ряду широкое гениальное проявление своих творческих сил».

В творчестве Сурикова ярко сказалась борьба демократических тенденций с мещанскими влияниями. И если Суриков-демократ не всегда выходил победителем из этой борьбы, то все же основными и направляющими его поэзию тенденциями были именно тенденции демократические. Демократическими по самому своему существу были его эстетические позиции, его взгляды на роль и назначение искусства. И хотя Суриков как литератор рос вдалеке от редакционного круга «Отечественных записок», этой цитадели некрасовской школы в поэзии, тем не менее принципы его эстетики перекликались с принципами прогрессивной демократической эстетики Некрасова. Это сказалось, например, в стихотворении Сурикова «О счастье и грезах не пой...», обращенном к поэту И. Родионову и оставшемся неизданным до 1905 г., когда его обнаружил в бумагах Родионова и напечатал А. Яцимирский. Приписка Сурикова к этому декларативному стихотворению убеждает нас в том, что стихотворение являлось эстетической программой поэта. Посылаемые стихи, по словам поэта, должны были служить ему «заветом на всю... жизнь». Весьма характерно, что в этом стихотворении, не напечатанном совершенно созна-

тельно из опасения азиатской царской цензуры, слово «борьба» звучит у Сурикова отнюдь не так, как в большинстве его печатавшихся стихов: если там оно дается в смысле сопротивления жизненным невзгодам, то здесь оно насыщено боевым социальным содержанием, направленным против строя рабства и угнетения человека человеком. Нотки боевого демократизма, борьбы за идейность и общественно-воспитательную функцию поэзии прозвучали и в таком программном для Сурикова стихотворении, как «Наши песни» и, в особенности, в его первоначальной редакции.

Демократизм суриковской поэзии сказывался не только в ее идейных мотивах, но и в тематике ее и в ее жанрах. Тема народных страданий, тема нищеты и унижений, которым подвергались народные массы в царской России, входила как неотъемлемый элемент в тематику демократической поэзии, высшим, революционным проявлением которой для того времени было творчество Некрасова. Поэтому темы суриковской лирики, демонстративно противопоставленные тематике дворянских поэтов 60—70-х годов, перекликались с темами произведений народных поэтов — Кольцова, Никитина и величайшего революционно-демократического поэта XIX в. — Некрасова.

По основному своему поэтическому устремлению Суриков был лириком. Лирические стихотворения составляют основную часть его литературного наследия. Среди этих последних немало таких, которые своей тематикой напоминают своего рода лирический дневник, поэтическую запись интимнейших переживаний автора. Во многих произведениях Сурикова запечатлелись явственно мотивы автобиографического характера. Так, например, стихотворение «У могилы матери» связано с переживаниями в период голодовки и безработицы, вызванной разрывом с отцом; стихотворение «На мосту» отражает чувства, связанные с попыткой поэта к самоубийству; целый ряд произведений 1878 г., отмеченных степной тематикой, навеян впечатлениями от поездки в Самарскую степь на кумыс.

Тяжесть жизненных условий, в которых приходилось творить Сурикову, трагические переживания, которыми была насыщена его недолгая жизнь, наконец — мучительная болезнь, неминуемый смертельный исход которой не вызывал ни у самого поэта, ни у его окружающих никаких сомнений, — все это привело к наличию в ряде стихотворений Сурикова безысходно-мрачных, пессимистических мотивов. Эти мотивы не выражали, однако, общественной платформы поэта. Они были вызваны его жестокими страданиями, они вырывались из его груди, как крик боли и отчаяния, они были определены его биографией, — одной из типических биографий талантливых русских людей из народа, которых подавлял и губил проклятый, варварский

государственный и общественный строй царской России. Но в то же время назвать лирику Сурикова лирикой индивидуалистической, узкоинтимной было бы абсолютно неверно. И в песнях и в стихах поэт дал реалистические зарисовки социального быта и природы, выразив с большой лирической страстностью свое отношение к изображаемому. Горькая доля народных масс — крестьянской и ремесленной бедноты — нашла в Сурикове поэта-печальника, который в своем отношении к суровой и трагической жизни угнетенного и эксплуатируемого народа ярко выразил противоречия крестьянского сознания того времени: чувства напряженного отчаяния, вызванного тяготами народной судьбы, не раз сменяются в его стихотворениях оптимистическими мотивами, отражающими неистребимую веру народа в свое лучшее будущее.

Близость поэта к народным думам и чувствам обусловила и органическое родство его творчества с устной народной поэзией. Особенно ярко это сказалось в песенных произведениях Сурикова, доставивших ему наибольшую известность и завоевавших горячую любовь народных масс. Не только песни, но и многие стихотворения Сурикова еще при жизни поэта вошли в народный песенный обиход, сделались популярными и любимыми в народной среде. И сейчас, через семьдесят лет после смерти их автора, народная память хранит многие из его произведений. А иные из них прочно вошли не только в поэтическую, но и в музыкальную культуру великого русского народа, будучи положены на музыку, воплощены в песни, дуэты и романсы, сочиненные крупнейшими русскими композиторами (П. И. Чайковским, Цезарем Кюи и др.). Прав оказался скромный и незаметный литератор Ф. Гурин, следующими стихотворными строками проводивший в могилу Сурикова:

...Твоя же песня не умрет:
Народ наш, столь тобой любимый,
Ее давно уже поет!

(Стихи эти под названием «На смерть И. Э. Сурикова» были напечатаны в журнале «Будильник», в № 19 за 1880 год.)

В своих песнях Суриков выступает продолжателем таких поэтов, как Кольцов, Цыганов, Никитин, то-есть поэтов, вскормленных и воспитанных народом и своим песенным творчеством обогащавших русскую народную лирическую песню. Песни Сурикова не имеют ничего общего со стилизацией под народную поэзию. Они внутренне, органически близки и родственны духу и содержанию народной песенной лирики. Некогда Н. А. Добролюбов в рецензии на «Повести и рассказы» С. Т. Славутинского иронически писал о стилизаторах, что «приторное любезничанье с народом и насильная идеализация

происходят» у них «часто не от пренебрежения к народу, а просто от незнания и непонимания его. Внешняя обстановка быта, формальные обрядовые проявления нравов, обороты языка доступны были этим писателям, и многое давалось довольно легко. Но внутренний смысл и строй всей крестьянской жизни, особый склад мысли простолюдина, особенности его мирозерцания — оставались для них по большей части закрытыми. . .» И далее Добролюбов замечал, что «песни Кольцова выше романсов Дельвига и Мелецкого».

Поэтические принципы суриковской песни восходят именно к Кольцову, а не к тем стилизаторам «под народность», над которыми иронизировал Добролюбов, ибо принципы подхода Сурикова к народной песне были очень близки кольцовским. Поэт не рядился в одежды народной поэзии, не подделывался под ее формы, подобно стилизаторам. Он пел о тяготах народного быта и народного труда, он оплакивал народное горе, которое было и его личным горем, он делал это с хорошим знанием народной жизни и народной песни, и поэтому его песни пришлись по душе народной массе. Такие его песни и стихотворения песенного характера, как знаменитая «Рябина», как «В степи», «Доля бедняка», «Казнь Стеньки Разина», «У могилы матери» и ряд других, сделались давно достоянием устной народно-поэтической традиции, а многие из них расппеваются в народе и в наши дни, воспринимаемые как песни о былом, давно ушедшем, или как песни о чудесной родной русской природе.

Лирические стихотворения Сурикова разнообразны по своим мотивам. Среди них есть превосходные пейзажные стихи, отмеченные четкой реалистической направленностью, есть стихи, реалистически разрабатывающие тему социального угнетения. Но в то же время они почти все отмечены одним и тем же существенным дефектом: слишком узок их жизненный кругозор, подчас слишком тенденциозно выступает в них авторское «я», склонное к абстрактно-гуманистическому морализированию. Эта черта, свойственная Сурикову как лирику, тесно сближает его с его поэтическим предшественником — И. С. Никитиным. Поэт и сам знал об этом своем недостатке, но ему казалось, что этот пробел мог бы быть возмещен только многообразием жизненных впечатлений. В таком духе он и писал в одном из своих писем, почти всецело опираясь при этом на утверждение своего анонимного критика из журнала «Дело» (1875, № 8). «Мне нужны, — заявлял Суриков, — потрясения, толчки и разнообразие жизни, и тогда я мог бы создать и объективные песни; но покуда всего этого нет, и во мне развивается только одна болезненная субъективность. . . Разнообразие мотивов зависит от разнообразия жизни, а не от широты взгляда. . . Я жил и развивался при крайне однообразных условиях, при крайне одно-

образной обстановке. Область моих наблюдений была очень ограничена, нужда и определенный труд приковывали меня к одной и той же местности и не давали мне возможности набраться новых впечатлений. Возьмите Кольцова и Никитина: однообразие мотивов у них страшное. А почему? Жизнь их была однообразна... Затем возьмите малороссийского поэта Шевченко и венгерского Петефи, разнообразие мотивов у них поразительное. А почему? Шевченко и Петефи жили крайне разнообразной жизнью». Суриков отчасти был прав в своих соображениях. Но только отчасти.

Главную причину того, почему лирики типа Никитина или Сурикова оставались часто в плену субъективных мотивов, лишь двигаясь в сторону «объективных песен», блестяще объяснил Добролюбов в своей рецензии на стихи Никитина. Он писал: «Вслед за открытием, что человек мучится и томится, увлекается и падает, подымается и веселится — не от власти темных сил и неизбежности судьбы и не от того, что в нем сидят два противные начала, а просто от большей или меньшей неправильности общественных условий, под которыми он живет, — вслед за этим сознанием необходимо должно было последовать и з у ч е н и е всех общественных неправильностей». «Лирика, — писал далее Добролюбов, — давно уже порывается в ту же область (изучения общественных отношений. — А. Д.), то прямо избирая эпический сюжет для маленького стихотвореньица, то пытаюсь воспевать чувства, возбужденные в душе известными явлениями общественной жизни... Но само собой разумеется, что слабость лирики нового содержания происходит... от того, что еще в обществе никакой существенной ломки и перестройки нет, а идет только изучение. Когда же изучение приведет наконец к чему-нибудь, когда действительно придет возможность какой-нибудь переделки в общественных нравах и отношениях, тогда, конечно, посреди рабочих-практиков не преминет явиться и энергический лирик с поэтическим словом одушевления и одобрения». При этом Добролюбов находил у лирика переломной полосы, Никитина, «возможность... нового содержания». Эта возможность сказывалась и в поэзии Сурикова, но узость лирического кругозора резко вредила ей, зачастую попросту ее глушила. Суриков-лирик страстно хотел выйти в своих стихотворениях за рамки поэтических откликов на действительность, перейти к лирико-эпическому «изучению» ее общественных отношений.

Не видя возможности ухода на просторы живой жизни от изнуряющей работы, он обратился к книгам как к источникам эпических сюжетов, которыми он мог бы обогатить свою лирику. Он взялся и за переводы иноязычных поэтов. В этой области он создал ряд замечательных произведений, являющихся в большинстве своем воль-

ными переводами, поэтическими переложениями, почти всегда верными, однако, духу и направлению оригиналов. Это — типичные переводы поэта, обладающего выраженной творческой индивидуальностью, набрасывающей на переводимые произведения отсветы своего самобытного дарования. Весьма характерен для глубоко народной природы таланта и вкусов Сурикова и выбор авторов и произведений, переведшихся им на русский язык. Здесь прежде всего — вершинные явления поэзии братского украинского народа — стихи великого Шевченко и народные песни, романтическая баллада знаменитого польского поэта Адама Мицкевича и стихи известных польских поэтов — народолюбив Ленартовича и Одынца. Во всех литературах, с которыми ему доводилось знакомиться, Сурикова раньше всего интересовали народные поэты и народные мотивы в поэзии. В его письмах к друзьям обнаруживается знакомство со стихами и балладами Роберта Бернса, с поэзией венгерского революционного писателя Шандора Петефи и польского демократического писателя В. Сырокомли; в романтических сказках датчанина Ганса-Христиана Андерсена его интерес возбудили прежде всего их народно-поэтические мотивы.

Одновременно Суриков взялся за исторические темы, достигнув и здесь беспорной удачи. Темы героического прошлого русского народа, образы былинных героев (Садко), персонажи далекого прошлого (Василько, о котором он написал поэму), вожди народной вольницы (Разин), «удалые добрые молодцы» — борцы за народное освобождение — оказались благодарным эпическим материалом для поэзии Сурикова. Как в песнях, так и в произведениях на исторические темы — в «былинах» и «сказаниях» Суриков творил всецело в традициях русского народного поэтического искусства. И в них, как в песнях, «некоторые места блестят русской заунывной тоской или чисто русским народным юмором» (Соловьев-Несмелов). Историко-эпические поэмы Сурикова и его сюжетные произведения на темы, почерпнутые из прошлого, свидетельствуют о серьезном изучении исторических источников и о превосходном знании старинного русского языка. Вместе с тем (и это является важным достижением Сурикова на путях его борьбы за реализм в поэзии) они не только представляют картины из истории, но показывают характеры, психологически разработанные и социально осмысленные. В этих произведениях чувствуется горячая симпатия автора к мятежным и свободолюбивым героям истории, его нескрываемый восторг перед удалью-молодечеством народных богатырей, особенно ярко сказавшийся в наброске вождя крестьянской революции Степана Разина. Однако самого поэта не могла сполна удовлетворить работа над историческими темами. Он всячески стремился быть современным поэтом, откликающимся на современные темы народ-

ной жизни. В этой связи он писал Н. С. Соловьеву-Несмелову в ноябре 1875 года: «Теперь принялся писать историческую поэму «Василько». Как только окончу, распрощусь с этим родом поэзии, обращусь к бытовой современной, ремесленной и крестьянской жизни. Хотя и удаются мне былинные и исторические стихотворения, но душа моя к ним не очень-то лежит: меня тянет в другую сторону—к действительной жизни».

В стихах же о современности поэт так и не сумел притти к слиянию широкой эпичности с горячим и страстным лиризмом. Художник переломной поры и противоречивого сознания, он не дал эпических полотен на современные темы, освещенных единым, целостным и стройным мировоззрением. Но над многими существенными сторонами современной действительности Сурикову-лирику удалось приподнять завесу, которую набрасывали поэты «чистого искусства»; эти стороны тягостной народной жизни он показал резко и правдиво, с тем трезвым реализмом, который так претил всевозможным эстетам и снобам.

Откликаясь на гнусные явления тогдашней действительности, он не поднимался до широких идейных обобщений, до четких и мощных революционных призывов, но никогда не скрывал своего отношения к жизни, прямо высказывая свои искренние чувства, в которых крепко слились гнев и отчаяние, ненависть и надежда.

Эта ограниченность реализма Сурикова, его стремление к жанровым зарисовкам («поэтическим картинам»,— по его собственному определению) без глубоких социальных обобщений было у поэта тесно связано со взглядами на задачи поэзии и характер ее реалистических тенденций. Своему другу И. И. Барышеву он писал по этому поводу в письме от 27 июня 1878 г. следующее: «Все дело сводится к тому: у кого как сложится жизнь, какие она даст впечатления и материалы, то должно отразиться и в песне:

Жизнь дает для песни
Образы и звуки:
Даст ли она радость,
Даст ли скорбь и муки,

Даст ли день роскошный,
Тьму ли без рассвета,—
То и отразится
В песне у поэта».

Такая эстетическая позиция приводила к тому, что лирика Сурикова, не поднимаясь до резких социальных обобщений, оставалась лирикой правдивых реалистических зарисовок и откликов, исполненных радостного восприятия природы и запечатлевающих скорбные картины трагического социального зла, несправедливости, неравенства и угнетения, господствовавших в окружавшей поэта действительности. В условиях

самодержавной России горестные стихи Сурикова о беспросветной народной нужде, о муках и отчаянии крестьянской бедноты и ремесленного люда, — стихи, с зеркальной точностью воспроизводившие детали народного быта, воспринимались как поэзия социальной укоризны и невысказанного (но предполагаемого) протеста против виновников социального зла. Именно в этом, как и в их правдивости и искренности, в их простоте и близости к природе народного поэтического творчества заключалась разгадка необыкновенной популярности его произведений у народного читателя дореволюционной России.

Те же художественные принципы лежали и в основе немногочисленных прозаических опытов Сурикова. В 1869 году он опубликовал в журнале «Развлечение» (№ 32) очерк под названием «Рассказ кулака». В 1872 году в «Воскресном досуге» (№ 23) появился за подписью «И. Новоселов» его рассказ «Клад (Из народных вымыслов)». И в том же году в сборнике «Рассвет» были напечатаны под тем же псевдонимом его прозаические произведения: «В захолюстье (отрывок рассказа)» и «Дядя Игнат (очерк)». За исключением юморески «Клад», написанной сочным народным языком, остальные рассказы относятся к жанру очерково-бытовых зарисовок, написанных в манере журнальных и газетных очерков его современников А. И. Левитова или А. П. Голицынского, отмеченных умением верно набрасывать черты социальных характеров.

Однако и прозаические зарисовки Сурикова иногда представлялись своего рода «безмолвными обличениями». Написанный им и помещенный без подписи в журнале «Пчела» (1877, № 4) некролог писателя А. И. Левитова обратил на себя внимание благодаря данной в нем печальной картине похорон талантливого литератора-демократа, угасшего в забвении и не оцененного по заслугам. Когда после этого (в феврале того же года) Суриков попытался напечатать в той же «Пчеле» некролог другого писателя, беллетриста и очеркиста Д. Н. Кафтырева, очередной жертвы уродливой действительности того времени, ему это уже не удалось: цензура задержала этот некролог и запретила его за якобы чересчур мрачно: изображение судьбы писателя в царской России. Так самая правда, зарисовываемая поэтом, сама мрачная действительность, им огибаемая, оборачивалась критикой этой действительности. Вот почему и в стихах Сурикова за картинами народной жизни и народных страданий демократический читатель вычитывал мотивы обличения, а в жалобах на тяготы жизни, в выражениях скорби и отчаяния улавливал невысказанное негодование против тех, кто обрекал миллионы людей на рабский труд и рабское существование.

Суриков, как уже отмечалось, не был революционером, не дорожил до осознанных революционных взглядов. Его реализм был ограничен-

ным, недостаточно глубоким и сильным. Но и его правдивое слово, слово демократа, патриота, искреннего человека и талантливого поэта, служило делу современной ему демократии. А для части этой демократии, для художественных талантов, поднимающихся из народных недр, он являлся к тому же ярким и живым примером служения родине и родному искусству, зовущим их к творческому труду и к творческим дерзаниям.

4

И. Э. Суриков был, как уже сказано, не только поэтом, но и деятельным организатором литературных сил, копившихся в народе. В начале 70-х годов поэт загорелся мыслью сплотить вокруг себя кружок литераторов-самоучек из народа, писателей-крестьян, ремесленников, рабочих, кустарей, самостоятельно шедших к поэтическому творчеству. Он связался с группой таких поэтов, сотрудничавших в московском журнале «Грамотей», а к провинциалам обратился через газеты с призывом принять участие в подготавливаемом им сборнике поэтов-самоучек.

На призыв Сурикова откликнулся целый ряд поэтов из народа. Поэт много работал со своими собратьями по перу и по общественному положению, среди которых было немало таких же, как и он сам, — обездоленных и угнетенных.

Московских поэтов-самоучек он не раз собирал для товарищеских встреч, на которых читали книги, спорили о литературе, обсуждали произведения участников этого дружеского кружка. Провинциалам же Суриков регулярно посылал письма, книги, журналы, заботился о продвижении их рукописей в печать. Со многими из этих самоучек-поэтов у него сложились тесные дружеские отношения.

Летом 1872 года Суриков выпустил книгу под названием «Рассвет» (Сборник произведений писателей-самоучек, нигде не бывших в печати. Выпуск первый). Участвовало в этом сборнике более десяти авторов — И. Суриков (он же И. Новоселов), С. Дерунов, М. Козырев (он же М. Крюков), С. Григорьев, Д. Жаров, А. Разоренов, И. Родионов (он же И. Евсеев), А. Бакулин, И. Тарусин и другие. В жанровом отношении сборник был чрезвычайно разнообразен: здесь были и рассказы, и стихи, и сценки, и былины, и басни, и статьи. Все это оформилось в результате большой работы И. Сурикова, который был и редактором всех рукописей, и автором предисловия к сборнику, и правщиком текстов (как вспоминает М. Козырев, он в период работы над «Рассветом» всегда «носил за пазухой, в бумажнике, маленькую брошюрку — руководство-указатель к постановке буквы ять»), и лишь из скромности не отметил на титуле книги всей этой своей работы.

Но тогдашнее так называемое «образованное общество» никак не поддержало инициативу людей из народа, рвавшихся к поэтическому творчеству, и отнеслось к сборнику более чем холодно. «Выход сборника, — вспоминал впоследствии один из его авторов — М. Козырев, — был встречен в двух-трех изданиях сочувственно, а затем наградили его косым взглядом и разделили «под орех». . . Дескать, тоже суются с суконным рылом в калачный ряд. И злосчастный «Рассвет», вместо того, чтобы быть «расхвачанным», как ожидал Иван Захарович, «сел» и полным изданием был продан одному из букинистов. . . Материально больше всех, конечно, пострадал Иван Захарович. Об издании же второго выпуска «Рассвета», как о том говорилось в предисловии к книге, разумеется нечего было и думать» («Исторический вестник», 1903, № 3).

Сборник «Рассвет» являлся значительным, историческим для развития народной литературы событием: первой коллективной демонстрацией писателей из народа, знаком активного вхождения людей из народа в литературу. Но в то же время в нем уже ясно сказались те мещанские тенденции, которые в меньшей степени отразились в творчестве самого Сурикова.

Первая плеяда литераторов-«суриковцев» была в гораздо большей степени заражена идеологией городского мещанства, чем их друг и руководитель. На поэзию Сурикова отраженным светом влияли революционно-демократические идеи, он шел от высоких традиций крестьянской песни, стихов и песен Кольцова и Никитина, он был самобытно талантлив. Суриковцы же имели в нем единственный литературный авторитет; свет идей, воспринятых Суриковым от его учителей, доходил до них слабо, гораздо сильнее влияли на них мещанские тенденции его творчества (для них более органичные), их стихи перепевали наиболее слабые пессимистические мотивы его лирики.

Между Суриковым и «суриковцами» еще при жизни самого поэта легла резкая грань. А впоследствии, когда после смерти Сурикова его друзья и ученики вновь объединились, издали (уже с участием С. Дрожжина и М. Леонова) два сборника «Родные звуки» (1889 и 1891 гг.), стали выпускать газету «Доля бедняка», сорганизовались в «Суриковский литературно-музыкальный кружок», просуществовавший вплоть до самой революции, — различие между творчеством Сурикова и произведениями писателей из так называемого суриковского литературного объединения еще больше увеличилось. Продолжать Сурикова — значило развивать его наиболее сильные демократические черты. Но этого не сумели сделать поэты-«суриковцы» 80-х и 90-х годов. Они писали так, словно хотели оправдать на практике строки Л. Н. Трефолева, обращенные к покойному поэту в стихотво-

рени «Памяти Ивана Захаровича Сурикова» («Будильник», 1880, № 20), в которых говорилось:

.. Мы же, твои — брат покойный — ровесники,
Будем... кем были: печальные вестники
Горя людского, людского страдания,
Мы, не создавшие твердого здания,
Мы, истомленные жизнью убогою,
Честно пойдем проторенной дорогою
И, вспоминая страдальца-певца,
Песни твои допоем до конца.

Они допевали и перепевали старые мотивы, трудились, не создавая «твердого здания». А жизнь шла вперед, к большим революционным потрясениям и взрывам, и властно требовала от поэтов новых мотивов и революционных исканий.

Поэты-«суриковцы» все больше и больше становились поэтами городского мещанства, лирическая песня сменилась у многих из них «жестоким романсом», проза их не блистала реалистической силой, — это была вялая натуралистическая проза. Культурничество, мещанский гуманизм, религиозность (иногда отмеченная влияниями толстовства), явно реакционное в эпоху империализма и пролетарской революции противопоставление города деревне, тихие, покорные жалобы — сделали для многих из них излюбленными идейными мотивами.

Только лучшие из «суриковцев», наиболее радикальные из них, вышедшие в начале XX века на путь революционной борьбы пролетариата, только такие из них, как автор известной песни «Мы — кузнецы» Ф. С. Шкулев, как старый гутарь, поэт-рабочий Егор Нечаев и некоторые другие, как старейший поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин (начавший свой путь еще при крепостничестве и доживший до торжества колхозного строя), — могут быть названы наследниками и продолжателями поэтического дела Сурикова. Ибо они сумели обогатить лирическую страстность его поэзии новыми передовыми идеалами, ибо они пошли путем дальнейшего развития той близости между искусством поэта и народным поэтическим искусством — свободолобивой и мудрой поэзией труда и борьбы, которая лежала в основе литературной деятельности и художественных исканий Ивана Захаровича Сурикова.

А. Дышниц

ПЕСНИ

* * *

«Что, удалый молодец,
Опустил ты буйную
И сидишь за чаркою
С невеселой думою?»

— С горя, добрый молодец,
С горя я печалюся;
С горя моя буйная
С плеч головка валится. —

«Да откуда ж горе-то
Пришло к добру молодцу?..
Из-за моря ль тучею
Принеслося по ветру?»

Иль из бору темного
Медяницей выползло?
На пиру ли хмельною
Брагой в чарке выпито?»

— Нет, не в чарке выпито
Горе хмельной брагою,
Принеслось не тучею
Черною из-за моря,

Не из бору выползло
Змеей-медяницею —
Пришло горе к молодцу
Красною девицею!

* * *

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?» —

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

* * *

В зеленом саду соловушка
Звонкой песней заливаётся;
У меня, у молодешеньки,
Сердце грустью надрывается.

Знать, тогда мне, когда поп крестил,
Вышла доля несчастливая,
Потому что вся я в матушку
Уродилась красивая.

И росла у ней да нежилась
Я на воле одинешенька;
Богачи, купцы проезжие,
Звали все меня хорошенькой.

Мое личико румяное
Красной зорькой разгоралось,
И косою моей русою
Вся деревня любовалась.

Да сгубил меня мой батюшка,
Выдал замуж за богатого,
На житье отдал на горькое
За седого, бородатого.

Не живу я с ним, а мучаюсь;
Сердце горем надрывается,
Не водою лицо белое,
А слезами умывается.

Что богатство мне без радости?
Без любви душа измаялась.
Без поры-то я, без времени,
Молодешенька, состарилась!

* * *

Ах, нужда ли ты, нужда,
Сирота забытая!
Ходишь ты без зипуна,
День-деньской несытая.

На твоей на полосе
Рожь не наливается,
А крапива-то трава
Летом колыхается.

Твоего добра и днем
 Не сыскать со свечкою;
А в избе зимой мороз
 Греется за печкою.

Да когда же ты, нужда
 Горькая, поправишься?
Знать, тогда, как в гроб сойдешь,
 В саван принарядишься. . .

* * *

Голова ли ты, головушка!
Что на грудь ты наклонилась?
Отчего ты безо времени
Белым инеем покрылася?

Знать, ты в черный день да в час лихой
На свет божий показалася,
На потеху горю, злой беде
Ты, головушка, досталася.

У людей жизнь — лето красное,
У тебя ж — зима суровая. . .
Эх ты, доля моя, долюшка,
Горевая, бестолковая!

Где ты, доля моя, выросла?
Над рекою ли глубокою,
Над оврагом ли с крапивою,
Иль в болоте меж осокою?

В твою избу, избу ветхую,
Смотрит темный день без солнышка;
Пьешь ты горе с утра до ночи,
Пьешь, не выпьешь все до донышка.

Что ты делать ни задумаешь —
Не клеится и не ладится;
Люди купят, продадут в барыш,
У тебя ж рублем убавится.

У людей веселье, пир горой,
У тебя же горе кучею:
Ты засеешь рожью полосу —
Зарастет крапивой жгучею.

Люди женятся, с женой живут,
Ребятишек нарождается,
Лишь твоя по свету долюшка
Все одна-одной шатается.

Отчего ж, скажи, головушка,
Бесталанной ты родилась,
Или матушка-покойница
В церкви богу не молилась?

Нет! Соседи говорили мне,
Что была, вишь, богомольная. . .
Знать, сама собой сложилась
Жизнь ты горькая, бездельная!

* * *

Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую солому
Разметал, раздул?

И не твой ли под горою
Сгнил дотла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?

Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу в город
Летнею порой?

Не твоя ль жена в лохмотьях
Ходит босиком?
Не твои ли это детки
Просят под окном?

Не тебя ль в пиру обносят
Чаркою с вином,
И не ты ль сидишь последним
Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
На пиру текут?
Не твои ли это песни
Грустью сердце жгут?

Не твоя ль это могила
Смотрит сиротой?
Крест свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краям ее крапива
Жгучая растет,
А зимой над нею выюга
Плачет и поет.

И звучит в тех песнях горе,
Горе да тоска...
Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!

ПЕСНЯ

Эх ты, ветер, ветер!
Не срывай мне шапку:
Без тебя, брат, горя
Не собрать в охапку.

Полюбилась парню
Девка молодая,
Да сгубила счастье
Голова седая.

Забрался лукавый
В голову седую,
Нашептал жениться
И взять молодую!

И вздурился старый,
Чтоб его пришибло,
Взял мою красотку...
Счастье мое сгибло.

Сокрушает парня
Это злое горе.
Эх ты, ветер, ветер,
Погорюем двое!

* * *

Шум и гам в кабаке,
Люд честной гуляет;
Расходился бедняк,
Пляшет, припевает:

«Эй, вы, — ну, полно спать!
Пей вино со мною!
Так и быть, уж тряхну
Для друзей мошною!

Денег, что ль, с нами нет? ..
По рублю на брата!
У меня сто рублей
Каждая заплата!

Не беречь же их стать, —
Наживешь заботу;
Надавали мне их
За мою работу.

Проживем — наживем:
Мышь башку не съела;
А кудрями тряхнем —
Подавай лишь дела!

А помрем — не возьмем
Ничего с собою;
И без денег дадут
Хату под землю.

Эх, ты, — ну, становись
На ребро, копейка!
Прочь поди, берегись
Ты, судьба-злодейка!

Иль постой! погоди!
Выпьем-ка со мною!
Говорят, у тебя
Счастье-то слугою.

Может быть, молодцу
Ты и улыбнешься;
А не то, прочь ступай, —
Слез ты не дождешься!»

* * *

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой:
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

* * *

День я хлеба не пекла,
Печку не топила —
В город с раннего утра
Мужа проводила.

Два лукошка толокна
Продала соседу,
И купила я вина,
Назвала беседу.

Все плясала да пила;
Напилась, свалилась;
В это время в избу дверь
Тихо отворилась.

И с испугом я в двери
Увидала мужа.
Дети с голода кричат
И дрожат от стужи.

Поглядел он на меня,
Покосился с гневом —
И давай меня стегать
Плеткою с припевом:

«Как на улице мороз,
В хате не топлёно,
Нет в лукошках толокна,
Хлеба не печёно.

У соседа толокно
Детушки хлебают;
Отчего же у тебя
Зябнут, голодают?»

О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку, —
Не меняй ты никогда
Толокна на водку!»

Уж стегал меня, стегал,
Да, знать, стало жалко, —
Бросил в угол свою плеть
Да схватил он палку.

Раза два перекрестил,
Плюнул с злостью на пол,
Поглядел он на детей —
Да и сам заплакал.

Ох, мне это толокно
Дорого досталось!
Две недели на боках,
Охая, валялась!

Ох, болит моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во сне мне снится!

В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь все вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет. . .

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой. . .

Кстати ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится. . .
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

* * *

Я ли в поле да не травушка была,
Я ли в поле не зеленая росла;
Взяли меня, травушку, скосили,
На солнышке в поле иссушили.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не пшеничушка была,
Я ли в поле не высокая росла;
Взяли меня срезали серпами,
Склали меня на поле снопами.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ли в поле не калинушка была,
Я ли в поле да не красная росла;
Взяли калинушку поломали
И в жгутики меня посвязали.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

Я ль у батюшки не доченька была,
У родимой не цветочек я росла;
Неволей меня, бедную, взяли,
И с немилым седым повенчали.

Ох ты, горе мое, горюшко!
Знать, такая моя долюшка!

* * *

Что не реченька,
Что не быстрая
Под крутой берег
Подмывается...

Нет, то матушка
Погубить мою
Волю девичью
Собирается.

Погоди, постой,
Моя матушка,
Не губи мою
Волю девичью!

Погоди, постой, —
Будет времечко,
Когда досыта
Нагуляюсь я.

По зарям, весной,
Я нанежуся;
Красотой моей
Я натешуся.

Когда игры мне
Прииграются,
Думы-думушки
Нагуляются,

Погибай тогда
Моя волюшка!
Пропадай коса
Под повойником!

Буду жить тогда
Я в чужой семье,
По избе ходить
По одной доске.

Буду печь топить,
За скотом ходить,
От свекрови злой
Брань выслушивать;

Все сносить, терпеть,
Рот завязывать,
Ничего людям
Не рассказывать.

* * *

Что не жгучая крапивошка
В огороде жгется, колется, —
Изожгла мне сердце бедное
Свекровь-матушка попреками.

«Как у сына-то у нашего
Есть с одежею два короба,
А тебя-то взяли бедную,
Взяли бедную, что голую».

Что ни шаг — руганье, выговор;
Что ни шаг — попреки бедностью;
Точно силой навязалась я
На их шею, горемычная.

От житья такого горького
Поневоле очи всплачутся,
Потемнеет лицо белое,
Точно ноченька осенняя.

И стоишь молчишь, ни слова ты, —
Только сердце надрывается,
Только горе закипит в груди
И слезами оно скажется.

* * *

Бедность ты, бедность,
Нуждою убитая, —
Радости, счастья
Ты дочь позабывая!

Век свой живешь ты —
Тоской надрываешься,
Точно под ветром
Былинка, шатаешься.

Мерзнешь зимой ты
В морозы трескучие,
Жаришься в лето
Горячее-жгучее.

Ох! Нелегко-то
Твой хлеб добывается;
Потом кровавым,
Слезой омывается!

Где ж твоя радость,
Куда подевалась?
Где ж твое счастье, —
Другим, знать, досталось.

* * *

Ой, дубинушка, ты ухни!
Дружно мы за труд взялись.
Ты, плечо мое, не пухни!
Грудь моя, не надорвись!

Ну-ко, ну, товарищ, в ногу!
Налегай плечом сильней!
И тяжелую дорогу
Мы пройдем с тобой скорей.

Ой, зеленая, подернем!
Друг мой! помни об одном:
Нашу силу вырвем с корнем
Или многих сбережем,

Тех борцов, кому сначала
Легок труд, кто делу рад, —
Вскоре ж — глядь! — все дело стало
Перед множеством преград.

Тем помочь нам скоро надо,
Кто не видит, где исход, —
И разрушатся преграды,
И пойдут они вперед.

Друг! трудящемуся брату
Будем смело помогать,
Чтоб за помощь в уплату
Слово доброе принять.

За добро добром помянут
Люди нас когда-нибудь
И судить за то не станут,
Что избрали честный путь.

Злоба с дочкою покорной —
Стоязычной клеветой
Станут нас следить упорно, —
Но не страшен злобы вой.

Прочь от нас! на мертвых рухни, —
Твой живых не сломит гнет...
Ой, дубинушка, ты ухни!
Ой, зеленая, пойдет!

* * *

Если б легкой птицы
Крылья я имела,
В частый бы кустарник
Я не полетела.

Если б я имела
Голос соловьиный,
Я бы не носилась
С песней над долиной.

Я бы не летала
На рассвете в поле
Косарям усталым
Петь о лучшей доле.

Я бы не кружилась
Вечером над хаткой,
Чтоб ребенка песней
Убаюкать сладкой.

Нет! Я полетела б
С песней в город дальний:
Есть там дом обширный,
Всех домов печальней.

У стены высокой
Ходят часовые;
В окна смотрят люди
Бледные, худые.

Им никто не скажет
Ласкового слова, —
Только ветер песни
Им поет сурово.

От окна к другому
Там бы я летала,
Узников приветной
Песней утешала.

Я б им навевала
Золотые грезы
И из глаз потухших
Вызывала слезы,

Чтобы эти слезы
Щеки их смочили,
Полную печали
Душу облегчили.

* * *

Не грусти, что листья
С дерева валяются, —
Будущей весной
Вновь они родятся, —

А грусти, что силы
Молодости тают,
Что черствеет сердце,
Думы засыпают. . .

Только лишь весною
Теплою повеет —
Дерево роскошно
Вновь зазеленеет. . .

Силы ж молодые
Сгибнут — не вернуться;
Сердце очерствеет —
Думы не проснутся!

* * *

(ИЗ НАРОДНЫХ МОТИВОВ)

Хорошо тому да весело,
У кого-то нет заботушки,
На душе тоски-кручинушки,
В ретивом сердце зазнобушки.

У меня ли, молодешенькой,
Есть кручинушка немалая:
Сокрушил меня сердечный друг,
Голова ли разудалая. . .

Сокрушил меня он, высушил
Хуже травушки кошенья,
Что на жарком летнем солнышке
Во чистом поле сушенья.

Сокрушил меня, младешеньку,
Он своею переменою,
Что сердечною обидою —
Горе-горькою изменою. . .

Погоди же ты, сердечный друг,
Я сама, млада, на грех пойду
И мою змею-разлучницу
Отыщу я, отыщу-найду.

О любви твоей, душевный мой,
Я дознаюсь, допытаюсь,
И сама мою разлучницу
Иссушить я постараюсь,

Что ни зельем, ни кореньями,
Ни отравой едкой, жгучею —
Иссушу ее, разлучницу,
Я слезой моей горячею!

* * *

(ИЗ НАРОДНЫХ МОТИВОВ)

Сговорилися батюшка с матушкой
Меня замуж отдать за немилото,
Старика безобразного, хилого.

Убегла я туманною ночью,
Убегла к бобылю одинокому,
К пареньку моему черноокому.

Я открыла ему горе лютое,
Крепко к груди его прижималась,
Его белым лицом любовалась.

Он сказал: «Выходи за богатого;
Изведем мы его, повенчаемся —
И тогда-то с тобой нагуляемся».

Я тогда с стариком повенчалась, —
День-деньской его грызла, бранила я,
Наконец старика отравила я.

Вышла замуж за парня я милого, —
Не нашла только долю желанную,
Совесьть мучит меня, окаянную.

Все мне прежний мой муж представляется,
Чуть прикрытый рубашкой дырявою,
И грозитя рукою костлявою.

Ночь не сплю я, дрожу, что осинушка, —
Все мерещится чья-то косматая
Голова мне и шепчет: «Проклятая!»

**ЛИРИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Легкий сумрак ночи
Разлился кругом.
Светят неба очи
Трепетным огнем.

Ходит над дорогой,
Над селом родным,
Месяц светлорогий
Сторожем ночным.

Словно дива-птицы,
В небе облака
Мчатся вереницей;
Чуть журчит река.

Нивы, луг покрыты
Влажною росой;
Дремлет лес, повитый
Грезью ночной. . .

Тише все, темнее, —
Не дрогнет листок;
Спит, дохнуть не смея,
Теплый ветерок.

Тишь кругом святая,
Всюду мир, покой. . .
Спит земля родная,
Сбросив жар дневной. . .

ИЗ БЕДНОЙ ЖИЗНИ

Сырая каморка,
Бедно в ней, убого:
Два стула, скамейка
Да столик трехногий.

Живет в ней сапожник
С своею семьею:
С малюткою-дочкой,
С больною женою.

Больная не стонет;
В тускнеющем взоре
Не боли мученье —
Душевное горе.

На дочку больная
Глаза устремила,
Иссохшие руки
На груди скрестила.

Не с жизнью расстаться
Жалеет бедняжка,
Но дочку сироткой
Покинуть ей тяжко.

Кто будет сиротку
Беречь и лелеять?
Кто доброе семя
Ей в сердце посеет?

Отец? Но при мысли
О муже больная
Рукой безнадежно
Махнула, вздыхая.

Плохая надежда
В отце для малютки!
Как добыл он денег —
И нет его сутки.

И пьет себе, пьет он, —
Семья позабыта!
Какая ж малютке
В нем будет защита?

И в грустных картинах
Встает пред больною
Жизнь дочки, как будет
Она сиротою...

То мнится ей: дочка
В худой душегрейке
По улицам ходит,
Сбирает копейки.

То мнится ей: дочка
С шарманкой шагает
И песней и пляской
Народ потешает.

То мнится ей: дочка
В палате больничной
Прощается с жизнью
Своей горемычной.

И очи больная
Закрывает рукою,
Чтоб больше не видеть
Виденье такое.

В час ночи сапожник
Домой воротился
И долго буянил,
Шумел и бранился.

Жена ни полслова —
Лежит без движенья;
На брань и на крики
Нет слов возраженья.

И грозно сапожник
К жене подступает,
И крепко жену он
За плечи хватает.

Он хочет с постели
Стащить ее силой, —
Но тащит — и что же?!
Она уж остыла. . .

ПОКОЙНИЦА

Грустная картина:
В горенке тесовой,
Озарен свечою,
Гроб стоит сосновый.

Перед ним сиротки —
Дети робко жмутся,
Громко кличут маму,
Да не дозовутся.

Бедная, не слышит
Плач своих малюток —
Спит она сном крепким,
Спит уж двое суток.

Спит. . . Забыты ею
Горе и заботы —
С долею тяжелой
Кончены расчеты.

Жертва нужд и горя!
Спи, господь с тобою!
Отдохнешь от жизни
Ты хоть под землю.

На тебя гляжу я
И душой страдаю,
И твою былую
Жизнь припоминаю.

Вот ты предо мною —
Девочка-малютка,
Щечки без румянца,
Худенькая грудка;

На глазах слезинки,
Грустная такая, —
Больно тебя была
Мачеха лихая...

Вот бежишь ты в стужу,
Зимнею порою
В лавочку за квасом
Или за водою.

Грязные лоскутья
Тело прикрывают;
Сквозь башмак дырявый
Пальцы выползают.

И ребячье тело
Все почти наруже...
И дрожишь, бежишь ты
Улицей по стуже.

И придешь с морозу
Не в тепло, бедняжка, —
Мачеха прогонит
Полоскать рубашки.

Горько тебе было,
Тяжело и больно;
Слез горячих втайне
Пролило довольно.

Ты сносила горе
Молча, терпеливо.
Время шло — ты стала
Девушкой красивой.

Мачеха, чтоб с хлеба
Сбыть тебя скорее,
Выдала бедняжку
Замуж за злодея.

Хоть бы луч отрады
Был тебе минутный!
Загубил-замаял
Муж тебя беспутный!

Вот уйдет он утром
Рано, на рассвете;
Нет ни крошки хлеба,
Горько плачут дети.

Дома ни копейки. .
Заложить? Да что же?
Все давно прожито,
Нет клочка одежды.

И заплачешь горько,
Голова склонится;
Пред святой иконой
Станешь ты молиться.

Просишь ты у бога
Не для жизни силы, —
Просишь у него ты
Для детей могилы.

И в тоске малюток
Обоймешь руками,
Детские головки
Оросишь слезами.

Жарко их целуешь,
Плачешь и рыдаешь,
В горе да в кручине
С ними засыпаешь.

В полночь муж вернется, —
Буйство, брань, угрозы;
Дети в перепуге
Вскочат. . . крик и слезы.

Сдавлена, согнута
Жизнию такую,
Скоро подружилась
Ты с чахоткой злою.

Сил твоих остаток
Злая боль сточила
Да и в гроб сосновый
Жертву уложила.

Плачьте, плачьте, дети!
Жизнь горька вам будет.
Кто-то вас утешит?
Кто-то приголубит?

ЧАСОВОЙ

Полночь. Злая стужа
На дворе трещит.
Месяц облаками
Серыми закрыт.

У большого зданья
В улице глухой
Мерными шагами
Ходит часовой.

Под его ногами
Жесткий снег хрустит,
А кругом глухая
Улица молчит;

Но шагает ровно
Бравый часовой,
И ружье он крепко
Жмет к плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
С белою трубой;

Вспомнилась голубка,
Милая жена:
Чай, теперь на печке
Спит давно она.

Может быть, ей снится,
Как мороз трещит,
Как солдат озябший
На часах стоит.

МОГИЛА

Среди степи глухой
Есть могила одна;
Меж кустов, сиротой,
Затерялась она.

Безмятежно кругом
Степь зеленая спит;
На просторе степном
Только ветер шумит.

Над могилой весь день
Блещут солнца лучи,
Ходит облака тень,
Светят звезды в ночи.

Ветер, ветер, скажи,
Вольный ветер степной,
Кто здесь, в этой глуши,
Спит в могиле сырой?

И, качая травой,
Буйный ветер шумит:
«Здесь купец молодой
В ночь глухую зарыл.

Ехал с ярмарки он
Не с пустым кошельком;
Одолел его сон, —
Он убит ямщиком.

Шесть недель о купце
Тосковала жена,
На седьмой же, в конце,
Вышла замуж она».

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Ярко загорелась
В небе голубом
Утренняя зорька
Над большим селом.

Засверкало поле
Светлою росой,
Точно изумрудом,
Точно бирюзой...

Но кругом все тихо:
Спит все крепким сном;
Мельница на горке
Не дрогнет крылом;

Над крутым оврагом
Лес не прошумит;
Рожь не колыхнется,
Вольный ветер спит...

Тишь... но, чу! в селенье
Прокричал петух...
На свирели звонкой
Заиграл пастух...

И выходит солнце
Ярко и светло, —
И зашевелилось
Людное село.

Раздается говор,
Скрип и стук ворот...
Шумный день с тревогой
Вечной настает...

Чудною прохладой
Веет от реки...
В поле на работу
Едут мужики...

* * *

Солнце утомилось,
Ходя день-деньской;
Тихо догорая,
Гаснет за рекой.

Край далекий неба
Весь зарей облит,
Заревом пожара
Блещет и горит.

Ходят огневые
Полосы в реке;
Грустно где-то песня
Льется вдалеке.

ЧТО ТЫ, ЖИЗНЬ, МНЕ ДАЛА?

Ах ты, жизнь, моя жизнь,
Жизнь, злодейка моя,
Что ты, жизнь, мне дала,
Когда молод был я?

Только в сердце сожгла
Ты горячую кровь,
Только мне ты дала
Без ответа любовь;

У меня, молодца,
Сердце съела тоской
Да румянец с лица
Смыла горькой слезой.

Ах ты, жизнь, моя жизнь,
Жизнь, злодейка моя,
Что ты, жизнь, мне дала,
Возмужал когда я?

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба,
Жар души молодой
Сокрушила борьба;

Только с горем, с бедой
Ко мне день приходил,
Только волос седой
Мои кудри развил.

Ах ты, жизнь, моя жизнь,
Жизнь, злодейка моя,
Что ты, жизнь, мне дала,
Как состарелся я?

Только хилый, больной,
Я с сумою хожу
И дрожащей рукой
Подаянья прошу.

Только наг я и бос,
Меня голод томит,
Да трескучий мороз
Мое тело знобит.

* * *

Эх, брат Ваня, Ваня,
Что ты так невесел?
Буйную головку
Опустил, повесил.

— Ах, отстаньте, братцы!
Не мешайте горю,
Пусть оно помучит
Сердце мое вволю.

Что с ним станешь делать?
Пылким уродилось,
Без ума, без дела
Горячо влюбилось.

Не спросясь рассудка,
Волю себе дало,
На беду, на горе,
На тоску попало.

Но по ком все плачет
Сердце да страдает —
Та другого любит,
Любит и ласкает.

* * *

Занялася заря —
Скоро солнце взойдет.
Слышишь... чу... соловей
Щелкнул где-то, поет.

И все ярче, светлей
Переливы зари;
Словно пар над рекой
Поднялся, посмотри.

От цветов на полях
Льется запах кругом,
И сияет роса
На траве серебром.

Над рекой наклонясь,
Что-то шепчет камыш;
А кругом, на полях,
Непробудная тишь.

Как отрадно, легко,
Широко дышит грудь!
Ну, молись же скорей!
Ну, молись, да и в путь.

У МОГИЛЫ МАТЕРИ

Спишь ты, спишь, моя родная,
Спишь в земле сырой.
Я пришел к твоей могиле
С горем и тоской.

Я пришел к тебе, родная,
Чтоб тебе сказать,
Что теперь уже другая
У меня есть мать;

Что твой муж, тобой любимый,
Мой отец родной,
Твоему бедняге-сыну
Стал совсем чужой.

Никогда твоих, родная,
Слов мне не забыть:
«Без меня тебе, сыночек,
Горько будет жить!

Много, много встретишь горя,
Мой родимый, ты;
Много вынесешь несчастья,
Бед и нищеты!»

И слова твои сбылися,
Все сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
На меня взгляни!

С неба дождик льет осенний,
Холодом знобит;
У твоей сырой могилы
Сын-бедняк стоит.

В старом, рваном сюртучишке,
В ветхих сапогах;
Но все так же тверд, как прежде,
Слез нет на глазах.

Знают то судьба-злодейка,
Горе и беда,
Что от них твой сын не плакал
В жизни никогда.

Нет, в груди моей горячей
Кровь еще горит,
На борьбу с судьбой суровой
Много сил кипит.

А когда я эти силы
Все убью в борьбе
И когда меня, родная,
Принесут к тебе, —

Приюти тогда меня ты
Тут в земле сырой;
Буду спать я, спать спокойно
Рядышком с тобой.

Будет солнце надо мною
Жаркое сиять;
Будут звезды золотые
Во всю ночь блистать;

Будет ветер беспокойный
Песни свои петь,
Над могилой серебрястой
Тополью шуметь;

Будет вьюга надо мною
Плакать, голосить...
Но напрасно — сил погибших
Ей не разбудить.

МОРОЗ

Смотрит с неба месяц бледный,
Точно серп стальной;
По селу мороз трескучий
Ходит сам-большой.

По заборам, по деревьям
Вешает наряд;
Где идет, в снегу алмазы
По следу горят.

Шапка набок, нараспашку
Шуба на плечах;
Серебром сияет иней
На его кудрях.

Он идет, а сам очами
Зоркими глядит;
Видит он — вот у калитки
Девушка стоит. . .

Поглядел, тряхнул кудрями,
Звонко засвистал —
И пред девушкой любимым
Молодцем предстал.

«Здравствуй, сердце! . . Здравствуй,
радость!» —

Он ей говорит;
Сам же жгучими очами
В очи ей глядит.

«Здравствуй, Ваня! Что ты долго?
Я устала ждать.
На дворе такая стужа,
Что невмочь дышать. . .»

И мороз рукой могучей
Шею ей обвил
И в груди ее горячей
Дух он захватил.

И в уста ее целует —
Жарко, горячо;
Положил ее головку
На свое плечо.

И очей не сводит зорких
Он с ее очей;
Речи сладкие такие
Тихо шепчет ей:

«Я люблю тебя, девицу,
Горячо люблю.
Уж тебя ли, лебедицу
Белую мою!»

И все жарче он целует,
Жарче, горячей;
Сыплет иней серебристый
На нее с кудрей.

С плеч девичьих душегрейка
Съехала долой;
На косе навис убором
Иней пуховой;

На щеках горит румянец,
Очи не глядят,
Руки белые повисли,
Ноги не стоят.

И красotka стынет... стынет...
Сон ее клонит...
Бледный месяц равнодушнѣ
Ей в лицо глядит.

НОЧЬЮ

Осенью дождливой
Ночь глядит в окошко;
В щели ветер дует...
— Что дрожишь ты, крошка?

Что ты шепчешь тихо
И глядишь мне в очи?
Призраки ли видишь
Ты во мраке ночи?.. —

«Сядь со мною рядом,
Я к тебе прижмуся, —
Жутко мне и страшно,
Я одна боюсь...»

Слышишь... чу!.. там кто-то
Плачет и рыдает...»
— Это за окошком
Ветер завывает. —

«Чу! стучат в окошко...
Это духи злые...»
— Нет, то бьют по стеклам
Капли дождевые. —

И ко мне, малютка,
Крепко ты прижалась
И веселым смехом
Звонко засмеялась.

Понимаю, крошка:
Призраки — пустое!
Дрожь во мраке ночи,
Твой испуг — другое.

Это — грудь сжигает
Жар горячей крови;
Это сердце просит
И любви и воли...»

* * *

Тяжело и грустно,
Сердце так и ноет,
За окошком ветер
И шумит и воет.

И стучат в окошко
Капли дождевые,
Лезут в душу думы
Черные и злые.

И на ум приходит
Время прожитое,
В сердце воскресаёт
Прошлое бывшее.

Как жила я прежде
Без нужды и горя,
Когда улыбалась
Весело мне доля.

Эх ты, жизнь-злодейка!
Ты меня сгубила,
В мрачный, тесный угол
Злой нуждой забила.

Вот моя каморка —
Грязная, сырая.
Чуть во мраке светит
Свечка, догорая.

Вот у стенки столик,
Вот два ветхих стула,
В уголке — икона
В мраке утонула.

Вот моя подруга
В безотрадной доле,
Шьёт она, трудится,
Убиваясь в горе.

Вот лежит в постели,
Бледная, худая,
Охает и стонет
Мать моя больная.

Холодно в каморке,
Коченеют члены,
Затопил бы печку —
Дров нет ни полена!

Требует хозяин
Денег за квартиру, —
Упадаешь духом
И теряешь силу.

Голова кружится,
Мысли перебиты,
И стоишь да плачешь,
Злой нуждой убитый.

И невольно в сердце
Зависть закипает
На того, кто в свете
Злой нужды не знает.

* * *

Где ты, моя юность?
Где ты, моя сила? ..
Горькая кручина
Грудь мою сдавила.

Голове поникшей
Тяжело подняться;
Думы в ней, как тучи
Черные, роятся;

И сквозь эти тучи
Солнце не проблещет;
Сердце, точно голубь
Раненый, трепещет.

Эх, судьба-злодейка!
Ты меня сгубила;
В мрачный, тесный угол
Злой нуждой забила.

В ДОРОГЕ

Воет, воет вьюга в поле,
Бор дрожит и стонет.
И во мгле метели снежной
Путь-дорога тонет.

Еду, еду я в дороге
По нужде-неволе;
Меня снегом заметает
Злая вьюга в поле.

Молодой ямщик печально
Песню напевает, —
Верно, сердце горемыки
Зла тоска терзает.

Верно, сердце зазнобила
Девка-лиходейка,
Верно, парня разлучила
С ней судьба-злодейка.

Эй, гони, ямщик, скорее!
Холодно — нет мочи,
Света божьего не видно,
Снег слипает очи.

Мучит сердце, мучит душу
Злой тоски истома:
Чай, давно меня подруга
Заждалась дома.

На коней ямщик мой крикнул,
Шевельнул вожжами,
И взвилась, помчалась тройка
Снежными полями.

Воет, воет вьюга в поле,
Бор дрожит и стонет.
И во мгле метели снежной
Путь-дорога тонет.

* * *

Осень... Дождик ведром
С неба хмурого льет;
На работу, чуть свет,
Молодчина идет.

На плечах у него
Кафтанишка худой;
Он шагает в грязи
По колена, босой.

Он идет да поет,
Над погодой смеясь;
Из-под ног у него
Брызжет в стороны грязь.

Холод, голод, нужду
Сносит он до конца, —
И не в силах беда
Сокрушить молодца.

Иль землю его,
Иль бревном пришибет,
Или старость его
На одре пригнетет.

Да и смерть-то придет —
Не спугнет молодца;
С ней он кончит расчет,
Не поморщив лица.

Эх, родимый мой брат!
Много силы в тебе!
Эту силу твою
Сокрушить ли судьбе!..

* * *

Сердцу грустно, сердце ноет,
Тяжело невмочь!

За окошком вьюга воеет,
На дворе уж ночь.

В темной комнате, зимою,
Сыро, холодно,

И стучится вьюга злая
В мерзлое окно.

На столе огарок свечки
Льет свой свет чуть-чуть;

Лезут тени из-за печки,
На стене растут.

У соседа за стеною
Что-то дочь молчит,

А бывало, ее песня
Весело звучит.

Что за голос! чист и звонок,
Точно серебро.

Запоет — на сердце станет
Радостно, светло.

Веришь в это время в счастье,
Веришь и в любовь,

В сердце жарче закипает
Молодая кровь.

Так и бросился б к соседу,
Целовал бы дочь,

Но старик-сосед, пожалуй,
И побить непрочь.

Чул там кто-то за стеною
Тихо зарыдал,

Так и есть — она, резвушка,
Голос я узнал.

«Что ж, сгубить меня хотите,
За него отдать?»

И не жалко и не грех вам
Дочь свою продать?»

Слышу голос: «Что ж, не хочешь —
Ну, так прокляну,

На мороз тебя трескучий
В платье прогоню.

Иль с соседом за стеною
Шашни завела,

С этим нищим, гольтепою?
Вот так уж нашла!

То-то будет вас уж пара,
Нечего сказать.

Одна будет шить до ночи,
А другой писать.

За того ж коль выйдешь замуж,
Будешь госпожа,

И сидеть день целый с утра,
Руки положи».

Я не вытерпел и плюнул;
Тяжело невмочь.

Обругал в душе соседа
За бедняжку дочь.

Лег в холодную постелю,
Ноги подогнул,

Завернулся в одеяло
И в тоске заснул.

С ГОРЯ

Эх, не троньте... С горя
Запил, братцы, я, —
Эх ты, доля, доля,
Горькая моя!

Голова покрыта
Сединой давно,
Но ума не нажил
Я ни на зерно.

Бес смутил лукавый,
Блажь в башку вошла,
Жизнь мне одиночкой
Стала не мила.

Вот я и женился,
Молодую взял;
В женины-то руки,
Как в тиски, попал.

Села лиходейка
На меня верхом,
И пошло все дело
Накось да вверх дном.

И пришлось от бабы
Мне хоть волком выть.
Дурака седого,
Бить бы меня, бить!

.

Ну-ка, эй, приятель!
Дай еще вина!
Поедом заела
Чортова жена!

В комнатах не стало
Мне от ней житья.
Что тут станешь делать?
Взлез на печку я.

К ней какой-то начал
Шляться господин
И до поздней ночи
С ней сидит один.

Чорт знает, какие
Там у них дела.
Смотришь, господина
Провожать пошла.

.

Понимай как знаешь,
Где она была.
Вот меня за сердце
Грусть-то и взяла.

Я и запил с горя,
Тяжело глядеть...
Эх ты, доля, доля!
Хоть бы умереть!

ВЕРБА

(СИРОТКЕ Е. Н. Е-ВОЙ)

Ходит ветер, ходит буйный,
По полю гуляет,
На краю дороги вербу
Тонкую сгибает.

Гнется, гнется сиротинка, —
Нет для ней опоры;
Всюду поле — точно море,
Не окинут взоры.

Солнце жжет ее лучами,
Дождик поливает;
Буйный ветер с горемыки
Листья обрывает.

Гнется, гнется сиротинка, —
Нет для ней защиты;
Всюду поле — точно море,
Ковылем покрыто.

Кто же вербу-сиротинку
В поле, на просторе,
Посадил здесь, при дороге,
На беду, на горе? ..

Гнется, гнется сиротинка, —
Нет для ней привета;
Всюду поле — точно море,
Море без ответа.

Так и ты, моя сиротка,
Как та верба в поле,
Вырастаешь без привета
В горемычной доле.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи, мальчишка бестолковый,
Пожалей себя!
Будешь плакать, плеткой новой
Высеку тебя.
Я тебе, буйн-сынишка,
Песенку спою,
Спи же ты, дрянной мальчишка,
Баюшки-баю!

Слух по городу промчался:
Твой отец-банкрот
За долги в тюрьму попался...
Он не пропадет!
Знаю, кончит он исправно
Сделочку свою,
Кредиторов спрыснет славно,
Баюшки-баю!

Спи, отдам тебя в служенье
На гостиный двор,
Там ты кончишь курс ученья,
Станешь ловкий вор;
Рано, рано ты загубишь
Совесьь всю свою,
Красть по сотенной ты будешь,
Баюшки-баю!

Тысяч триста нахватаешь,
Документы дашь,
А потом кому сам знаешь
Лавки передашь;
Пред кредиторами спину
Выгнешь ты свою,
Им за рубль отдашь полтину,
Баюшки-баю!

Купишь после сделки честной
Дом ты не один,
Станешь ты купец известный,
Честный гражданин.
И, чресчур наевшись сыто,
Кончишь жизнь свою.
Спи, купец мой именитый,
Баюшки-баю!

* * *

Тихо тощая лошадка
По пути бредет;
Гроб, рогожею покрытый,
На санях везет.

На санях в худой шубенке
Мужичок сидит;
Понукает он лошадку,
На нее кричит.

На лице его суровом
Налегла печаль,
И жену свою, голубку,
Крепко ему жаль.

Спит в гробу его подруга,
Верная жена, —
В час родов, от тяжелой муки,
Умерла она

И покинула на мужа
Пятерых сирот;
Кто-то их теперь обмоет?
Кто-то обошьет?

Вот пред ним мосток, часовня,
Вот и божий храм, —
И жену свою, голубку,
Он оставит там.

Долго станут плакать дети,
Ждать и кликать мать;
Не придет она с погоста
Слезы их унять.

* * *

Гром отгремел, прошла гроза,
И в выси светлоголубой
Прозрачней смотрят небеса,
И на смочённой мостовой
Все громче грохот колеса.
Открыты окна по домам;
Весенний воздух свеж и чист;
Куда ни взглянешь, тут и там
Блестит дождем омытый лист.

* * *

День вечереет, облака
Лениво тянутся грядую,
И ночи тьма издалека
Идет неслышною стопою.

Идет и стелет по полям
Ночные тени осторожно,
И слышит ухо тут и там,
Как тонет в тьме звук дня тревожный.

Пора на отдых, на покой,
Заботы в сторону дневные;
Уж над усталой головой
Летают образы ночные.

* * *

Засветилась вдали, загорелась заря;
Ярко пышет она, разливается;
В поле грустная песня звенит косаря;
Над заливом тростник колыхается.

От дерев и кустов полем тени ползут,
Полям тени ползут и сливаются;
В темном небе, вверху, поглядишь — там и тут
Звезды яркие в мгле загораются.

* * *

От деревьев тени
На луга легли;
Пронеслись над лесом
С криком журавли.

Ветер перелетный
Ходит в тростнике. . .

Плачет колокольчик
Где-то вдалеке...

Где ты в это время,
Друг далекий мой?
Спишь ли на ночлеге
Иль бредешь с сумой?

Пожалей о друге
В дальней стороне
И в тиши вечерней
Вспомни обо мне!

Я один, и не с кем
Слова мне сказать;
Некому печаль мне,
Горе передать.

* * *

За окном скрипит береза,
В комнате темно;
От трескучего мороза
В инее окно.

За окном!.. чу! песню кто-то
Весело поет;
Знать, ему нужна-забота
Душу не гнетет.

Пой же, друг, пока поется,
Жизнь пока светла;
А как горе к ней привьется —
Все оденет мгла.

Заскрипишь ты, как береза
Под окном зимой,
Закипят на сердце слезы,
Смолкнет голос твой.

* * *

В зареве огнистом
Облаков гряда,
И на небе чистом
Вечера звезда.

Наклоняся, ивы
Дремлют над рекой,
И реки извивы
В краске голубой.

Звук свирели стройно
Льется и дрожит;
На душе покойно,
Сердце будто спит.

* * *

Не проси от меня
Светлых песен любви;
Грустны песни мои,
Как осенние дни!

Звуки их — шум дождя,
За окном ветра вой;
То рыданья души,
Стоны груди больной.

* * *

Ночь тиха, сад объят полутьмою,
Дремлют липы над сонным прудом;
Воздух дышит цветущей весною;
Мы сидим пред раскрытым окном.

Светят яркие звезды над нами;
Кротко месяц глядит с высоты,

И его голубыми лучами
Облитая, задумалась ты.

Очарован твоей красотой,
Я люблюсь тобою без слов...
В нашу комнату тихой струею
Льется запах душистых цветов.

И прошу в этот час я не много:
Чтобы дни твои тихо текли,
Чтобы жизни печаль и тревога
В твое сердце пути не нашли.

* * *

На дворе бушует ветер,
Дождик бьет в окно...
Скучно мне! На сердце холод,
И в душе темно.

Взглянешь в прошлое — не встретишь
Светлого лица;
Поглядишь вперед — там горе,
Горе без конца.

Детства прошлого картины!
Только вы светлы:
Выступаете вы ярко
Из сердечной мглы.

Время детства золотое,
Юность без тревог!
Хоть бы день из этой жизни
Возвратить я мог!

Детство, нет тебе возврата!
Пронеслось, прошло;
Только в памяти живешь ты
Ярко и светло.

* * *

Ты, как утро весны,
Хороша и светла,
Как цветок, ты нежна,
Как дитя, весела;
Но боюсь тебя
Я, мой друг, полюбить,
Чтобы скорби моей
Мне к тебе не привить,
Чтобы горем моим
Мне тебя не убить.

* * *

Едем лесом, и нас
Он накрыл, точно свод;
По корням тарантас
Вперевалку идет.

На земле от ветвей
Тени сеткой лежат;
Миллионы лучей
В глубь лесную глядят.

В вышине — свет и шум;
А внизу — тишь и тень.
В голове — рой дум,
В сердце — тягость и лень.

ДЕТИ

Солнышко уж встало
И глядит в окно;
Уж щебечут птички
За окном давно.

Вышли дети, — травка
От росы мокра,
И на ней сияют
Капли серебра.

Темный сад лучами
Солнышка облит;
От деревьев рядами
Тень в пруде лежит.

На дорожках сыро,
В воздухе легко,
И кричит дергачик
Где-то далеко.

* * *

Помнишь: были годы,
Годы светлой веры;
Верили мы свято
И любви и ласке,
Верили мы даже
Бабушкиной сказке.

Но пришли другие —
Годы испытаний;
В нас убила веру
Ложь людей и злоба,
Уж любви и ласке
Мы не верим оба, —

Так, что ради дружбы
Сказанное слово
Стали мы с тобою
Взвешивать и мерить, —
Сердце даже правде
Отказалось верить.

СМЕРТЬ

(А. А. Е—ВУ)

Осеннее солнышко скупно лучами
Проглянет на землю и в тучки уйдет;
Работает дружно артель топорами —
Строение выше и выше растет.

Окончены стены, за балками дело,
А то хоть совсем потолок настилать;
Канат прикрутили и начали смело
Тяжелую балку наверх поднимать.

Плечистый десятник в конце упирает
Широкою грудью и кверху кричит:
«Держите, ребята, — сдавать начинает...
Держите, держите!.. Валится... трещит!..»

И рухнула балка, десятник шатнулся, —
К земле придавило концом бедняка;
Лежит он, не стонет, — лежит, протянулся;
За грудь ухватилась крепко рука.

Лицо побелело белее бумаги;
Дыханье чуть слышно, глаза не глядят...
Артель собралась, стащили с бедняка
Тяжелую балку — и молча стоят.

Очнулся несчастный, окинул глазами
Артель всю, — и тихо он стал говорить:
«Попа позовите; недолго уж с вами
Осталось, братцы, на свете мне жить.

Пред смертью меня, мои други, простите:
Быть может, обидел вас речью какой;
Пойдете домой — не забудьте, скажите
Жене вы последний наказ мой такой:

По мне б не грустила, молилась бы богу, —
Такая уж, значит, мне смерть подошла;
Одной ей не справиться — скотины-то много,
Взяла б половину ее продала.

Скажите вы ей, чтобы нынче ж зимою
Гришутку учиться к дьячку отвела;
У шурина Карпа прошедшей весной
Я брал два с полтиной, — ему б отдала.

Да если придет Трофимыч зимою, —
За лапти б ему отдала четвертак.
Ну, кажется, все», — и махнул он рукою,
Вздыхнул как-то тихо и умер, бедняк.

СТЕПЬ

Едешь, едешь — степь да небо,
Точно нет им края;
И стоит вверху, над степью,
Тишина немая.

Нестерпимою жарою
Воздух так и пышет;
Как шумит трава густая,
Только ухо слышит.

Едешь, едешь — как шальные
Кони мчатся степью;
Вдаль курганы, зеленея,
Убегают цепью.

Промелькнут перед глазами
Две-три старых ивы —
И опять в траве волнами
Ветра переливы.

Едешь, едешь — степь да небо,
Степь, все степь, как море;
И взгрустнется поневоле
На таком просторе.

КОСАРИ

1

Утро. Блещет роса, и сквозь лес от зари
Яркий свет на поля разливается.
За рекой, на лугу, по росе косари
Идут, косят траву, наклоняются.

«Эй ты, что ж отстаешь, соловей записной,
Точно двигаешь бабу тяжелую?
Размахнись посмелей да пошире косой
И ударь-ка, друг, песню веселую! . .»

И плечистый косарь вдруг кудрями потрянул,
Поднялася его грудь высокая, —
Он кудрями потрянул и легко затянул:
«Ах ты, степь ли моя, степь широкая!

Поросла-убралась ты травой-ковылем,
Да песками ты, степь, позасыпалась;
На тебе ль от беды, на просторе степном,
Не одна голова вихрем мыкалась.

И горела трава, дым до неба стоял, —
Вырастали могилы бескрестные;
По ним вихорь ходил, гром над ними стучал
Да кружились орлы поднебесные! . .»

Подхватила артель, дружно песня звенит
И по чистому полю разносится;
Упадая, трава под косами шумит, —
Как-то легче она с песней косится.

Ворота у рубах все расстегнуты, — грудь
Дышит легче, свободнее голая;
Дружно косы блестят, дружно ноги идут,
И спорится работа тяжелая.

II

Полдень. Солнышко в небе высоко стоит,
От жары нет терпенья и моченьки:
Плечи, голову, руки и жжет и палит,
И невольно слипаются оченьки.

Всех стомила жара, всех замаяла лень,
И, под гнетом тяжелой дремотушки,
Люд рабочий от солнышка прячется в тень,
Отдохнуть от жары, от работушки.

Лошадь щиплет траву и лениво жуёт,
Тупо смотрят глаза полусжатые;
Точно плетью, хвостом мух стегнет да стегнет, —
Не дают ей покоя, проклятые.

Спят в тени косари, лишь лохматый барбос,
Весь объятый какою-то негою,
Глаз прищуря, глядит на пушистый свой хвост. . .
Вот и он задремал под телегою.

Только мухи жужжат да в траве трескотня:
Кто-то свищет там в ней, надрывается;
Чуть заметно трава ветерком полудня
Кое-где под кустом наклоняется.

Точно в раме река тростником поросла,
Спит, дремотой полдня очарована;
Из травы пустельга лишь взмахнет, как стрела,
И повиснет вверху, как прикована.

Солнце за лес зашло, потянул холодок,
Всколыхнул на реке влагой чистою,
И в лицо косарей вдруг пахнул ветерок
Из-за леса прохладой душистою.

Потянулся один, потянулся другой, —
Вот и все, — и рукой загорелою
Протирают глаза и речною водой
Освежают лицо запотелое.

Взяли косы, бруском наточили, идут. . .
Берегися, трава ты зеленая!
Ох, недолго тебе красоваться уж тут, —
Упадешь ты, косой подкошенная!

И с родимых полей тебя люди сгребут,
Иссушенную травушку бледную,
Как невесту, в чужую семью увезут
На житье горемычное, бедную!

ТИХАЯ ПОСТЕЛЬКА

Ночь, в углу свеча горит,
Никого нет, — жутко;
Пред иконою лежит
В гробике малютка.

И лежит он, точно спит
В том гробочке, птенчик,
И живых цветов лежит
На головке венчик.

Ручки сложены крестом;
Спит дитя с улыбкой,
Точно в гробике он том
Положён ошибкой.

Няня старая дитя
Будто укачала;
Вместо люльки да шутя
В гробик спать уклала.

Хорошо ему лежать —
В гробике уютно.
Горя он не будет знать,
Гость земли минутный.

Не узнает никогда,
Светлый житель рая,
Как слезами залита
Наша жизнь земная.

* * *

Всю ночь кругом метель шумела
И только смолкла пред зарей;
Поутру сад стоит весь белый,
Окутан пышной пеленой.

Идешь двором — и тонут ноги,
В снег рыхлый вязнут глубоко;
Ни грусти в сердце, ни тревоги, —
Идешь, и дышится легко.

ГРЕЗЫ

Ярко небо пышет
Золотой зарею;
Чистый воздух дышит
Теплою весною.

Сад густой сияет
Свежестью наряда,
И в окно несется
Песня птиц из сада.

Пышно развернулись
За окошком розы;
В сердце всколыхнулись
Молодые грезы, —

И растут, как волны,
Рвутся, воли просят,
Сердце молодое
Далеко уносят. . .

И в уме рисуют
Светлые картины:
Вот у речки домик,
У окна рябины. . .

Вьется меж кустами
В темный сад дорожка;
Девушка-резвушка
Смотрит из окошка, —

Смотрит и смеется,
Головой кивает. . .
В сад войдешь — резвушка
Встретит, обнимает.

На губах улыбка;
На ресницах слезы:
Молодого сердца
Молодые грезы.

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Все лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо все кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватить!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

У МОГИЛЫ ДРУГА

Посетил я могилу твою,
Мой товарищ, мой друг позабытый;
Поросла вся крапивой она,
Крест свалился, дождями подмытый.

И шумят над ней ивы, склонясь,
И поет над ней птичка уныло...
С невеселой я думою стал
Пред твоею заросшей могилой.

Я припомнил бывшее твое,
Дни печальные юности бедной.
Как сейчас предо мною стоишь
Ты, больной, исхудалый и бледный.

Сквозь цветы, что стоят на окне,
Пробивается солнце лучами;
Ты уселся на стуле в углу
И глядишь на меня со слезами.

Оба были в то время с тобой
Мы задавлены злою нуждою:
Без приюта ходил я кой-где,
Не имел ты гроша за душою.

Я бумагу, а ты — полотно,
Оба дружно мы с жаром марали;
Проливали мы слезы на них,
И по целым мы дням голодали.

Я был крепче тебя и сильней,
Под тяжелой бедой я не гнулсЯ,
И с суровой моею судьбой
Устоял я в борьбе, не качнулсЯ.

Ты ж не выдержал этой борьбы,
Перед злою судьбою смирился,
Обессилел и духом упал
И под тяжестью горя сломился.

Спи же, спи, мой товарищ, в земле!
Там тебя уже горе не тронет;
Там покоен бедняк: от тоски
И тяжелой нужды не застонет. . .

БЕЗЗАБОТНЫЙ

Эх! одна голова
Не бедна на свете:
Не печалит жена,
Не заботят дети.

Жить одной голове
Уж куда привольно.
Хватишь хлеба с водой,
Хватишь — и довольно.

Ночь придет — на полу
Как комок свернешься,
Обвалился потолок —
Спишь и не проснешься.

Утром вскочишь легко,
Соколом встряхнешься,
Смочишь, нет ли лицо,
Рукавом утрешься.

Нет работы, так что ж?
Горе небольшое!
Не поел только день,
А в другой съешь вдвое.

Терпят плечи — вали,
Коли есть работа.
А живот надорвал —
Велика ль забота?

Лег в больницу — лежи.
Что болит? — Не знаю,
Аль живот надорвал,
Али так хвораю.

И умрешь — не беда,
Плачущих не много;
Жив — живи, бог с тобой,
Умер — слава богу! . .

* * *

Когда, с тобою встретишь снова
После разлуки долгих лет,
Я ждал, что ласковое слово
Ты скажешь мне, мой друг, в привет,

Я ждал, что ты расспросишь жадно
Меня о том, как мне жилось
И сколько в грусти безотрадной
Мне сердцем выстрадать пришлось, —

Ты ничего мне не сказала,
Ты холодна ко мне была,
Меня как будто не узнала
И, встретясь, мимо ты прошла.

И стало мне так грустно, больно,
Что я, придя домой, припал
Лицом к подушке, и невольно
Я зарыдал вдруг, зарыдал —

О том, что все прошло, минуло,
Чего желалось, не сбылось,
Как сон лукавый обмануло
И безвозвратно унеслось.

КОСАРЬ

Утро. Тихо. В небе зоренька
Ярко пышет, разгорается.
Поле спит, росой покрытое,
Под росой трава склоняется.

На заре косарь траву косит
Косой острою, широкою;
Он косит, закрыт до пояса
Травой сочною, высокою, —

И поет про степь родимую,
Волгу-реченьку глубокую
Да про девицу любимую,
Молодую, черноокою.

Как с сироткой повстречался он, —
Их любовь сойтись заставила;
Как нужда, злодейка лютая,
Молодой их век замаяла.

Раскидала друг от друга их
Жить в чужих людях, в неволюшке,
Под чужой избою стариться,
Не выдавши светлой долюшки.

Точно речка в пору вешнюю,
Полям песня разливается.
На заре, объят дремотою,
Лес от песни просыпается.

Красна девица, в реке воды
Зачерпнув, остановилась;
Косаря она заслушалась,
Из очей слеза скатилась.

* * *

И вот опять пришла весна,
И снова зеленеет поле;
Давно уж верба расцвела, —
Что ж ты не расцветаешь, доля?

Что ж ты такая же опять,
Как и была, убита горем?
Идешь — не радует очей
Тебе весна зеленым полем.

Вот скоро птички запоют,
В лесу кусты зазеленели;
И стадо выгонит пастух
И заиграет на свирели.

В наряды пышные весна
Сады оденет в ярком цвете;
Играть и бегать по садам
С веселой песней будут дети.

Дождемся ль, доля, мы с тобой,
Что жизнь весельем озарится?
Иль светлой радости для нас
На белом свете не родится?

Иль нам с тобой не суждено
Встречать весну, как малым детям,
И мы попрежнему ее
С тоской безвыходною встретим?

Вгляни кругом: как хорошо
Весной мир божий расцветает!
Как солнце весело глядит
И в поле травку пригревает!

Нет, не расцвествь нам, доля, нет!
И не запеть на лад веселый.
Одна, знать, песня нам дана:
Чтоб петь нужду да труд тяжелый.

* * *

Заря занимается, солнце садится,
Сияют деревья в огне золотом;
Тень от лесу движется, шире ложится,
Ложится на землю узорным ковром.
Домой косари потянулись с косами,
Их грустные песни звенят средь полей, —
И в воздухе пахнет травой и цветами,
Спускается вечер с прохладой своей.

ГОРЕ

Получил письмо от внука
Дедушка Федот;
Внук на фабрике прядильной
В Питере живет.

Что в письме том пишет внучек,
Нужно деду знать, —
Да письма-то не умеет
Сам он прочитать.

И выходит на крылечко
Дедушка Федот,
Сел с письмом и грамотея
С нетерпеньем ждет.

Время к вечеру подходит,
Скот идет с полей.
Вот пред дедом показался
Жданный грамотей.

Мальчик в беленькой рубашке
По селу идет.
Дед кричит ему: «Ванюша!
На, прочти-ка вот!

Что тут пишет милый внучек,
Нужно мне узнать».
Мальчик взял письмо и бойко
Принялся читать.

Дед нагнулся к грамотею,
Слушает его.
Пишет внук: «Чтобы не ждали
Денег от него.

Знает он, что деньги нужны,
Что оброк стоит, —
Где же взять их? Он в больнице
В Питере лежит.

И едва ли скоро выйдет,
Большо не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работе
Руку шестерней,
И теперь семье помощник
Будет он плохой.

Хоть и выйдет из больницы —
Так опять беда:
Искалеченный, безрукий —
Годен он куда?»

Много в том письме для деда
Горя и забот!
И заплакал горько, горько
Дедушка Федот.

И глядит тоскливо мальчик —
Тяжело ему;
Горе старого понятно
И его уму.

И поник головкой русой,
Опустил глаза,
И по личику ребенка
Катится слеза.

* * *

Пройдет и ночь, пройдет и день,
Пройдут недели и года,
Как полем облачная тень,
Пройдут — и нет от них следа.
Пройдет и жизнь, исчезнешь ты,
Исчезнут все твои мечты...
И для чего, бог весть, ты жил —
И ненавидел и любил?..
И тайна вечная творца
Все будет тайной без конца.

* * *

Встало утро, сыплет на цветы росой,
Тростником озерным тихо колыхая;
Слышит ухо, будто кто-то над водою
В тростнике озерном ходит, распевая.

Никого не видно... над водой лишь гнутся
Водяной кувшинки маковки, белея;
А вверху над ними, поднимаясь, вьются
Мотыльки, на солнце ярко голубея.

Приглядишься зорко — и за тростниками,
На воде, под легким утренним туманом,
Кто-то будто смотрит светлыми очами,
Колыхаясь тихо тонким, гибким станом.

* * *

Ярко солнце светит,
В воздухе тепло,
И куда ни взглянешь,
Все кругом светло.

На лугу пестреют
Яркие цветы;
Золотом облиты
Темные листы.

Дремлет лес:
Ни звука, —
Лист не шелестит,
Только жаворонок
В воздухе звенит.

Да взмахнет порою
Птичка над кустом,
Да, жужжа, повеется
Пчелка над цветком,

Да золотокрылый
Жук лишь прошумит —
И опять все тихо,
Все кругом молчит.

Хорошо! . . И если б
Труд не призывал,
Долго бы весною
В поле простоял.

* * *

Темна, темна моя дорога,
Все ночь да ночь, — когда ж рассвет?
Убил я сил душевных много,
А все из тьмы исхода нет.

К чему ж борьба, к чему стремленья?
Мне нет надежды впереди,
И тяготят меня сомненья
На полупройдённом пути.

Куда иду? и где святая
Цель неусыпного труда? . .
И ноет грудь моя больная,
Что жизнь проходит без следа,

Что даром гибнет сила воли,
Бесплодна долгая борьба,
Что не дождусь я лучшей доли,
Не даст мне светлых дней судьба.

В ПОЛЕ

Полдень. Тихо в поле.
Ветерок не веет,
Точно сон-дремоту
Нарушать не смеет.

Лишь в траве кузнечик,
Спрятавшись, стрекочет, —
Слышишь, точно кто-то
В поле косу точит.

И томит дремота,
Душу обнимая. . .
Лег в траву я. Грезит
Дума, засыпая. . .

Вот я вижу поле
Дальное, родное —
И над ним без тучек
Небо голубое.

Жарко, воздух душен;
Солнце припекает. . .
Девушка-батрачка
Сено подгребают.

Под лучами солнца
Жарится, бедняжка,
Липнет к ее телу
Белая рубашка.

На груди батрачки
Ворот распустился,
И платочек красный
С головы свалился. . .

Тяжело, неровно
Грудь, волнуясь, дышит;
На щеках горячий
Жар-румянец пышет;

Распустились косы,
Падают на плечи,
И звучат тоскливо
Девушкины речи:

«Ты вот от жары-то
Спрятался, поди-ка;
Я же здесь на солнце
Жарюсь, горемыка...»

Я ей отвечаю:
«Бросила б работу, —
Под такой жарою
Дело не в охоту!» —

«Бросила б работу!
Да ведь как же бросить?
А придет хозяин
Да работу спросит?»

Я не дочь родная —
Девка нанятая;
Нанялась — так делай,
Устали не зная.

Делай, хоть убейся,
Не дадут потачки...
Тяжела ты, доля,
Долюшка батрачки!»

Сон одолевает,
Дума засыпает...
Снится ей, что вечер
Тихий наступает.

Неба край сияет
Золотой зарею;
Воздух свеж, и пахнет
Скошенной травой.

Девушка-батрачка,
Прислонясь у тына,
Смотрит в перелесок, —
На лице кручина...

Вот из перелеска
Песня раздаётся,
В воздухе росистом
И звенит и льётся. . .

И из перелеска,
Узкою тропюю,
Вышел в поле парень
На плече с косою.

Подошел он к ть-ну,
Девушку ласкает;
Девушка, целуя,
Парня обнимает. . .

Говорит: «Желанный!
Долго ли нам биться:
От людей украдкой
Видеться, сходитьсь?»

Нет нам светлой доли, —
Нет нам, видно, счастья! . .
У людей жизнь — ведро;
А у нас — ненастье. . .

У людей свой угол,
У людей есть поле, —
А у нас с тобою
Ни угла, ни воли. . .» —

«Потерпи, голубка!
Не тужи о доле;
Будет у нас угол,
Будет у нас поле. . .

Потерпи, голубка!
Разживусь казною —
И в селе избу я
Светлую построю.

Над избой прилажу
Я коньки резные;
Сделаю у окон
Ставни расписные.

Обсажу ветлами
У избы крылечко. . .
На крылечко выйдешь
Ты, мое сердечко! . .

И меня из поля
Будешь дожидаться, —
Будут на нас люди,
Глядя, дивоваться! . .»

И под эти речи
Позабыто горе, —
И батрачка верит,
Верит светлой доле.

Хорошо ей, любо. . .
Смотрит парню в очи. . .
В поле же ложится
Тихий сумрак ночи.

ШВЕЙКА

Умирая в больнице, тревожно
Шепчет швейка в предсмертном бреду:
«Я терпела насколько возможно,
Я без жалоб сносила нужду.
Не встречала я в жизни отрады,
Много видела горьких обид;
Дерзко жгли меня наглые взгляды
Безрассудных пустых волокит.
И хотелось уйти мне на волю,
И хотелось мне бросить иглу, —
И рвалась я к родимому полю,
К моему дорогому селу.
Но держала судьба-лиходейка
Меня крепко в железных когтях.
Я, несчастная, жалкая швейка,

В неустанном труде и слезах,
В горьких думах и тяжкой печали
Свой безрадостный век провела.
За любовь мою деньги давали —
Я за деньги любить не могла;
Билась с горькой нуждой, но развратом
Не пятнала я чистой души
И, трудясь через силу, богатым
Продавала свой труд за гроши...
Но любви мое сердце просило —
Горячо я и честно любила...
Оба были мы с ним бедняки,
Нас обоих сломила чахотка...
Видно, бедный — в любви не находка!
Видно, бедных любить не с руки!..
Я мучительной смерти не трушу,
Скоро жизни счастливой лучи
Озарят истомленную душу, —
Приходите тогда, богачи!
Приходите, любуйтесь смело
Ранней смертью девичьей красы,
Белизной бездыханного тела,
Густотой темнорусой косы!»

СОН И ПРОБУЖДЕНИЕ

I

Я лесом шел, усталый, одинокий;
Дремучий лес вершинами шумел;
Внизу был мрак таинственно-глубокий...
И я невольно сердцем оробел.

Последний луч румяного заката
Погас вверху, и лес одела тьма...
Я изнемог... душа рвалась куда-то...
Мне были тяжки посох и сума.

Недолго шел я, — ноги подкосились,
И я упал под дерево, как сноп...
В моей груди все чувства притупились...
А лес был тих, как необъятный гроб.

В глухой тюрьме уснуть мне было б слаще!
Меня давила эта темнота. . .
И слышал я, что кто-то шел из чащи
Ко мне легко, беззвучно, как мечта.

То было что-то грозно-роковое,
То не был сон: я слышал наяву
И лязг косы о дерево сухое,
И треск ветвей, упавших на траву,

И чьих-то пальцев громкое хрустенье. . .
Грудь надорвал последний страшный стон. . .
Меня объяло полное забвенье,
И я уснул. . . Недолог был мой сон.

II

Я услышал, вдали звучало где-то:
«Вставай, вставай! день близится! пора!»
Мой сон прервал блестящий луч рассвета,
Луч золотой счастливого утра.

И я дивился света переливам. . .
Тяжелый страх в душе моей исчез. . .
Каким румянцем девственно-стыдливым
Он был покрыт, дремучий этот лес!

Как он шумел, омытый, стройный, чистый!
Таким я лес не видел никогда.
Вокруг меня в кустах, в траве росистой
Жизнь пробуждалась всюду для труда.

И в воздухе, прохладой напоенном,
Чаруя слух, лились звуки струн, —
И кто-то пел, носясь в лесу зеленом,
Так чудно пел, невидимый певун!

Казалось мне, то было вдохновенье. . .
Вздымалась грудь, кружилась голова,
Я весь горел, и в том бессловном пенье
Я находил и мысли и слова.

И мнилось мне, что сила жизни новой
С рассветом дня в мою вливалась грудь,
Я бодро встал, счастливый и здоровый,
И радостно пошел в далекий путь. . .

В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далеком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздается:
То табун коней в ночное
По лугам несется.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собралися дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули. . . Не шелохнет
Лес густым навесом.

Все темней, темней и тише. . .
Смокли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст — и снова
Все смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несется ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то все в белом
Тени в поле ходят. . .
Детям боязно — и дети
Огонек разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

ЛЕТОМ

Вот и лето. Жарко, сухо;
От жары нет мочи.
Зорька сходится с зарею,
Нет совсем и ночи.

По лугам идут работы
В утренние росы;
Только зорюшка займется,
Звякают уж косы.

И ложится под косами
Травушка рядами. . .
Сколько гнезд шмелиных срежут
Косари косами!

Вот, сверкнув, коса взмахнула
И — одна минута —
Уж шмели вверху кружатся:
Нет у них приюта.

Сколько птичьих гнезд заденут
Косари косою!
Сколько малых птичьих деток
Покосят с травою!

Им не враг косарь, — косою
Рад бы их не встретить;
Да трава везде густая —
Где ж их там заметить! . .

Поднялось и заиграло
Солнце над полями,
Порассыпалось своими
Жгучими лучами,

По лугам с травы высокой
Росу собирает,
И от солнечного зноя
Поле высыхает.

А косить траву сухую —
Не косьба, а горе!
Косари ушли, и сохнет
Сено на просторе.

Солнце жарче все и жарче:
На небе ни тучи;
Только вьется над травою
Мошек рой летучий;

Да шмели, жужжа, кружатся,
Над гнездом хлопочут;
Да кобылки, не смолкая,
На поле стрекочут.

Вот и полдень. Вышли бабы
На поле толпами,
Полувывсохшее сено
Ворошат граблями.

Растрясает, разбивают,
По лугу ровняют;
А на нем, со смехом, дети
Бегают, играют.

Растрясли, разворошили —
С плеч долой забота!
Завтра за полдень другая
Будет им работа.

Подгребать сухое сено,
Класть его копнами
Да возить домой из поля,
Навивать возами.

Вот и вечер. Солнце село;
Близко время к ночи;
Тишина в полях, безлюдье, ---
Кончен день рабочий.

ВЕСНА

Над землею воздух дышит
День от дня теплее;
Стали утром зорьки ярче,
На небе светлее.

Всходит солнце над землею
С каждым днем все выше,
И весь день, кружась, воркуют
Голуби на крыше.

Вот и верба нарядилась
В белые сережки,
И у хат играют дети,
Веселятся, крошки!

Рады солнечному свету,
Рады дети воле,
И теперь их в душевной хате
Не удержишь боле.

Вот и лед на речке треснул,
Речка зашумела
И с себя зимы оковы
Сбрасывает смело;

Берега крутые роет,
Разлилась широко...
Плеск и шум воды бурливой
Слышен издалека.

В небо тучка набежала,
Мелкий дождик сеет...
В поле травка показалась,
Поле зеленеет.

На брединнике, на ивах
Развернулись почки,
И глядят, как золотые,
Светлые листочки.

Вот и лес оделся, песни
Птичек зазвенели,
Над травой цветов головки
Ярко запестрели.

Хороша весна-царица,
В плащ цветной одета!
Много в воздухе разлито
И тепла и света...

ПО ДОРОГЕ

Я въезжаю в деревню весенней порой —
И леса и луга зеленеют;
Всюду труд на полях, режут землю сохой,
Всюду взрытые пашни чернеют;

И, над ними кружась, громко птицы звенят,
В блеске вешнего дня утопая...
И задумался я, тишиною объят:
Мне припомнилась юность былая...

И с глубокой тоской вспоминаю мои
Позабитые прошлые годы...
Много искренних чувств, много теплой любви
Я для жизни имел от природы.

Но я все растерял, очерствел я душой...
Где мое дорогое былое?
Редко светлое чувство, как луч золотой,
Озарит мое сердце больное.

Все убито во мне суетой и нуждой,
Все закидано грязью столицы,
В книге жизни моей нет теперь ни одной
Освежающей душу страницы...

И хотелось бы мне от тревог отдохнуть
В тишине деревенской природы;
На людей и на мир посветлее взглянуть,
Как гляделось мне в прошлые годы.

Но напрасно желанье мне душу гнетет.
Точно кроюсь от быстрой погони,
По дороге прямой все вперед и вперед
Мчат меня неустанные кони.

СЛЕЗА КОСАРЯ

Полюбил парень душу-девицу,
Полюбил горячо, горячо...
Но девица над ним посмеялась...
Положил он косу на плечо...

Вышел парень в поле,
Говорит: «Прости!
Грудь, не надрывайся,
Сердце, не грусти!»

Я пойду, удалец, на Украину,
Бодро травушку стану косить;
За работой, быть может, красотку
Мне удастся забыть, разлюбить.

Я к себе на помощь
Бога призову!..»
И слеза бедняги
Канула в траву.

Помолившись богу усердно,
Он в дорогу пошел одинок...
И где пала слеза удалого —
Зародился душистый цветок.

Солнца луч горячий
Ту слезу согрел —
И цветок душистый
В поле заалел.

Поднялся над травой он зеленой.
Любовались птички одне
Лучезарной его красотой
И звенели над ним в вышине.

Перед ним кружились
Мошки, и пчела
В утренние росы
Сок его пила.

И тогда лишь узнала девица,
Как любила она удалца;
В ней мучительно сердце забилося,
И сбежала вся краска с лица.

И хотелось бедной
Милого вернуть;
Горем надрывалась
Молодая грудь.

Выходила красавица в поле,
И на травушку, плача, легла,
И слезами горючими нежный,
Лучезарный цветок облила...

Плакала, рыдала
И звала с тоской:
«Воротись, желанный,
Милый, дорогой!..»

И, облитый слезами девицы,
Побледнел и завянул цветок:
Лепестки опустились бессильно,
И согнулся его стебелек.

Попусту девица
Милого звала...
Над цветком жужжала
Жалобно пчела...

* * *

Ты лежишь в гробу тесовом,
Друг наш дорогой,
До лица закрыт покровом,
Желтый и худой.

Недолга твоя дорога
Скорбная была:
До могильного порога
Рано довела.

Жизнь твою скосил до срока
Роковой недуг.
Ты в больнице одиноко,
Как свеча, потух.

На погост мы гроб печальный
Отнесем с тобой
И почтим тебя прощальной,
Теплою слезой.

Пусть бездушный и холодный
Труп в земле уснет!
Умер ты — но благородный
Дух твой не умрет.

Завещал ты нам трудиться
До поту лица
И с судьбой упорно биться,
Биться до конца.

Слов твоих мы не забудем,
Их не потаим;
Твой завет всем честным людям
Мы передадим.

ВЕСНОЙ

Утро... Солнце ярко блещет;
В каждой травке жизнь трепещет;
В небе тучки тихо бродят;
К речке девушка подходит.

С берега спустилась,
К плоту подошла...
Вдруг остановилась,
Точно замерла.

Сверху звонко льются звуки...
На груди скрестивши руки,
Песню слушает красотка;
Глазки смотрят нежно, кротко...

В глазках отраженье
Солнечных лучей...
Жаворонка пенье
Любо слушать ей...

Громче, громче звуки льются...
В сердце чистом раздаются
Те же звуки, те же трели...
Ярко щечки заалели...

Кровь заговорила
В молодой груди;
Губки шепчут: «Милый!
Милый мой, приди!..»

* * *

Что грустно мне? О чем я так жалею? —
Во мне уж нет ни силы, ни огня...
Слабеет взор... Я стыну, холодею...
И жизнь и свет отходят от меня.

Меня зовет какой-то голос свыше.
Мне кажется, что я уж не живу:
И шум людской становится все тише,
И смерти вздох я слышу наяву.

Как лист в ручье, течением струй гонимый,
Поблекший лист, оторванный с куста, —
Куда-то вдаль я мчусь неудержимо,
Неслышно мчусь, как дух или мечта.

Душа назад, как птица, рвется жадно;
Но мчит вперед поток ее немой. . .
А солнце светит ярко и отрадно,
Душистый клен шумит над головой.

И дороги душе моей скорбящей
Леса, луга, сияющая высь,
И я зываю к жизни уходящей:
«Не покидай! Постой! Остановись!»

«Мне дорог свет! — твержу в бреду я страстно. —
Не уходи!» Желаньем грудь полна!
Я трепещу, я плачу, — но напрасно!
Вот-вот уйдет последняя волна. . .

Что ж будет там, в неведомом мне мире,
За этой страшной, тайною чертой?
Польется ль жизнь спокойнее и шире
В пространстве светлом вечности немой?

Иль будет тьма мертвящая и эта
Немая тишь и бездна пустоты? . .
Ни чувств, ни слов, ни времени, ни света,
Ни мимолетной радостной мечты. . .

Нестися вдаль, не чувствуя движенья,
Жить и не жить, томиться в полусне,
Не видя снов, не зная пробужденья. . .
Ничтожным быть! — О, страшно, страшно мне!

ОДИНОЧЕСТВО

Иду я, объятый тоской безотрадной;
Ни звука, ни света. . . везде тишина.
Грусть сердце сосет и язвит беспощадно,
И грудь моя ноет, сомненья полна.

Ночь черною тучей висит надо мною
И ум мой пугает своей темнотою;
Мне страшно дорогой идти одному;
Я щупаю землю и, взор напрягая,
Смотрю: не блестит ли звезда золотая, —
Но вижу одну безотрадную тьму.

Как путник в степи необъятной, безводной
Страдает и жаждет источник найти,
Я жажду найти огонек путеводный
На этом пустынном и трудном пути.

ДВА ОБРАЗА

(М. А. КОЗЫРЕВУ)

По чаще леса молодого
Идем поутру. Лес звучит,
И луч румяного рассвета
Вершины леса золотит.
И светлый образ перед нами
Встает, с венком на голове,
И щедро пышными цветами
Дорогу стелет по траве. . .
И слышим голос мы, поющий:
«Приют и ласки мне готовь!
Я светлый бог весны цветущей,
Я жизнь, я радость и любовь!»

По чаще леса молодого
Идем под вечер. Лес молчит,
И луч бледнеющий заката
В вершинах леса чуть блестит.
И мрачный образ перед нами
Тогда встает, — и тяжела
Его походка роковая. . .
На нем одежда — ночи мгла.

И слышим голос мы, хрипящий:
«Приют и ласки мне готовы!
Я мрачный бог, косою разящий
И жизнь, и радость, и любовь!»

В ЛЕСУ

(НА ПАМЯТЬ А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ)

Я рано, рано утром встал,
Надел суму и посох взял
И из родимого гнезда
Пошел искать уму труда.

Иду: болота да тростник,
Да темный лес над головой;
И холод в сердце мне проник. . .
Не воротиться ль мне домой?

Но был велик на этот раз
Во мне душевных сил запас:
Не воротился я домой,
Пошел дорогою глухой.

И долго темным лесом я
Ходил, блуждая без пути, —
Грудь надрывалась моя,
Не мог я выхода найти

И много горя, много слез
В лесу я этом перенес,
И много я душевных сил
В его глуши похоронил.

Все лес, да лес, да мрак густой. . .
И я, как тень, ходил, блуждал,
И луч надежды золотой
В моей груди уж угасал.

Душа измучилась моя,
И был готов погибнуть я,
Вдруг слышу голос я в лесу:
«Дай руку, я тебя спасу!»

Я руку дал, и он повел...
И я увидел небеса,
Вдали, как рой гудящих пчел,
Я слышал чьи-то голоса...

И вывел он меня на путь,
Сказав: «Иди и не греши,
Работай, друг, и честен будь,
И не черни своей души!»

* * *

Мне доставались нелегко
Моей души больные звуки.
Страдал я сердцем глубоко,
Когда слагалась песня муки.

Я в песне жил не головой,
А жил скорбящею душою,
И оттого мой стон больной
Звучит тяжелою тоскою.

ОСЕНЬЮ

В телеге тряской и убогой
Тащусь я грязною дорогой...
Лениво пара тощих кляч
Плетется, топчет грязь ногами...
Вот запоздалый крикнул грач
И пролетел стрелой над нами, —
И снова тихо... Облака
На землю сеют дождь досадный...
Кругом все пусто, безотраднo,
В душе тяжелая тоска...
Как тенью, скукою покрыто
Все в этой местности пустой;
И небо серое сердито
Висит над мокрою землей.
Все будто плачет и горюет;
Чернеют голые поля,
Над ними ветер сонный дует,
Травой поблекшей шевеля.

Кусты и тощие березы
Стоят, как грустный ряд теней,
И капли крупные, как слезы,
Роняют медленно с ветвей.

Порой в дали печальной где-то
Раздастся звук — и пропадет, —
И сердце грусть сильнее сожмет. . .
Без света жизнь! не ты ли это? . .

ПОКОЙ И ТРУД

Покой и тишь меня объемлют,
Я труд покинул и забыл;
Мой ум и сердце сладко дремлют,
Приятен отдых мне и мил.

И вот, в молчании глубоком,
Мне чьи-то слышатся слова,
И кто-то шепчет мне с упреком:
«На жизнь утратил ты права.

Ты бросил честную работу,
Покой и праздность возлюбил,
И создал сам себе субботу,
И духом мирно опочил.

Твой светлый ум без дел заржавел
И стал бесплоден, недвижим. . .
Пойми же, как ты обесславил
Себя бездействием таким!

Жизнь вокруг тебя трудом кипела;
Куда ни падал праздный взор —
Искали всюду люди дела,
Твой ближний был тебе — укор.

С терпеньем, с волею железной
Тяжелый путь он пролагал;
А ты, как камень бесполезный,
На пашне жизненной лежал.

Ужель не ныла нестерпимо
Твоя от тяжкой скорби грудь,
Немым раскаяньем томима,
Что бросил ты свой честный труд?»

И точно острый нож, жестоко
Язвили те слова меня,
И от дремы немой, глубокой
Душа воспрянула моя.

И пошлость жизни я увидел,
Уразумел ее вполне:
И свой покой возненавидел,
И опротивел отдых мне.

И к мыслям я воззвал: «Воскресни!
Возобнови остаток сил!
Напомни мне былые песни!
Я все растратил, все забыл.

Хочу трудиться вновь, но если
Уж поздно — жизнь во мне убей».
И силы прежние воскресли
В груди измученной моей.

Все то, чем в жизни заразился,
Я от себя тогда отсекаю, —
И для работы вновь родился
Убитый ленью человек.

НА МОСТУ

В раздумье на мосту стоял
Бедняк бездомный одиноко,
Осенний ветер бушевал
И волны вскидывал высоко.

Он думал: «Боже, для чего ж
Нас честно в мире жить учили,
Когда в ходу одна здесь ложь,
О чести ж вовсе позабыли?»

Я верил в правду на земле,
Я честно мыслил и трудился,
И что ж? — Морщин лишь на челе
Я преждевременных добился.

Не рассветал мой мрачный день,
Давила жизнь меня сурово,
И я скитался, точно тень,
Томимый голодом, без крова.

Мне жизнь в удел дала нужду
И веру в счастье надломила.
Чего же я от жизни жду, —
Иль вновь моя вернется сила?

Нет, не воротится она,
Трудом убита и нуждою,
Как ночь осенняя, темна
Дорога жизни предо мною. . .»

И вниз глаза он опустил,
Томяся думой безысходной,
И грустно взор остановил
Он на волнах реки холодной.

И видит он в глуби речной
Ряд жалких жертв суровой доли,
Хотевших там найти покой
От скорби жизненной и боли.

В их лицах бледных и худых
Следы страдания и муки, —
Недвижен взор стеклянный их
И сжаты судорожно руки.

Над ними мрачная река
Неслась и глухо рокотала. . .
И сжала грудь ему тоска
И страхом душу оковала.

И поднял взор он к небесам,
Надеясь в них найти отраду;
Но видит с ужасом и там
Одну лишь черных туч громаду.

* * *

М. Н. С-ВОЙ

Я в тесной могиле лежу одиноко,
Объятый мучительно-тягостным сном,
Засыпан землею, без слов и движенья,
Бессильные руки сложивши крестом.

И давит меня сон тяжелый, глубокий,
И насыпь могильная грудь мне гнетет,
И слышится смутно мне чье-то рыданье,
И кто-то меня из могилы зовет.

И чья-то слеза, прорывая могилу,
Мне грудь прожигает сильнее огня...
О, знаю, кто эти слезы роняет,
Кто кличет из темной могилы меня.

Голубка моя, это ты там рыдаешь!
Горячие слезы роняешь ко мне:
Одна только ты мои песни любила,
Как ни были грустны и скорбны оне.

Одной я тебе только в жизни был дорог,
Одна только ты озаряла мой путь;
Когда же я падал на трудной дороге,
Ты верой своей согревала мне грудь.

Теперь ты желаешь поднять меня снова
Для песен былых, — но заглох их родник:
Лежу я придавлен холодной землею,
Мой ум без движенья и нем мой язык.

Не кличь, не зови ты меня из могилы,
Не трать понапрасну слез горьких своих:
Не верю я в счастье, растратил я силы —
И мне не воскреснуть для песен былых.

НАШИ ПЕСНИ

I

Много спели горьких песен
В этой жизни мы тяжелой;
Легкий смех нам неизвестен,
Песни нет у нас веселой.

Большинство людей суровых
От певцов печали старой
Просят дум и песен новых,
Иль сатиры злой и яркой.

Наше пенье им не любо, —
Светлой радости в нем мало.
Что за диво! — Очень грубо
Горе в лапах нас сжимало.

Из когтей его могучих
Вышли мы порядком смяты
И запасом слез горючих,
Дум мучительных богаты.

Для изнеженного слуха
Наше пенье не годится;
Наши песни режут ухо, —
Горечь сердца в них таится!

II

Мы родились для страданий,
Но душой в борьбе не пали;
В темной чаще испытаний
Наши песни мы слагали.

Сила духа, сила воли
В этой чаще нас спасала;
Но зато душевной боли
Испытали мы немало.

На простор из этой чащи
Мы упорно выбивались;
Чем трудней был путь, тем чаще
Наши песни раздавались.

Всюду песен этих звуки
Эхо громко откликало,
И с тоскою нашей муке
Человечество внимало.

Наши песни — не забава,
Пели мы не от безделья;
В них святая наша слава,
Наше горе и веселье.

В этих песнях миллионы
Мук душевных мы считаем;
Наши песни, наши стоны
Мы счастливым завсцаем.

ЖИЗНЬ

Жизнь, точно сказочная птица,
Меня над бездною несет.
Вверху мерцает звезд станица,
Внизу шумит водоворот.

И слышен в этой бездне темной
Неясный рокот, рев глухой,
Как будто зверь рычит огромный,
В железной клетке запертой.

Порою звезды скроют тучи —
И я, на трепетном хребте,
С тоской и болью в сердце жгучей
Мчусь в беспредельной пустоте.

Тогда страшит меня молчанье
Свинцовых туч, и ветра вой,
И крыл холодных колыханье,
И мрак, гудящий подо мной.

Когда же тени ночи длинной
Сменятся кротким блеском дня?
Что будет там, в дали пустынной?
Куда уносит жизнь меня?

Чем кончит? — В бездну ли уронит,
Иль в область света принесет,
И дух мой в мирном сне потонет?
Иль ждет меня иной исход? . .

Ответа нет — одни догадки,
Предположений смутный рой.
Кружатся мысли в беспорядке,
Мечта сменяется мечтой. . .

Смерть, вечность, тайна мирозданья, —
Какой хаос! — и сверх всего
Всплывает страшное сознание
Бессилья духа своего.

ПОКОЙНИК

Уж прочли тебе отходную,
И ушел твой духовник,
И головушкой холодною,
Коченея, ты поник.

На лице тоска глубокая;
Закатилися глаза;
На реснице одинокая,
Не застывшая слеза. . .

Видно, тайное желание
Позабыл кому-нибудь
Передать ты в час прощания,
Отправляясь в дальний путь.

Пред тобою гладь безбрежная,
Ты достиг конца пути;
Унеслась душа мятежная
Из остывшей груди.

Много ты испыл страдания,
Много горя ты видал,
Ни любви, ни упования
В этой жизни ты не знал.

Шел ты узкой, не пробитою,
Трудной жизненной тропой,
И без жалоб, с болью скрытою,
Распрощался ты с землей. . .

Гроб готов. Как гость непрощенный,
Он средь комнаты стоит,
И на труп, страданьем скошенный,
Он безжалостно глядит.

Скоро я тоской глубокою
Пред могилую сырой,
Безотрадной, одинокою,
Преклонюсь с немой слезой.

И в тиши мольбу изустную
Вознесу за твой покой,
И твою я повесть грустную
Расскажу могиле той.

Жил, мол, он, как голь забитая,
Бесприютной птицей жил, —
Гнезда вил, но и не свитые
Буйный ветер разносил;

И была, мол, смелость бойкая,
Да затоптана судьбой;
И была, мол, воля стойкая,
Да разбита злой нуждой.

И была, мол, сила-силушка,
Да сожгла ее тоска. . .
Так спасибо же, могилушка,
Что взяла ты бедняка.

* * *

Вставай, товарищ мой! Пора!
Пойдем! осенний день короток...
Трудились много мы вчера,
Но скуден был наш заработок.

Полуголодные, легли
На землю рядом мы с тобою...
Какую ночь мы провели
В борьбе с мучительной тоскою!

В работе выбившись из сил,
Не мог от холода заснуть я, —
Суровый ветер шевелил
На теле ветхие лоскутья.

Но я к лишениям привык;
Привык ложиться я голодный,
Без слез и жалобы приник
Я головой к земле холодной.

Я равнодушно смерти жду,
И не страшит меня могила;
Без скорби в вечность я пойду...
На что мне жизнь? что в ней мне мило?

Лишь одного пугаюсь я,
Одной я занят горькой думой:
Ужель и небо так угрюмо,
Так неприветно, как земля?

ВО ТЬМЕ

Охвачен я житейской тьмой,
И нет пути из тьмы...
Такая жизнь, о боже мой!
Ужаснее тюрьмы.

В тюрьму хоть солнца луч порой
В оконце проскользнет
И вольный ветер с мостовой
Шум жизни донесет.

Там хоть цепей услышишь звук
И стон в глухих стенах, —
И этот стон напомнит вдруг
О лучших в жизни днях;

Там хоть надежды велики,
Чего-то сердце ждет
И заключенный в час тоски
Хоть песню запоет.

И эта песня не замрет
С тюремной тишиной —
Другой страдалец пропоет
Ту песню за стеной.

А здесь?.. Не та здесь тишина!..
Здесь все, как гроб, молчит;
Здесь в холод прячется весна
И песня не звучит;

Здесь нет цепей, но здесь зато
Есть море тяжелых бед:
Не верит сердце ни во что,
В душе надежды нет.

Здесь все темно, темно до дна, —
Прозренья ум не ждет;
Запой здесь песню — и она
Без отзыва замрет.

Здесь над понурой головой,
Над волосом седым —
И чары ласк и звук живой
Пронесятся, как дым.

И все и все несется прочь,
Как будто от чумы...
И что же в силах превозмочь
Давленье этой тьмы?

Исхода нет передо мной...
Но, сердце! лучше верь:
Быть может, смерть из тьмы глухой
Отворит к свету дверь.

* * *

Я рад бы веселые песни запеть,
Когда бы душа не страдала
И едкого горя тяжелая сеть
На сердце моем не лежала.

И честно ли будет морочить других
Стихом легкомысленно-живым?
Поверят ли в истину песен таких
И радостным, светлым порывам?

Я в жизни несчастьями только богат,
И весь я нуждою исколот...
Мне тяжко... За то ли меня обвинят,
Что бьет меня горе, как молот?

Ведь если бы легче на свете жилось,
Тогда веселей бы и пелось, —
Да горе-то крепко мне в душу впилося
И в сердце мучительно въелось!..

Пусть солнце просветит на долю мою
И вынет из сердца отраву,
Я песню иную тогда запою
Блестящему солнцу во славу.

И весело будет услышать ее
Ценителям пения строгим,
И любо мне станет мое бытие...
Да солнце-то светит не многим!

«У тебя ума палата, —
Говорили люди мне, —
Одарен судьбой богато,
В жизни счастлив ты вполне».

Отчего ж с палатой этой,
С этой умственной казной,
Я хожу почти раздетый,
Без пристанища порой?

Отчего же с этим даром,
С этим благом дорогим,
Целый век свой чуть не даром
Я работаю другим?

Отчего же надо мною
Горе — вечный властелин?
Отчего ж я бьюсь с нуждою?..
Впрочем, бьюсь не я один...

Мало нас — имен не длинный
Список в жизнь мы принесли,
Но зато одной дружиной,
Честно мыслящей, пришли.

С тем пришли, чтоб незаметно
Жить, работать и терпеть,
Биться с жизнью неприветной,
В этой битве — умереть!

ТРУЖЕНИК

(ПАМЯТИ А. В. КОЛЬЦОВА)

«Мне грустно, больно, тяжело...
Что принесли мне эти строки?
Я в жизни видел только зло
Да слышал горькие упреки.

Вот труд прошедшей жизни всей! . .
Тут много дум и песен стройных.
Они мне стоили ночей,
Ночей бессонных, беспокойных.

Всегда задумчив, грустен, тих,
Я их писал от всех украдкой, —
И стал для ближних я своих
Неразрешимую загадкой.

За искру чистого огня,
Что в грудь вложил мне всемогущий,
Они преследуют меня
Своею злобою гнетущей.

Меня гнетут в своей семье,
В глуши родной я погибаю! . .
Когда ж достичь удастся мне,
Чего так пламенно желаю?

Иль к свету мне дороги нет
За то, что я правдив и честен?» —
Так думал труженик-поэт,
Склонясь с тоской над книгой песен.

Жизнь без свободы для него
Была тяжка, — он жаждал воли, —
И надрывалась грудь его
От горькой скорби и от боли.

Перед собой он видел тьму,
В прошедшем — море зла лежало;
Но мысль бессмертная ему
Успокоительно шептала:

«На свете ты для всех чужой,
Твой труд считают за пустое;
Тебя все близкое, родное
Возненавидело душой. . .

Но не робей! Могучей мысли
Горит светильник пред тобой.
Пусть тучи черные нависли
Над терпеливой головой.

Трудись и веруй в дарованье,
Оно спасет тебя всегда;
Людская злоба не беда
Для тех, кто чтит свое призванье.

Пусть люди, близкие тебе,
С тобою борются сурово;
Хотя погибнешь ты в борьбе —
Но не погубят люди слова.

Придет пора, они поймут,
Что не напрасно ты трудился,
И тот, кто над тобой глумился,
Благословит твой честный труд!»

И мысли веровал он свято:
Переносил и скорбь и гнет
И неуклонно шел вперед
Дорогой жизни, тьмой объятый.

Упорно бился он с судьбой,
И песню пел в час тяжелой муки,
И воплощал он в песне той
Все стоны сердца, боли звуки. . .

И умер он, тоской томим,
В неволе, плача о свободе, —
Но песня, созданная им,
Жива и носится в народе.

* * *

Всюду блеск, куда ни взглянем,
На земле и в небе чистом.
В лес пошел я утром ранним —
Хорошо в лесу тенистом!

По траве густой, зеленой,
Меж кустов, цветущих пышно,
Молчаливый и влюбленный,
Пробираюсь я неслышно. . .

Если б можно сбросить годы,
Снова стать былым малюткой! . .
В этой храмине природы
Все ласкает слух мой чуткой.

Всё: цветы, деревья, птицы —
Всё любви моей причастно,
В честь ее, моей царицы,
Песнь любви поет согласно. . .

Милый друг! Со мной везде ты,
Ты следишь за мной украдкой. . .
Вот глядит она в просветы
Леса темного так сладко.

То потупится, то взглянет
Так, что сердце надорвется;
И зовет меня, и манит
В глубь лесную, и смеется. . .

Слышу, шепчет мне: «Припомни
Дней минувших обещанья,
Вспомни, друг мой милый, что мне
Говорил ты в час прощанья».

Да, я помню, помню все я. . .
При последней нашей встрече
Я, над гробом милой стоя,
Говорил такие речи:

«Без тебя, моя родная,
Не могу на свете жить я.
О минувшем вспоминая,
Доживу ль я до забвения?»

Вечной скорбью сердце сжато.
Что мне в жизни улыбалось —
Все с собою унесла ты,
Лишь любовь моя осталась.

И теперь к тебе я скоро
Поплыву с любовью прежней
В океане том, который
Неба синего безбрежной.

Мы забудем все печали
В светлый час той новой встречи...»
Так шептал я... и мигали
Мне в повязках черных свечи.

Ты лежала, друг мой чистый,
Холодна на ложе жестком;
Как в лесу смолой душистой,
Пахло ладаном и воском...

У ПРУДА

У пруда, где верба
Стройная растет,
Девочка-малютка
Уток стережет.

Утки на свободе
Весело гочут;
А в траве кобылки,
Прыгая, стрекочут.

Несколько избенок
Да господский дом
С садом запустевшим
Видны за прудом.

Ветхие сараи,
Темные овины
Смотрят так уныло,
Точно сиротины.

Пусто и безлюдно...
В поле весь народ:
Там теперь работа
Жаркая идет.

Бедная деревня
Тишиной объята,
Лишь хохочут где-то
Весело ребята.

Хочется малютке
Убежать скорей
В круг веселых, бойких
Сверстников-детей.

Думает: «Как птица,
К ним бы я слетала,
Да ходить отсюда
Мать не приказала...»

Да! сиди здесь смирно,
Стереги утят;
А в лесу подружки
Бегают, шумят!..

Мне одной нельзя, вишь...
Что ж! Нельзя — не надо!»
И в глазах сверкнула
Девочки досада.

На лицо печали
Облако нашло...
Миг один — и снова
Личико светло.

Шепчет, улыбаясь:
«Глупая я, право!
Мать мне говорила:
Нам не до забавы.

Ведь учить худому
 Не захочет мать. . .»
И чулок свой стала
 Девочка вязать.

Только в ручках спицы
 Ходят плохо что-то:
В голове другая
 Началась работа.

Рой вопросов темных,
 Рой бессвязных дум
Занимают детский
 Неразвитый ум.

О житье домашнем
 Думает малютка,
В нем одно понятно
 Для ее рассудка:

То, что даже в праздник
 Скуден их обед
И порою крошки
 Хлеба в доме нет.

Часто плачут дети
 И кричат упрямо:
«Мама! мы не ели!
 Дай нам хлеба, мама!»

Мать с отцом трудятся
 До поту лица;
Говорят: «Работе
 Нашей нет конца.

Мы ложимся поздно,
 А встаем до свету. . .»
Что же это значит,
 Что конца ей нету?..

Вспомнилось малютке,
Как отец вчера
Выехал из дому
С раннего утра.

Мать она спросила:
— На работу, что ли,
Он чуть свет поехал
С бороною в поле? —

«Нет, не на работу —
В город», — говорит...
Поздно он вернулся, —
Уж куда сердит!

Молвил: «Вот пришлось
Отдавать скотинку...
Эх ты, жизнь-кручина!
Лучше б под холстинку!»

Нынче утром рано
Тяжка встал опять
И повел корову
В город продавать.

Отчего все это?..
Что такое значит,
Что отец так грустен,
Мать так часто плачет?..

Все длинней вопросов
Беспокойных нить,
Только их малютке
Трудно разрешить.

Маленькое сердце
Сжалось больно, больно,
А кругом так тихо,
Ясно и привольно...

НА РЕКЕ

Ложится тихо ночи тень...
Луга росой уже покрыты,
И тонут в сумраке поля
И прибрежные ракиты.

На берегу реки костер,
В кустах разложенный, пылает,
И воды дремлющие он
Багровым светом озаряет.

Перед костром старик рыбак
Справляет лодку с старшим внуком,
Не нарушая тишины
Ни громким говором, ни стуком.

А младший внук, живой шалун,
Бросая сучьями сухими
В костер, любитесь тайком,
Как искры тонут в черном дыме.

Вдруг громко вымолвил старик:
«Ванюшка, полно баловаться!
Скорей неси сюда смольё,
Пора на ловлю отправляться».

И мальчик весело вскочил
И торопливо заметался,
Собрал лучину и смольё
И к лодке спущенной помчался.

Ночная ловля для него
Была заветною мечтою,
И дед сегодня в первый раз
На лодку брал его с собою.

«Садись, пострел, — сказал рыбак
С усмешкой тихо мальчугану, —
Да, чур, молчи! а то сейчас
Из лодки вон, шутить не стану!»

Так пригрозил ему старик,
Глядя в лицо малютки кротко,
И расторопный мальчуган
С веселым смехом прыгнул в лодку.

И рыбаки, перекрестясь,
На лов отправились в ночную;
Лучильник к лодке привинтив,
Зажгли лучину смоляную.

Непроницаемая тьма
Пловцов отсюда окружала;
Везде царила тишина,
Ничто их ловле не мешало.

Весло до дремлющей воды
Как будто вовсе не касалось,
И на лучильнике смольё
Все ярче, ярче разгоралось.

Рекою тихо лодка шла.
Верхушки ив зеленых рделись,
Валежник, рыба, камни, пни,
Как на полу, на дне виднелись.

Дед ловко действовал веслом,
А внук зубчатой острогою.
Но мальчик занят был другим —
Огня волшебною игрою.

Как будто сказочный мирок
Открылся вдруг перед глазами:
Виденья чудные пред ним
Вставали пестрыми толпами.

Вот, вот чудовища к нему
Руками грозно потянулись —
То прибрежные кусты
Над лодкой ветвями нагнулись.

Вот змей-горыныч скалит пасть,
Прижавши грудью великана, —
То дуб, поваленный грозой,
Собой пугает мальчугана.

Но шаловливый ветерок
Вдруг пламя в сторону наклонит —
И все виденье это вмиг
Бесследно в тьме ночной потонет.

Тогда малютка взглянет вверх —
И там ряды видений странных,
Ряды пугающих картин,
Неуловимых и туманных.

Вот будто лапы сверху вниз
Ползут — и жмурится малютка,
Стараясь страх преодолеть, —
И хорошо ему и жутко.

Вот старику проворный внук
Кивнул кудрявой головою,
И лодка стала. Острога
Взвилась и скрылась под водою.

Еще мгновенье — и у ног
Малютки рыба очутилась.
Как извивалась она,
Как на зубцах рвалась и билась!

Глядит на рыбу мальчуган,
Чуть-чуть от жалости не хныча;
Но рыбакам не до того,
Чтобы жалеть свою добычу.

Прибрал ее седой рыбак;
А ловкий внук уж целит снова —
И на зубчатой остроге
Добыча новая готова.

Так впечатление одно
Другим для мальчика сменялось;
А ночь короткая меж тем
К рассвету быстро приближалась.

Неясный, бледный луч зари
Уж загорелся на востоке;
Вдали, почуявши рассвет,
Лягушки квакали в осоке.

Прохладной стало на реке,
И звезды на небе бледнели. . .
И мальчик в лодке задремал,
Качаясь в ней, как в колыбели. . .

* * *

Я отворил окно. Осенняя прохлада
Струею полилась в мою больную грудь.
Как тихо в глубине увянувшего сада!
Туда, как в темный склеп, боюсь я заглянуть.

Поблек и облетел убор его красивый;
От бури и дождя ничем не защищен,
Качаясь и дрожа, стоит он сиротливо,
И в шелесте ветвей печальный слышен стон. . .

Раздастся здесь порой ворон полет тяжелый,
Да галки на гумне, за садом, прокричат —
И стихнет все опять. . . И с думой невеселой
Гляжу я из окна в пустой, заглохший сад.

Здесь радостно жилось весной и жарким летом;
Но больно вспоминать об этих чудных днях,
О зелени полей, облитых ярким светом,
О сладком пенье птиц в долинах и лесах.

Природа замерла, нахмурилась сурово;
Поблекнувшей листвой покрылася земля,
И холодом зимы повеял север снова
В раздетые леса, на темные поля.

Вот желтый лист, кружась, упал передо мною. . .
С глубокой на него я грустью посмотрел!
Не так же ль я измят безжалостной судьбою,
Как этот слабый лист, — засох и пожелтел?

Прошла моя весна, и лето миновало,
И на лугу моем засохли все цветы;
Их прежняя краса под холодом увяла;
Рассеялись мои надежды и мечты.

Как желтые листы, давно они опали;
Осенний ветер их размыкал без следа,
И то, чем жизнь моя красна была вначале,
Все горьким опытом убито навсегда.

Век доживаю я, как дерево сухое,
Минувшему сказав печальное «прости!»
И мучит душу мне сознание роковое,
Что близок мой конец и мне уж не цвести.

* * *

Где вы, песни светлой доли,
Жарких юношеских лет?
Песни счастья, песни воли,
Вы исчезли, вас уж нет!

Нам легко жилося с вами,
Отгоняли вы печаль
И роскошными цветами
Украшали жизни даль.

Не давило горя бремя
Свежих молодости сил,
Золотое было время —
Кто из нас его забыл?

Нам оно лукаво льстило,
Забавляло, как детей. . .
Не забыть нам до могилы
Прежних песен, прежних дней!

Песни те любовь слагала,
Юность слышалась в них.
Но любовь давно увяла,
Голос юности затих.

Мы душою постарели,
Сердцем рано отцвели;
Чувства в сердце охладели,
Силы в нас изнемогли.

Миновало наше лето,
И поем уж редко мы;
Нет ни радости, ни света
В песнях сумрачной зимы.

ЗИМОЙ

Морозит. Без усталости вниз опускаясь,
Снег стелется в поле. Из рощи дитя
Санишки с валежником тащит, кряхтя,
И вязнет в сугробах, из сил выбиваясь.
Он к трудной работе такой не привык,
И рад отдохнуть, — да попробуй, присядь-ка!
Чужая ведь роща, — накроет лесник,
И шибко рассердится батька.

Отец его занят работой домашней.
Неделю назад схоронили они
Родимую мать — и тяжелые дни
В семье наступили с нуждою всегдашней.
Припомнил ребенок, шагая с трудом,
Как молвил отец им: «Ребятки, куда мы
Без матери денемся? как проживем?
Не стало работницы — мамы!

Как сладить мне с горем-несчастьем этим?
Везде незадача, куда ни взгляну!
Возьму ли себе я другую жену —
Не будет родимую матерью детям.

Согнет меня лютое горе в дугу!
Зачахнет без матери бедная Катька!..»
И мальчик вдруг вскрикнул: «Так я ж помогу!
Пуускай не печалится тятка!
Пуускай не горюет, покинет заботу!
Я стану лелеять и нянчить сестру
И с ранней зарею вставать поуутру;
Потом подрасту и возьмусь за работу.
Зачем мне собою отца тяготить?
Кормиться я буду своими трудами
И в летние праздники с батькой ходить
На сельское кладбище — к маме».

* * *

Тишь и мрак... Закрыты ставни.
Мой ночник погас,
И лежу я одиноко,
Не смыкая глаз.

И волшебные мечтанья
Чудною толпой,
Улетая и сменяясь,
Вьются надо мной.

Вижу я красивый домик,
В нем огни горят...
Тишиной объят глубокой,
Дремлет темный сад.

Ночь полна благоуханьем;
В доме смех и звон;
Я стою в саду, под ивой...
Тьма со всех сторон.

Бьется сердце молодое,
И горят уста...
И она ко мне подходит
Тихо, как мечта.

Глазки добрые сияют
Страстью и огнем...
Соловей поет так нежно
В воздухе ночном...

Жадно, трепетно в объятия
Я привлек ее...
Волоса ее упали
На лицо мое...

Тихо тайные признанья
Шепчет мне она...
Счастьем полным, бесконечным
Грудь моя полна.

И горят ее лобзанья
На устах моих...
В доме смех и звуки песен,
Сад же темен... тих.

Все давно ли это было, —
Где ж теперь оно?
Сердце сжалось, очерствело,
В нем темно, темно...

ЦВЕТЫ

1. В ГЛУШИ

Внутри тюремного двора,
Перед стеной сырой и мшистой,
Согретый солнечным лучом,
Расцвел весной цветок душистый.

Был пуст и тих широкий двор,
И мрачны каменные стены;
За ними хмурый часовой
Шагал и ждал, скупая, смены.

Порой в решетчатом окне
Тень заключенного мелькала:
Худое, бледное лицо
К оконным стеклам припадало.

И взор потухших, впалых глаз,
Как отблеск муки безнадежной,
Бесцельно падал на цветок,
Благоухающий и нежный.

Но разглядеть его красу
Из-за решетки было трудно,
А потускневшее стекло
Не пропускало запах чудный.

Воздушный жаворонок, вверх
Взлетев и рея в ярком свете,
Порой невольно умолкал,
Цветок лазоревый заметя.

Дрожал от радости цветок,
Шепча: «Слети ко мне! слети же!»
И вниз слетал тогда певец,
Чтобы узнать его поближе.

Но звон цепей, и стук ружья,
И стон колодника больного
Пугали робкого певца —
И уносился ввысь он снова.

И скоро был им позабыт
Цветок, томящийся в неволе,
И пел он песнь другим цветам,
Растущим вольно в чистом поле.

Дыханьем ветра на заре
Цветок забытый не ласкало,
И даже самая земля
Ему давала соков мало.

Цветок бледнел — и в знойный день,
Печальный, грустный, нелюбимый,
В глуши тюремного двора
Завял он, жаждою томимый.

II. НА СВОБОДЕ

Зеленый луг, как чудный сад,
Пахуч и свеж в часы рассвета.
Красивых, радужных цветов
На нем разбросаны букеты.

Росинки светлые на них
Сверкают ярко, точно блески.
Целуют пчелы их и пьют
Благоухающие слезки.

На том лугу один цветок
Был всех душистей и прелестней;
Летали ласточки над ним
И вилял жаворонок с песней.

Им любовался мотылек,
Его красою очарован,
И соловей, царь всех певцов,
Любовью был к нему прикован.

И тихо радовался он,
Что люб он всем живым созданьям
Прекрасным запахом своим
И красок дивным сочетаньем.

Но вот пришел ученый муж,
Искатель редкостных растений.
Заметя чудный тот цветок,
Сорвал его без сожалений.

Расправил тихо лепестки,
Расплюснул стебель, соком полный,
И в книгу бережно вложил —
И замер в ней цветок безмолвно.

Сбежали краски с лепестков,
Их покрывавшие в излишке,
И потерял он запах свой,
Став украшением умной книжки.

Зато как лучший из цветов,
Как редкость, в виде засушенном,
Был для потомства сохранен
Он любознательным ученым.

* * *

Как в сумерки легко дышать на берегу!
Померкли краски дня, картины изменились;
Ряды больших стогов, стоящих на лугу,
Туманом голубым, как дымкою, покрылись.

На пристани давно замолкли шум и стук;
Все реже голоса доносятся до слуха;
Как будто стихло все, — но всюду слышен звук,
И тихий плеск воды так сладко нежит ухо.

Вот черный жук гудит... вот свистнул коростель...
Вот где-то вдалеке плеснулось уток стадо...
Пора бы мне домой — за ужин и в постель;
Но этой тишине душа моя так рада.

И я готов всю ночь сидеть на берегу,
И не ходить домой, и вовсе не ложиться,
Чтоб запахом травы на скошенном лугу
И этой тишиной целебной насладиться.

На ширь глухих полей, под тень лесов густых
Душа моя рвалась, измучена тревогой, —
И, может быть, вдали от горьких слез людских
Я создал бы в тиши здесь светлых песен много.

Но жизнь моя прошла в заботе городской,
И сил моих запас иссяк в борьбе суровой...
И вот теперь сюда приплелся я больной...
Природа-мать! врачуй и дай мне силы снова!

РАЗДУМЬЕ

Сил так много в груди
Молодых и живых,
Да темно впереди, —
Только горе от них. . .

Бедность злая кругом
И страданья людей
Давят сердце свинцом, —
Выход дайте скорей!

Укажите тот путь,
Где бы силы мои
Не бесследно прошли,
Не терзалась бы грудь.

Чтоб дорога была
И светла и ясна,
Чтоб вперед все вела
Прямо в царство добра.

И с открытым лицом
Я со злом на борьбу
Выйду смелым бойцом,
Силой счастье возьму! . .

ЗА ГОРОДОМ

Наконец-то я на воле! . .
Душный город далеко;
Мне отрадно в чистом поле,
Дышит грудь моя легко.

Наконец-то птицей вольной
Стал я, житель городской, —
И вперед иду, довольный,
Сбросив горе с плеч долой.

Люб мне страннический посох,
Я душой помолодел;
Ум мой, в жизненных вопросах
Потемневший, просветлел.

Я иду, куда — не знаю. . .
Все равно, куда-нибудь!
Что мне в том, к какому краю
Приведет меня мой путь!

Я иду искать свободы,
Мира в сельской тишине —
Горе жизни и невзгоды
Истерзали душу мне.

Я желаю надышаться
Свежим воздухом полей,
Их красой налюбоваться,
Отдохнуть душой моей.

Может быть, судьбе послушный,
Кину я полей красу. . .
Но зато я в город душный
Сил немало принесу, —

Сил, окрепнувших на воле,
Не измученных борьбой, —
С ними вновь на скорбь и горе
Выйду с твердою душой.

* * *

Черствеет сердце, меркнет ум. . .
Грудь надрывается от боли. . .
Под гнетом горьких чувств и дум
Поется грустно поневоле.

Мне негде дум отрадных взять:
Кругом меня мертво и сухо.

Там трудно мыслить и дышать,
Где стон и вопли слышит ухо.

Где в летний зной из облаков
На землю дождь не упадет,
Там ни травы нет, ни цветов,
Бурьян там горький вырастает.

Так песнь моя всегда горька,
Как тот бурьян в степи безводной:
Звучит в ней горе и тоска,
Да плач над долей безысходной!

* * *

Безжалостная! Ты
Любовь мою забыла
И все мои мечты,
Все счастье отравила.

Господь тебе прости!
Без жалоб я тоскую:
Дай бог тебе найти
В другом любовь такую...

С тобой я счастье знал, —
Могу ли ненавидеть? ..
Но как бы я желал
Тебя в гробу увидеть!

При блеске желтых свеч
Над гробом наклониться,
Без слез с тобой проститься,
С тобой в могилу лечь! ..

Нет, там я буду лишний...
Живи, мой друг, живи!
Храни тебя всевышний
Для счастья и любви!

* * *

Я, весь измученный тяжелою работой,
Сажу в ночной тиши, окончив труд дневной.
Болят моя душа, истерзана заботой,
И ноет грудь моя, надорвана тоской.

Проходит жизнь моя темно и безотраднo,
Грядущее мое мне счастья не сулит,
И то, к чему я рвусь душой моей так жадно,
Меня едва ли чем отраднoм подарит.

Мне суждено всегда встречать одни лишения
Да мучиться в душе тяжелою тоской,
И думать об одном, что все мои стремленья
Бесплодно пропадут, убиты жизни тьмой.

Суровых, тяжких дней прожито мной довольно
И много сил души истрачено в борьбе, —
И дума горькая встает в душе невольно:
За трату этих сил — что добыл я себе?

Одно бесцветное, пустое жизни поле,
Где не на чем кругом очей остановить, —
И, жаждою томясь, грустишь о горькой доле,
Что нечем жажды той душевной утолить.

И голову в тоске на грудь невольно склонишь,
И жизни в этот час не рад я, как врагу,
И горькую слезу в ночной тиши уронишь...
Зачем из этой тьмы я выйти не могу?

* * *

Весной всего милей мне жаворонок звонкий,
И пение его отраднo слышать мне.
В полях еще лежит снег пеленою тонкой,
А он уже поет песнь громкую весне.

Доволен долею он скромного поэта;
Кружась в вышине, он счастлив без конца.
Творит он песнь свою средь воздуха и света,
Но людям не видать весеннего певца.

Его не уловить внимательному взгляду, —
Доступен он вверху лишь солнечным лучам;
В блаженстве творчества находит он награду
За песни, за любовь к весне и к небесам.

Над полем, в воздухе, для глаз недостижимый,
Он реет, потонув в роскошном блеске дня, —
И льется песнь его и носится незримо,
От утренней зари до вечера звеня.

И прямо и легко, как чистое паренье
Молитвы искренней, возносится она...
Вот отчего люблю я жаворонка пенье:
Я чувствую, что им душа просветлена.

В ОСТРОГЕ

(из поэмы „Веглый“)

Угрюма камера замкнутая острога,
Как зверя дикого огромная берлога.
Нависший потолок, и стены, и углы
Покрыты сыростью и плесенью, как мазью;
Кирпичный пол меж нар залеплен слизкой грязью...
Немолчный гам стоит, бряцают кандалы,
Пропитан воздух весь прогорклой смесью чада
С испариною тел и гнили; там и тут
Дымятся ночники вонючие... Как стадо,
Здесь заперт до утра острожный буйный люд...

Здесь заперт страшный зверь, стоустый, стоголовый:
Нет света и любви в душе его суровой,
В ней злоба на людей, в ней царство вечной тьмы.
Как волк подстреленный, в наморднике железном,

Рычит осторожный люд, желаньем бесполезным
Томимый — погулять подальше от тюрьмы,
На воле рыскать вновь. . . Неужли в этом звере
Ничем не скажется погибший человек!
Неужли от себя, вступивши в эти двери,
Все человеческое навеки он отсек? . .

И в этой кутерьме, над этим страшным гамом
Вдруг песня поднялась высоко, как волна. . .
Послушаем ее — ведь мы привыкли к драмам, —
Быть может, что-нибудь расскажет нам она.

Песня

Ты шуми, шуми, дубровушка,
Грусть-кручину заглуши!
Только в бурю сердцу весело,
Не томит тоска души.

Ты не пой мне, пташка, песенку
Об родимой стороне;
Только песни ветра буйного
Любо ночью слушать мне.

Пусть зовут меня разбойником, —
Я людей губить не мог. . .
Не разбой, а бедность лютая
Привела меня в острог.

Посадили добра молодца,
Чтоб не крал, не воровал,
У прохожих на дороженьке
Кошельков не отнимал.

Из тюрьмы глухой я вырвался
И скитаюсь в лесах;
Но и здесь я в злой неволюшке,
Хоть живу и не в стенах.

Я скрываюсь, вспоминая
Про голубушку-жену;
Сердце кровью обливается,
Жизнь и долю я клянчу.

Терпит муку, горемычная...
Но еще того страшней
Вспоминать мне мать родимую
И покинутых детей.

Я пойду ль в село родимое —
Сыщут вора на дому,
Скрутят руки молодецкие,
Отведут меня в тюрьму.

Для чего бежал-бродяжничал,
Мне велят держать ответ...
Свет велик, да что мне радости?
В нем бродяге места нет.

Певец острожный смолк; но песни этой звуки,
В замкнутой камере напомнив о разлуке
С родимой стороной, о светлых днях былых,
О вольной волюшке, о роще и дубровах, —
Отозвались в сердцах острожников суровых
И, смолкнув в тишине, носились долго в них.
И этот буйный зверь, который бесновался
За несколько минут, затих и присмирел:
Как слабое дитя, он чувству покорялся
И заглушить его не мог и не хотел.

А тот, кто песню пел, бежавший из Сибири
Бродяга, был один, казалось, в целом мире;
Не слыша ничего, задумчиво поник
Он русой головой и вниз глядел угрюмо...
Какая в этот миг его томила дума?
Что колыхнуло в нем заглохших чувств родник?
От скуки и тоски запел ли он случайно,
Иль горе тайное высказывал свое?..
Прошедшее его покрыто было тайной,
Он от чужих людей сберечь умел ее.

Не выдал он себя ни словом, ни намеком,
Но мыслью жил всегда в былом своем далеком;
Суровый и скупой на лишние слова,
Он душу открывал товарищам немногим,
Наедине грустил и к судьям нашим строгим
Являлся простаком, не помнящим родства.
Осторожный люд любил несчастного собрата,
Хотя никто не знал, что он в душе своей
Заботливо таил; но мнилось, что когда-то
Бродяга этот был не лишний меж людей.
Быть может, он носил немало преступлений
На совести своей. . . Порой ложились тени
На бледное лицо и взор сверкал огнем. . .
Кто примечал за ним в те редкие мгновенья,
Тот чувствовал и страх и сожаленье. . .
Ведь этот человек, худой, с высоким лбом,
Отрекся от всего, что дорого и любо,
Что мило для людей, — от родины святой,
От имени, семьи, — и, все отвергнув грубо,
Он стал между живых могилою немой. . .

А вечер между тем мучительно тянулся.
Осторожный люд от дум тяжелых встрепенулся,
Как будто сожалел о слабости своей,
О том, что жизни ход, суровый и обычный,
Нарушил тишиной и грустью непривычной, —
Такая тишина для совести страшной
Допросов и суда. . . Не лучше ль буйным смехом
Тот голос искренний и грустный заглушить,
Который прогремел в душе преступной эхом,
И сразу оборвать ненужных мыслей нить! . .

И снова крик, и брань, и хохот. . . Настроенье
Минутное прошло. . . Луч света на мгновенье
Блеснул из темных туч над бездной — и потух. . .
Блудящий огонек пронесся мимолетом
Над сумрачным, гнилым, заброшенным болотом —
И скрылся. . . Громкий крик немолчно режет слух.
Тот глупой остротой, другой нахальной сплетней
Спешат себя развлечь, стараясь об одном,
Чтоб время как-нибудь тянулось незаметней. . .
И так проходит жизнь осторожных день за днем! . .

ТРУДЯЩЕМУСЯ БРАТУ

К тебе, трудящемуся брату,
Я обращаюсь с мольбой:
Не покидай на полдороге
Работы, начатой тобой.

Не дай в бездействии мертвящем
Душе забыться и заснуть, —
Трудом тяжелым и упорным
Ты пролагай свой честный путь.

И чем бы в жизни ни грозила
Тебе судьба, ты твердо стой!
И будь высокому призванью
До гроба верен ты душой.

Пусть гром гремит над головою,
Но тучи черные пройдут...
Все одолеет сила духа,
Все победит упорный труд!

* * *

Вот село. Давно знакомы
В том селе моим очам
Избы, крытые соломой,
И старинный божий храм.

Я жила в селенье этом
Много лет тому назад,
Беззаботно жарким летом
Здесь играл в кругу ребят.

Жизнь тогда была утеха
Для меня... Теперь не то!
Здесь не слышно больше смеха,
Глаз не радуется ничто...

Помню я, как дружно дети
Пели песни здесь порой;
Не звучали песни эти
Ни заботой, ни тоской.

И теперь на ниве скудной
Слышны песни, но оне
Говорят о жизни трудной,
О рабочем тяжком дне.

Все, что жизнь досель теснило,
Снова здесь отозвалось.
Сердце чуткое заныло,
От тоски надорвалось.

Ясно в памяти восстали
Все невзгоды прежних дней...
Видно, горя и печали
Нет лишь там, где нет людей!..

* * *

Честь ли вам, поэты-братья,
В напускном своем задоре
Извергать из уст проклятья
На певцов тоски и горя?

Чем мы вам не угодили,
Поперек дороги стали?
Иль неискренни мы были
В песнях горя и печали?

Иль братались мы позорно
С ложью темною людскою?
Нет! Всю жизнь вели упорно
Мы борьбу с царящей тьмою.

Наше сердце полно было
К человечеству любовью,
Но от мук оно изныло,
Изошло от боли кровью.

Честны были в нас стремленья,
Чисты были мы душою, —
Так за что ж кидать каменья
В нас, измученных борьбою?!

* * *

Не шлю годам моим прошедшим я упрека
За нерасчетливый и дерзкий их порыв,
За гибель сил моих, растраченных до срока, —
Я вспоминаю их, в душе благословив.

Пускай в них радости и счастья было мало
И много сгибнувших надежд в них без следа...
Но кровь горячая мне сердце волновала
И пробуждала силы духа для труда.

Теперь не то — в моей груди, уже холодной,
Кровь не волнуется, как прежде, не кипит,
Исчез порыв к труду высокий, благородный,
Мой ум бездействует, и сердце крепко спит.

* * *

Вот и степь своей красою —
Необъятная кругом —
Развернулась предо мною
Зеленеющим ковром.

Взглянешь влево, взглянешь вправо —
Всюду ширь, и тонет взор...
Степь, тебе и честь и слава
За могучий твой простор!

Город шумный, город пыльный,
Город, полный нищеты,
Точно склеп сырой, могильный,
Бодрых духом давишь ты!

Рад, что я тебя покинул,
Душный город, где я рос,
Где едва-едва не сгинул
В бездне горя, в море слез.

Солнце там меня не грело
Золотым своим лучом, —
Здесь, в степи же, закипела
Снова жизнь во мне ключом.

Нет вокруг толпы народной,
Горьких жалоб не слышать,
И в груди моей холодной
Разгорелась кровь опять.

Надо мной степные звуки
В вешнем воздухе царят,
Улеглись былые муки,
Скорби прежние молчат.

Закипают думы смело,
Силы крепнут и растут, —
И я вновь готов на дело,
На борьбу и тяжкий труд.

* * *

Погоняй, ямщик, скорее!
Кони, мчитесь, мчитесь!
В степь безлюдную, глухую
Дальше уноситесь.

И меня в кибитке тряской
Мчите, колыхайте
И, как малого ребенка
В люльке, закачайте.

Я заснуть хочу, забыться
От тревог на время

И стряхнуть с души усталой
Дум тяжелых бремя.

Жизнь нерадостные песни
Мне так долго пела,
Что душа моя изныла,
Сердце изболело.

Мчитесь, мчитесь же вы, кони,
Гривами взвивая!
Убаюкай, укачай ты,
Степь, меня, глухая!..

НА ЧУЖБИНЕ

И пенье птиц и зелень сада —
Покойна жизнь и хороша!..
Кажись, чего еще мне надо?
Но все грустит моя душа!

Грустит о том, что я далеко
От милых, искренних друзей,
Что дни мои здесь одиноко
Идут без песен и речей.

К друзьям душа моя все рвется —
И я хожу здесь, как шальной,
Без них и песня не поется
И жизнь мне кажется тюрьмой.

Мне не с кем здесь промолвить слова
И думы сердца передать —
И разорваться грудь готова...
О, как мне хочется рыдать!

Пускай друзья мои услышат
Среди дневных своих забот,
Что ими грудь моя лишь дышит
И сердце ими лишь живет... .

НА ОДРЕ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. П. ВАРЫШЕВУ)

Смолкли зимние метели,
Вьюги миновали,
Светит солнышко отрадно,
Дни весны настали.

Поле зеленью оделось,
Соловьи запели,
А меня недуг тяжелый
Приковал к постели.

Хорошо весной живется,
Дышится вольнее,
Да не мне, — меня злой кашель
Душит все сильнее.

И нерадостная дума
Душу мне тревожит:
«Скоро ты заснешь навеки,
В гроб тебя уложат

И в холодную могилу
Глубоко зароят,
И от дум и от заботы
Навсегда укроют».

Пусть и так! расстаться с жизнью
Мне не жаль, ей-богу!
И без скорби я отправлюсь
В дальнюю дорогу...

В жизни радости так мало,
Горя же довольно.
И не с жизнью мне расстаться
Тяжело и больно.

Тяжело мне кинуть дело,
Избранное мною, —
Что, не кончив труд начатый,
Я глаза закрою.

Жаль мне то, что в жизни этой
Сделал я не много
И моею горькой песней
Дар принес убогий.

Ты прости же, моя песня! —
Петь нет больше мочи. . .
Засыпай, больное сердце!
Закрывайтесь, очи! . .

* * *

Загорелась над степью заря,
На траве засверкала роса.
Поднялись степняки-косари,
Загуляла по степи коса!

Что ни взмах, то и сена копна.
Здесь трава высока и густа,
И гуляй, где ты знаешь, с косой,
Всюду гладь — без конца широта!

Здесь и дух степняка-косаря
Необъятно могуч и силен —
Не положит он рук от тоски,
Не опустит и голову он.

Если горе за сердце возьмет,
Навалится злодейка-нужда,
Он кудрями лишь только потряхнет —
И кручины уж нет и следа.

И поет он про матушку-степь,
Про родные равнины-луга. . .
И сверкает, сверкает коса —
И встают, точно горы, стога.

Я за то тебя, вольную степь,
Полюбил всей душой глубоко,
Что сама ты собой широка
И в тебе все сильно, широко.

ПРОСТИ!

Я уезжаю, друг, прости!
С тобой нам вновь не увидаться...
Не сожалей и не грусти,
Что нам приходится расстаться.

Лета неравные у нас —
И нам нейти одной дорогой...
Зачем же мучить нам подчас
Себя душевною тревогой?

Ты смотришь, друг, на жизнь светло —
И все весна перед тобою...
А мне и летом не тепло,
И сердце стынет, что зимою.

Случайно мы с тобой сошлись
В степи глухой, в минуты скуки...
Зачем же мы отравим жизнь
Друг другу ядом жгучей муки?

Прости же, друг мой, навсегда!
И наша встреча будет тайной...
И если в жизни иногда
Тебе припомнюсь я случайно,

Не сожалей и не грусти,
Что разошлись мы с тобою, —
Тебе на жизненном пути
Не мог я счастья дать собою.

Ты расцвела едва душой —
И не жила и не страдала,
Меня ж житейскою борьбой
Давным-давно уже сломало.

* * *

Истрадался душой и измучился я...
Няня, няня! где ты, золотая моя?!
Появись, покажись наяву иль во сне;
Спой мне прежнюю песнь, что певала ты мне, —

Унеси ты меня от рыданий и слез
В чудный сказочный мир светлых, радужных грез,
Чтобы сердцем моим позабыться я мог
От тяжелой борьбы и житейских тревог.

* * *

Догорела румяная зорька вдали,
И по степи вечерние тени легли...
И ни звука кругом, всюду тишь и покой,
Прожужжит только жук, промелькнув над травой.

Степь исчезла во тьме, а на небо взгляни:
Кто-то там высоко зажигает огни...
И над степью они, тихо зыблясь, горят —
В необъятный свой мир и зовут и манят.

И что скрылось в душе, притаилось днем,
То проснулось теперь и взмахнуло крылом,
И, стряхнув жизни гнет, в мир надзвездный парит,
И душа, умиляясь, молитвой звучит.

* * *

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что в моих твореньях
Нет тепла и света.
Как кому на свете
Дышится, живется —
Такова и песня
У него поется.
Жизнь дает для песни
Образы и звуки;
Даст ли она радость,
Даст ли скорбь и муки,
Даст ли день роскошный,
Тьму ли без рассвета —
То и отразится
В песнях у поэта.

Песнь моя тосклива. . .
Виноват в том я ли,
Что мне жизнь ссудила
Горе да печали?

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ

Приехал барин к кузнецу.
Он был силач немалый;
Своей он силою любил
Похвастаться, бывало.

— Эй, слушай, братец! . . под коня
Мне сделай две подковы:
Железо прочное поставь,
За труд тебе — целковый!

Я нынче с раннего утра
Охотиться собрался;
Уехал из дому, а конь
В дороге расковался. —

Кузнец за дело принялся.
Ведь барин тороватый, —
Так, значит, надо услужить,
Не по работе плата!

Кипит работа, и одна
Подкова уж готова.
Подкову барин в руки взял,
Погнул — и трах подкова!

— Железо, братец мой, плохо,
Поставь-ка ты другое:
Нехватит, верно, и на час
Коню добро такое. —

Кузнец на барина взглянул
С усмешкою лукавой, —
И вновь подкову он сковал,
Сковал ее на славу.

— Ну, эту, барин, верно, вам
Сломать уж не придется. —
И барин вновь подкову взял,
Погнул — не подается.

Он натянулся сколько мог:
Напружились все жилы. . .
Подкова чертовски стойка, —
Сломать ее нет силы.

— Ну, эта, братец мой, прочна,
И куй по этой пробе;
Меня охотники давно,
Чай, ждут в лесной труппе. —

Подкован конь, и в землю бьет
Он новою подковой.
Кузнец за труд смиренно ждет
Обещанный целковый.

— Теперь я смело на коне
Отправляюсь на охоту.
Ну вот, мой милый, получи
Рублевик за работу.

— Эх, барин, рубль-то нехорош,
Пускай хоть он и новый. —
И, взявши в пальцы, как стекло
Кузнец сломал целковый.

Теперь уж барин поглядел
На парня, — неказистый:
Лицом невзрачен, ростом мал,
Но жилистый, плечистый.

И вновь достал из кошелька
Ему он два целковых:
— Ну, эти будут хороши,
Хотя и не из новых? —

— И эти, барин, негодны:
Металл-то не по чести! —
Кузнец и эти два рубля
Сломал, сложивши вместе.

— Ну, я, брат, дам тебе рубли
Теперь иного сорта:
Наткнулся в жизни я впервой
На этакого чорта! —

И три рублевки кузнецу
Дает он за работу, —
И силой хвастать с этих пор
Покинул он охоту.

ПЕСНЯ-БЫЛЬ

Ох, сторонка ты, сторонка,
Сторона степная!
Едешь, едешь — хоть бы хата...
В небе ночь глухая.

Задремал ямщик — и кони
Мелкою рысцою
Чуть трусят, и колокольчик
Смолкнул под дугою.

По степным оврагам волки
Бродят, завывая,
В тростниках свою добычу
Зорко выжидая.

«Эй, ямщик! ты дремлешь, милый?
Эдак поневоле
На зубах волков придется
Нам остаться в поле».

Встрепенулся ларень, вскинул
Кверху кнут ременьный
И стегнул им коренного:
«Эх ты, забубенный!»

И взвились степные кони,
Бешено несутся,
Колокольчика по степи
Звуки раздаются. . .

Едем, едем — хоть бы хата.
Огонечек в поле. . .
Отдохнул бы на ночлеге,
Рад бы этой доле!

Вдруг мне молвил, обернувшись,
Мой ямщик удалый:
«Эдак ехать, то в трясины
Угодим, пожалуй!

Здесь лишь чуть свернешь с дороги,
И затонешь живо».
Он сдержал коней — и песню
Затянул тоскливо:

«Ах ты, молодость,
Моя молодость!
Ах ты, буйная,
Ты, разгульная!

Ты зачем рано
Прокатилась,
И пришла старость,
Не спросилась?

Как женил меня
Родной батюшка,
Говорила мне
Родна матушка:

«Ты женись, женись,
Мое дитяtko,
Ты женись, женись,
Бесталанн^{ый} сын!».

И женился я,
Бесталанный сын, —
Молода жена
Не в любовь пришла,

Не в любовь пришла
И не по сердцу,
Не по нраву мне
Молодецкому.

На руке лежит,
Что колодинка;
А в глаза глядит,
Что змея шипит...

Ах, не то была
Красна девица,
Моя прежняя
Полюбовница:

На руке лежит,
Будто перышко;
А в глаза глядит —
Целовать велит...»

Ох, сторонка ты, сторонка,
Сторона степная!
У тебя родилась песня,
Песня былевая.

Глубока она, кручинна,
Глубока, как море...
Пережита эта песня,
Выстрадана в горе.

И встает в глазах печальный
Парень предо мною,
Загубивший свою долю
Волею чужою.

Слышу тихие слова я
Матери скорбящей
И рабы безвольной мужа,
Робкой, все сносящей:

«Ты женись, женись, мой милый,
Дорогой, желанный!
Ты женись, женись, родимый,
Сын мой бесталаный!»

И женился бесталаный...
Сгибло счастье-доля:
Что любил он, разлучила
С тем отцова воля.

Ох, сторонка ты, сторонка,
Сторона степная!
У тебя кручины-горя
Нет конца и края!

УМИРАЮЩАЯ ДЕВУШКА

Приподнимите занавеску... Как темно,
Как душно в комнате... Откройте в сад окно —
И дайте воздухом весны мне подышать:
О, как не хочется так рано умирать!

Теперь уж зеленью оделися леса,
И птичек вольные звенят в них голоса...
Но мне травы лугов ногой моей не мять:
О, как не хочется так рано умирать!

Зачем весна моя так пышно расцвела
И сердце рано мне разбила и сожгла?...
Увял мой вешний цвет — не цвезть ему опять:
О, как не хочется так рано умирать!

Что это?.. Гаснет солнца луч или очей
Уж меркнет свет?.. В очах все сумрачней, темней...
Как сердце сжало мне, как тяжело мне дышать!..
О, как не хочется так рано умирать!

В УКРАИНЕ

Садится солнце. Едем тише. . .
Вдали виднеется село.
Чернеют хат беленых крыши
И ветхой мельницы крыло.

Вот подъезжаем, — хаты, хаты
И зелень яркая вокруг хат;
Садочки вишнями богаты,
И сливы зрелые висят.

И там и сям кусты калины,
И мак качает головой,
И рдеют ягоды рябины,
Как щеки девушки степной.

И залюбуешься невольно
Житьем привольным степняка.
«Здесь отпрягай, ямщик, — довольно:
Нам дальше ехать не рука!..»

Знать, люди здесь молились богу;
Смотри: какая благодать!..
Здесь отдохнем и в путь-дорогу
Тихонько тронемся опять. . .»

Стемнело вдруг. . . Заря алеет,
С лугов прохладою несет,
Зеленой степи даль синееет,
И тихий вечер настает.

С полей вернулись девчата,
Пришли и паробки с работ —
И собрались у ветхой хаты,
Где старый дед, кобзарь, живет.

«Сыграй-ка, старый, нам, дедуся, —
Кричат девчата старику, —
Про «Гриця» или про «Марусю»,
Про ту, что кинулась в реку».

«Ой, надоели вы, девчата», —
Старик ворчит, а сам берет
Со стенки кобзу, и у хаты
Он сел — играет и поет.

Поет, и льется песня стройно
И жжет сердца девчат огнем...
А ночка синяя покойно
Плывет над дремлющим селом.

* * *

Живу на южном берегу,
Живу я, друг, скучая,
И песен петь я не могу, —
Молчит душа больная...

Напрасно я бросаю взор
К тебе, на север дальний,
Но предо мной лишь гряди гор
Да моря вид зеркальный.

И мне не виден край родной
И ты, мой друг любимый,
И сердце мне гнетет тоской,
Ничем неодолимой.

Я полетел к тебе бы, друг,
Напрягши все усилья,
Но грудь сжигающий недуг
Мои подрезал крылья.

Как подстреленный ворон, я,
Лишенный прежней силы,
Брожу, на сердце боль тая,
Печальный и унылый.

И жду, что вот придет черед,
И хрупкое созданье
Недуг томительный добьет
И прекратит дыханье.

• • •

Над широкой степью
Хищный коршун вьется —
Ласточка по степи
Мечется и бьется.

Мечется, бедняжка,
Точно бы шальная,
Белой своей грудкой
В воздухе сверкая.

То мелькнет стрелой
Над травой высокой,
То начнет кружиться
По степи широкой.

Но напрасны бедной
Тяжкие усилья:
Хищный коршун зорок,
Да и сильны крылья.

Не уйти бедняжке
От когтей злодея:
Взмахи длинных крыльев
Все сильней, быстрее...

Вот уж хищник близко...
И одна минута —
Как малютку-птичку
Схватит коршун лютый.

Разве уж помочь мне
Птичке горемычной?!
И ружье направил
Я рукой привычной...

Глухо степь дрогнула
С края и до края...
И упала птица
Хищная, степная!

ПОЭТУ

Поэт! трудна твоя дорога,
На ней ты радости не жди:
Тебе страдать придется много
И много слез скопить в груди...

Но если ты призванью верен —
Иди! Борьбу веди со тьмой:
Будь сердцем чист, нелицемерен
И песни искренние пой.

Тебя унизят, поругают,
И чувства святость оскорбят,
И злобой душу истерзают,
И желчи ядом напоят...

Но ты, в венце своем терновом,
Тебе изранившем чело,
Прости врагам твоим суровым
Тебе содеянное зло!

И пригвожден к столбу позора,
И чуя в сердце желчи яд, —
Не шли за зло врагам укора:
«Они не ведают, что творят!»

И. И. БАРЫШЕВУ

Когда расстанусь я с землей,
Сложив на груди руки,
И в домовине гробовой
Засну, покинув муки,
И песня скорбная моя
Замрет навеки-вечно,
Тогда ты вспомни, друг, что я
Любил тебя сердечно.
И пред тобою в этот миг
Воскреснет друг любящий,
И ты припомнишь вновь мой стих,
Болезненный, скорбящий, —

И скажешь ты: «Его уж нет, —
Он спит, скорбей не зная;
Но песня та, что спел поэт,
Звучит еще, рыдая».

* * *

О счастье и грезах не пой,
Мой чистый и юный певец.
Не думай, что должен ты петь, как нежный поэт соловей.
Ты трелью не тронешь сердце,
Пусть голос твой, словно стальной,
Поет лишь о бедах, страданиях и нуждах несчастных людей.
И если он будет разбит
О твердый сердце их гранит,
Борьба пусть тебя не страшит,
Пой громче, смелей.

Послушай, мой друг, я хоть стар,
Уверить хотел бы я всех,
Что близко то время, когда мы без всякого страха споем
Ту песнь не для праздных утех,
Не для пошлых забав иль для бар,
Но в бедных страдальцах той песнью вселим мы подъем
И веру, что дружной толпой
За светлой желанной судьбой,
Поверь, соловей нежный мой,
Мы смело пойдём.

ДЕД КЛИМ

Утро. Зорькой золотою
Зарумянился восток,
Из села выходит стадо,
Заливается рожок.

Пробудилась забота,
Принимается за труд,
По селу скрипят ворота,
Бабы по воду идут.

Пробудились в хатах дети,
Как птенцы из-под застрех,
Показались, солнцу рады,
Слышен говор их и смех.

— Что ж, ребята, к деду Климу?
Он вчера нам говорил:
«Приходите! рой я пчелок
В новый улей отсадил.

Я вам, детки, этих пчелок
В новом улье покажу,
Накормлю досыта медом,
Сказку новую скажу».

Кто не знает деда Клима, —
Это старый пчеловод! . .
Дом покинул, в лес сосновый
Забрался и там живет.

Летом ходит за пчелами,
Собирает в ульях мед,
А зимой — иное дело:
Дед зимою зайцев бьет.

И в деревню он не ходит,
Надоела, вишь, ему, —
И спросите вы у деда:
Отчего и почему?

Дед ответит как-то тихо:
«Да уж нрав, знать, мой таков —
Не люблю я ссор и брани,
Разных дряг и пустяков.

Ну, а там соседи, — знаешь,
Уберечься как же тут? . .
И горшок с горшком столкнется. . .
Ну их к богу, — пусть живут! . .

Я люблю свой лес и пчельник,
От деревни я отвык. . .»

Не пытайте — больше слова
Не ответит вам старик.

К деду старому на пчельник
Из соседних деревень
Соберутся ребятишки
И шумят там целый день.

Дед детей сердечно любит,
Не ворчит и не бранит —
То по пчельнику их водит,
То им сказки говорит.

И теперь толпою дети
К деду старому бегут:
Знают дети, что у деда
Ласку встретят, мед найдут.

И бегут они полями
Меж густой, высокой ржи —
И головками кивают
Василечки им с межи.

Хорошо детишкам, любо,
На душе у них светло, —
Солнце ласково так смотрит,
В поле тихо и тепло.

Миновали дети поле,
И бегут они тропой
По заросшей болотине
Под сосновый лес, густой.

Вот и лес. И малых деток
Он накрыл, что темный свод,
И смолой своей душистой
Отовсюду обдает.

Чуть шумитверху соснами
Перелетный ветерок,
Ниже темь и тишь такая...
Что за чудный уголок!

Вот и пчельник деда Клина:
Хатка, садик и прудок —
И угодника Зосима
Над калиткой образок.

За плетнем высоким, частым
Ульи темные стоят,
И над ульями день целый
Пчелы вьются и жужжат.

Старый Клим сидит у хаты;
Точно лунь, он весь седой,
На свои худые руки
Оперся он головой;

От густых, высоких сосен
На него ложится тень...
Деда взор так тих и ясен,
Точно светлый летний день.

Знать, чиста душа у деда,
Жизнь прожита не греша,
Что на божий мир он ясно
Смотрит — добрая душа!

Дед, увидя ребятишек,
Усмехнулся и привстал:
— Ну-тко, материны дети!
Марш! на пчельник — на привал! —

Рады ласке ребятишки, —
Детский смех их зазвенел...
Пчельник ожил, точно новый
Рой на пчельник прилетел.

* * *

В тихом сумраке лампада
Светом трепетным горит;
Пред иконой белокурый
Внучек с дедушкой стоит.

Говорит ребенку тихо,
Наклоняя, дед седой:
«Помолился за всех мы,
Мой малютка дорогой.

Помолились за родных мы,
Помолились за чужих,
За людей, почивших в мире,
За трудящихся живых.

Помолились... но забыли
Помолиться мы за тех,
Кто томится в злой неволе
Без отрады и утех.

Чье в тоске сгорает сердце,
Гаснут очи под слезой...
Чья проходит жизнь сурово
За тюремную стеной.

Их не греет божье солнце,
Чуть в оконце им светя...
Так помолимся же богу
Мы за них, мое дитя!

Тяжела, горька их доля,
Скорбь да горе в их груди, —
Нет у них ни светлой веры,
Ни надежды впереди.

Даруй бог им облегченье
В темноте тюрьмы глухой,
Ниспошли им мир душевный
И сердечный дай покой.

Воскреси их упованья,
С горькой долей примири,
Светлой верой и надеждой
Путь их скорбный озари...»

И кладет дитя поклоны
При мерцающем огне
И за дедушкой молитву
Повторяет в тишине.

ЗИМА

Белый снег, пушистый,
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.

И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Все его одело.

Темный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно. . .

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Труженик-крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.

Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.

Он теперь покоен —
Все кругом укрыто,
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.

**БЫЛИНЫ
СКАЗАНИЯ
ПОЭМЫ**

УДАЛОЙ

Перед воеводу
С грозными очами
Молодец удалый
Приведен слугами.

Он для всех проезжих
Страшной был грозою:
Грабил по дорогам
Смелою рукою.

Долго воевода
Взять его старался,
Наконец удалый
Молодец попался.

Перед воеводу
С грозными очами
Приведен он, скован
Крепкими цепями.

Плисовая куртка
С плеч его свалилась,
Над высокой грудью
Буйная склонилась.

По груди из раны
Кровь течет струею, —
Знать, что не дешевой
Куплен он ценою.

Грозно удалому
Молвил воевода:
«Сказывай, какого,
Молодец, ты рода?»

Мать, отец кто были,
Что тебя вскормили,
Удальству, разбою
Рано научили?»

Говори, сознайся
Ты передо мною:
Много ли удалых
Грабило с тобою?»

Говори мне прямо,
Говори открыто,
Где твое богатство
Спрятано, зарыто?»

Перед воеводой
С грозными очами
Молодец удалый
Вдруг встряхнул кудрями.

Смело он рукою
Кудри расправляет,
Воеводе бойкой
Речью отвечает:

«Темный лес — отец мой,
Ночь — мне мать родная,
Удальству учила
Воля дорогая.

У меня удалых
Было только трое,
Что мне помогали
В грабеже, разбое.

Первый мой удалый —
Нож остроточеный,
А второй — тяжелый
Мой кистень граненый.

Третий мой удалый
По полю гуляет:
Он ездою быстрой
Ветер обгоняет.

С ними я в глухую
Ночку потешался —
Смело по дорогам
Грабил, не боялся.

Где ж мое богатство
Спрятано, хранится —
Этого тебе уж,
Видно, не добиться!»

Грозно воевода
Засверкал очами,
И зовет он громко
Стражу с палачами.

Два столба дубовых
Им велит поставить
Да покрепче петлю
Из пеньки исправить.

Сделано, готово;
Стража ждет и ходит
И к столбам дубовым
Молодца подводит.

Молодец не вздрогнет,
Не промолвит слова.
Грозный воевода
Спрашивает снова:

«Слушай же меня ты,
Молодец удалый:
Где твое богатство?
Расскажи, пожалуй.

Верь ты мне, клянуся
Здесь, при всем народе, —
Дам тебе я волю,
Будешь на свободе.

Если хочешь воли,
Расскажи, не мешкай!»
И промолвил громко
Молодец с усмешкой:

«Рассказать нетрудно.
Слушай, да не кайся,
И моим заветным
Кладом разживайся!

Все мое богатство —
Можно побожиться —
В тереме высоком
У тебя хранится.

Ты сердечной тайны
Жениной не знаешь
И мое богатство
Крепко сберегаешь.

Ты ходил в походы,
Воевал с врагами —
Я с твоей женою
Пировал ночами.

Весело я с нею
Проводил те ночи,
Целовал уста ей,
Целовал ей очи. . .»

ПРАВЕЖ

Зимний день. В холодном блеске
Солнце тусклое встает.
На широком перекрестке
Собрался толпой народ.

У Можайского Николы
Церковь взломана, грабеж
Учинен на много тысяч;
Ждут, назначен тут правеж.

Уж палач широкоплечий
Ходит с плетью, дела ждет.
Вот, гремя железной цепью,
Добрый молодец идет.

Подошел, потрянул кудрями,
Бойко вышел наперед,
К палачу подходит смело, —
Бровь над глазом не моргнет.

Шубу прочь, долой рубаху,
На кобылу малый лег. . .
И палач стянул ремнями
Тело крепко поперек.

Сносит молодец удары,
Из-под плети кровь ручьем. . .
— Эх, напрасно погибаю, —
Не виновен в деле том!

Не виновен, — церкви божьей
Я не грабил никогда. . . —
Вдруг народ заволновался:
«Едет, едет царь сюда!»

Подъезжает царь и крикнул:
«Эй, палач, остановись!
Отстегни ремни кобылы. . .
Ну, дружище, поднимись!»

Расскажи-ка, в чем виновен, —
Да чтоб правды не таить!
Виноват — терпи за дело,
Невиноват — что и бить!»

— За грабеж я церкви божьей
Бить плетями осужден,
Но я церкви, царь, не грабил,
Хоть душа из тела вон!

У Можайского Николы
Церковь взломана не мной,
А грабители с добычей
Забрались в лес густой;

Деньги кучками расклали. . .
Я дубинушку схватил —
И грабителей церковных
Всех дубинушкой побил. —

«Исполать тебе, детина! —
Молвил царь ему в ответ. —
А цела ль твоя добыча?
Ты сберег ее иль нет?»

— Царь, вели нести на плаху
Мне головушку мою!
Денег нет, — перед тобою
Правды я не утаю.

Мне добычу эту было
Тяжело тащить в мешке;
Видно, враг попутал, — деньги
Все я пропил в кабаке!

САДКО

1. САДКО В НОВЕГОРОДЕ

1

На святой Руси, в Новгороде,
Жил богатый гость, звали Садкою;
Прежде Садко был бедняком-бедняк,
А потом казну мерил кадкою.

Где же Садко так разжился казной,
Отчего же так Садко стал богат? ..
Садко был гуслиар, на пирах играл;
Садке грош дадут — Садко грошу рад.

Раз он ходит день — не зовут играть,
Ходит он другой — хоть бы кто позвал,
И на третий день Садке зову нет,
На четвертый день Садко грустен стал.

Он пошел тогда к Ильмень-озеру,
И над озером Садко стал играть;
Звуки чудные полились, дрожат —
Встрепенулася озерная гладь.

Всколыхнулося Ильмень-озеро —
И подводный царь перед Садкой встал,
Говорит ему: «За игру твою
Наградить хочу, — хорошо играл!

Награжу тебя, будешь в почести,
Золотой казной будешь ты богат.
Ступай в Новгород, бейся, Садко, ты
С новгородцами на велик заклад.

Заложи ты им свою голову —
А они в заклад пусть кладут товар, —
Что поймашь ты в Ильмень-озере
Золотых трех рыб, золотых, как жар.

Как побьешься ты с новгородцами
На велик заклад — приходи сюда,
Закинь в озеро невод шелковый, —
Золотых трех рыб тебе дам тогда.

Всколыхнулося Ильмень-озеро,
Всколыхнулося во всю ширь и мочь —
И подводный царь под водой исчез,
И от озера пошел Садко прочь.

Входит в Новгород — Садко ждут давно
На почестный пир — поиграть, попеть,
Зеленым вином Садко потчуют,
С зелена вина Садко стал хмелеть.

Захмелевши, он стал похвастывать,
На честном пиру похваляться стал,
Будто знает он чудо чудное,
Будто чудо то он не раз видал.

В Ильмень-озере есть три рыбины.
«Чиста золота чешуя на них».
Купцы Садке в том не поверили,
Говорят ему: «Нету рыб таких».

«Я кладу в заклад свою голову, —
Говорит Садко богачам-купцам, —
Вы кладите же свой товар в заклад, —
Золотых трех рыб я поймаю вам».

На такой заклад трое вызвались,
Бились с Садкою на весь свой товар.
И связал Садко невод шелковый —
И поймал трех рыб, золотых, как жар.

И забрал Садко у купцов товар,
Стал в Новгороде Садко торг вести;
Нажил он казны, что и сметы нет, —
И в Новгороде Садко стал в чести.

2

Распахнув шубу меха куньего,
Раз идет Садко по Новгороду;
Входит на площадь он торговую,
Стал на площади, гладит бороду.

Заломив шапку соболиную,
Пред купцами он похваляется:
«Богачи, купцы новгородские!
Кто со мной казной потягается?»

На казну свою я в Новгороде
Захочу — скуплю весь, что есть, товар,
До последнего горшка битого, —
Будет Новгород что пустой базар.

На другой-то день в Новгороде
По пустым рядам буду я ходить,
И у вас, купцы новгородские,
Будет нечего мне тогда купить».

Богачи, купцы новгородские,
На слова Садки подивилися,
В похвальбе ему поперечили,
На большой заклад с ним побилися,

Что не скупит он весь, что есть, товар, —
Без товару им не бывать, купцам,
И не быть тому в Новгороде,
Чтоб ходил Садко по пустым рядам.

Садко утром встал, призывает слуг,
Одевает их золотой казной,
Посылает их по Новгороду,
Чтоб скупить товар весь, где есть какой.

Разославши всех, Садко сам пошел:
Сыплет золотом, по рядам идет,
Закупает все чисто-начисто,
Закупает все, что метлой метет.

Время к вечеру, и в Новгороде
Ничего купить не осталось,
И по улицам Новгорода
Кой-какая дрянь лишь валялася.

На другой же день Садко утром встал,
По Новгороду посмотреть пошел —
И товару в нем вдвое прежнего;
Все опять скупил, что метлой подмел.

Вот на третий день Садко утром встал,
По Новгороду посмотреть идет —
А товару в нем понакладено
Втрое прежнего, — Садку зло берет.

Призадумался Садко, видит он,
Что приходится свой заклад пробить,
Что Новгороду не бывать пустым,
Что товары в нем не выкупить.

И пошел Садко прямо на площадь,
Пред купцами он свою шапку снял,
Поклонился им низко-нанизко,
Поклонившись, Садко так сказал:

«Богачи, купцы новгородские!
Похвалился я, что казной богат;
Нет, не я богат, богат Новгород, —
Получайте вы от меня заклад!»

За слова свои похвастливые
Выдавал Садко им заклад большой,
Отсыпал Садко богачам-купцам
Ровно тридцать мер золотой казной.

II. САДКО У МОРСКОГО ЦАРЯ

1

Едет Садко-купец на своих кораблях
По широкому синему морю;
Расходилась вдруг буря на синих волнах
Ко великому Садкину горю.

Ходит буря, ревет, корабли набок гнет,
Паруса рвет на мелкие части,
За волною волна в синем море встает,
И трещат корабельные снасти.

Струсил Садко-купец пред бедою такой
И поник головою в кручине:
Не придется, знать, Новгород видеть родной,
А придется погибнуть в пучине.

Говорит он дружине своей удалой:
«Много лет мы по морю ходили,
А морскому царю дани мы никакой
За проход кораблей не платили.

Знать, за это на нас рассердясь, царь морской
Причинить хочет злое нам горе.
Вы берите бочонок с казной золотой
И бросайте его в сине море».

И дружина бочонок с казной золотой
В волны синего моря кидает...
Волны, пенясь, кипят над морской глубиной,
Корабли, точно щепки, швыряет...

Видит Садко, что море все больше бурлит,
Все сильнее и сильнее клокочет,
И дружине своей удалой говорит:
«Видно, царь головы данью хочет!

Так давайте же, братцы, кидать жеребья —
Кому жертвою быть синю морю;
Если ваш, то быть вам, если мой — буду я,
И кидайте меня — не поспорю».

Все берут жеребья, Садке в шапку кладут,
Садко в море с своим их кидает.
Жеребья всей дружины не тонут — плывут,
Только Садкин ко дну упадет.

«Выпал жеребий мой морю жертвою быть,
Заплатить дань своей головою;
Без меня к Новугороду, братцы, вам плыть,
Увидаться с сторонкой родною.

Посадите меня на дубовой доске,
Дайте гусли мои золотые,
На дубовой доске и с гусями в руке
Опустите на волны морские».

На дубовой доске посадили его
И на синее море спустили;
Не взял Садко с собою добра ничего,
С ним одни его гусельки были.

И затихла вдруг буря на синих волнах,
Улеглася морская пучина.
И без Садки-купца на его кораблях
Понеслася по морю дружина.

2

На морской глубине, в светлом царском дворце
Ходят рыбы-киты и дельфины
И седые усы у царя на лице
Очищают от грязи и тины.

С неба солнца лучи светят в царский дворец,
Зажигают огни-изумруды.
Вот в палаты царя входит Садко-купец,
За плечом у него звонкогуды.

«А! здорово, дружище! давно тебя ждем, —
Молвил Садке морской царь, зевая,
Рот широко раскрыв и зубчатым жезлом
Прочь придворных своих отгоняя. —

Много лет ты возил на своих кораблях
Нашим морем без дани богатство, —
Так за это потешь ты игрой на гусях
Нашу царскую милость в приятство».

Садко кудри с лица прочь рукою отвел,
Взял он гусли свои звонкогуды,
И придворных царя смелым взглядом обвел
И подумал себе: «Да, не худы!»

— Ладно! — молвил царю, — я потешить непрочь
Вашу царскую милость игрою. —
И хватил по струнам во всю русскую мочь —
Моря гладь заходила волною.

Царь ладонями уши закрыл и кричит:
«Что за чорт, за игра за такая?
Она царский наш слух нам совсем оглушит,
Это шутка для нас, брат, плохая!»

Садко руку отвел, замирает струна,
Звуки тихие чуть издавая, —
Над морской глубиной улеглася волна,
Перед солнцем горя и сверкая.

Точно муха, кружась, зацепляет струну,
Точно мошки, жужжа, где-то вьются,
Точно капли дождя тихо бьют о волну, —
Звуки стройные, чудные льются.

Точно кто-то, рыдая, глубоко скорбит
О потерянном счастье когда-то,
Точно тихая речь чья-то грустно звучит
О погибшей любви без возврата.

И под звуки игры у морского царя
Голова наклонилась седая;
Хороша, как поутру на небе заря,
Загрустилась царица морская.

Ей припомнился Новгород вольный, родной,
Ее девичья вышка-светлица,
Что стояла над Волховом, быстрой рекой.
И рыдает морская царица.

Загубил ее век — золотые деньки —
Сын боярский, свенчавшись с другою;
Она бросилась в Волхов-реку от тоски,
Да и стала царицей морскою.

И придворные все, рот разинув, ревут,
Точно горе какое стряслося,
И из рыбьих их глаз слезы льются, текут:
Всласть впервой им поплакать пришлось.

Садко дернул плечом и кудрями потрянул —
И забегали пальцы быстрее,
И от струн побежал одуряющий гул,
Звуки льются живе́й и живее.

Точно дождик шумит, точно скачет волна,
Ударясь о берег скалистый,
Зазвенела морская кругом глубина,
Понеслись гоготанье и свисты.

Ошалел царь морской, головою трясет,
Плечи сами собой так и ходят,
И руками вертит, и ногами толчет,
И, моргая, глазами поводит.

Скачет царь водяной, ходит фертом кругом,
И полой своей шубы он машет,
По хрустальным палатам вертится вьюном,
Приседает и с присвистом пляшет.

Садко день проиграл, проиграл и другой —
Звуки прыгают, скачут, дробятся;
Все сильней и сильней пляшет царь водяной,
Так что начал дворец весь шататься.

Над морской глубиной волны, пенясь, кипят
И, свистя, друг на друга несутся,
И трещат корабли, мачты в воду летят,
Крики, стоны кругом раздаются.

Корабельщики все пред бедою такой
Затужились о ждущей их доле,
Что придется погибнуть им в глуби морской,
И взмолились святому Николе.

3

Два дня Садко играл и играет еще,
На щеках разгорелся румянец...
Кто-то Садку рукой тихо дерг за плечо...
Глядь — стоит перед ним седой старец.

«Перестань на звончатых ты гусях играть, —
Говорит ему старец сурово, —
Нечестно православной душе потешать,
Непригоже — царя водяного».

— Не моя, старче, власть на морской глубине, —
Я в воде здесь слуга подневольный,
И, играя, грущу по родной стороне,
Человек Новагорода вольный.

Не охотой попал на морское я дно,
С водяным мне не радость возиться,
Я и сам перестал бы играть уж давно,
Да ведь как от игры мне отбиться? —

«А ты вырви колки из гуслей золотых,
Зашвырни ты их в море далече,
Возьми струны порви и скажи: нет других,
На чем стану играть, человец?»

Будет царь водяной тебя в море женить,
Будет дочек давать тебе в жены —
Не бери, а то в море останешься жить,
Не увидишь свет вольный, крещеный.

Не прельщайся ты, Садко, морской красотой,
Хороши царя дочери на славу;
У царя водяного возьми ты женой
Некрасивую девку Чернаву.

И когда после свадьбы отправишься спать
Со своей молодой женою,
Ты не смей ее, Садко, ласкать, обнимать,
Не целуй — захлебнешься волною.

А когда спать ты ляжешь в палатах царя,
От жены молодой отвернешься, —
А как только поутру займется заря,
В Новгороде вольном проснешься».

Старец стал невидим. Садко струны рванул —
На гусях точно струн не бывало,
И замолк под водою рокошущий гул,
И в палатах царя тихо стало.

Перестал царь морской и скакать и плясать,
Говорит так он Садке с грозой:
«Что ж ты, Садко, умолк, или нас потешать
Не желаешь ты больше игрою?»

— Я бы тешить непрочь, да ведь как же мне быть, —
На губах наиграешь не много. . .

Царь, порвались все струны, других захватить
Не пришло мне в умишко убогой. —

«Делать нечего, вижу, вина не твоя,
А хотелось еще поплясать бы, —
Уж утешил бы всех своей пляскою я,
А особенно в день твоей свадьбы.

За игру твою, Садко, хочу наградить,
За большую услугу такую:
Я хочу тебя, Садко, на дочке женить,
Из царевен облюбил бы какую».

— Нет уж, батюшка царь, не изволь награждать, —
Награждение твое — мне кручина,
Мне царевна морская женой не под стать, —
Я простой новгородский людина.

Для простого людина мне честь велика —
Взять женою царевну морскую.
Подопью иногда, раззудится рука —
Ни за что твою дочку отдую.

За царевною нужен великий уход,
Обувать, одевать — нужны слуги,
А для этого скуден мой будет доход, —
Не возьму твою дочку в супруги.

Царь, мне надо жену вот такую бы взять,
Чтобы с ног сапоги мне снимала;
Как побую иногда, чтобы стала молчать,
Говорить предо мной не дерзала.

Чтобы делала то, что ей делать велю,
Моему не перечила б нраву;
Дай ты в жены мне лучше прислугу твою,
Некрасивую девку Чернаву. —

И женил его царь на Чернаве рябой,
На нечесаной девке косматой;
Сорок бочек казны за Чернавой женой
Дал в приданое царь тороватый.

После свадьбы лег Садко в палатах царя,
От жены молодой отвернулся,
И как только поутру зажглася заря,
В Новгороде вольном проснулся,

И над Волховом, быстрой рекою, стоит,
Недалеко от дома родного,
И пред ним сорок бочек с казною лежит,
Награжденье царя водяного.

Вот и Садки суда принеслись по волнам,
Удивленье дружине — загадка,
Что за чудо такое? — не верят глазам —
Как ни в чем не бывал, стоит Садко.

НЕМОЧЬ

I

Затужился, запечалился
Муж Терентий, сокрушается,
Ходит взад-вперед по горенке
Да кручиной убивается.

У Терентья, мужа старого,
Злое горе приключилося:
У жены его, красавицы,
Злая немочь расходилась.

Началась она с головушки,
Кò белым грудям ударилась,
Разлилась по всем суставчикам...
Брал он знахарку — не справилась.

И поили бабу травами,
И в горячей бане парили,
И с угля водою прыскали,
Да злой немочи не сбавили.

Немочь, знай, над бабой тешится,
Неподатная, упорная;
Знать, что немочь та не пришлая,
А людьми наговорная...

II

Хороша жена Терентьева:
Заглядишься, залюбуешься;
Немочь злую ее видючи,
Разгрустишься, растоскуешься.

Вот лежит она в постелюшке,
Грудь высоко поднимается,
И ее густая косынька
По подушке рассыпается.

Жаром пышут щеки белые,
И под длинными ресницами
Очи черные красавицы
Блещут яркими зарницами.

Руки полные раскинуты,
Одеяло с груди сбилось,
Прочь с плеча рубашка съехала,
И полгруды обнажилось.

«Ох, Терентий-муж, Данилович,
Тяжело мне, нету моченьки! —
Говорит она, вздыхаючи,
На него уставя оченьки. —

Ты сходи-ка в ту сторонушку,
Где игрой гусяры славятся;
Пусть меня потешат песнями, —
Может, немочь и убавится».

Молодой жене Данилович
Не перечит, собирается;
Взявши шапку, за гусярами
В дальний город отправляется.

III

Ходит муж Терентий городом,
Выбивается из моченьки,
А гусяров не видать нигде. . .
Время близко темной ноченьки.

Еле двигает Данилович
Свои ноженьки усталые;
Вот ему навстречу с гусями
Идут молодцы удалые.

Идут молодцы удалые,
На гусях своих играючи,
Звонкой песнею, потешною
Люд честной позабавляючи.

Поклонился им Данилович:
«Ой вы, ой, гусяры бравые!
Причинили мне невзгодушку
Люди злые и лукавые.

Помогите мне в кручинушке,
Что неожиданная случилась:
У жены моей, красавицы,
Злая немочь расходилась».

Рассказал им все Данилович,
Как и что с женой случается,
Как она в постеле мечется,
Как огнем вся разгорается.

— Да, печаль твоя великая,
Сокрушеньице немалое! . .
Что ж, мы немочь бабью вылечим,
Дело это нам бывалое.

Полезай в мешок холстиновый
И лежи в нем без движения;
Коль не хочешь — не прогневайся, —
Не возьмемся за лечение.

Мы пойдем в твои хоромины,
Словно с ношею тяжелою,
Потешать твою хозяйшку
Пляской бойкою, веселою.

Свой мешок под лавку бережно
Сложим мы, как рухлядь мягкую,
Станем петь, а ты смирнехонько
Притаись — лежи под лавкою.

Трудно будет мужу корчиться,
Да зато жена поправится,
От своей мудреной немочи
Навсегда она избавится.

IV

Под окном жены Терентьевой
Ходят молодцы, играючи,
Мужа старого, Данилыча,
На плечах в мешке таскаючи.

Их игру жена Терентьева
Услыхала, поднимается,
И к окну она из спальни
Скоро-наскоро бросается.

«Ой вы, молодцы удалые!
Вы, гусяры поученые!
Ваши песенки потешные!
Ваши гусли золоченые!

Вы Терентья не видали ли,
Не видали ли немилого,
Мужа старого, Данилыча,
Пса смердящего, постылого?»

— Не тужи, жена Терентьева,
Что ты старому досталась, —
Не тужи, вернулась волюшка:
Ты одна-одной осталась.

Твой Терентий-муж, Данилович,
В чистом поле под ракитою,
Меж колючего репейничка,
С головой лежит пробитою. . .

Над седой его головушкой
Черный ворон увивается,
Да вокруг его пушистая
Ковыль-травонька качается. . .

Молода жена с гусярами
 Песней, пляской забавляется,
 А Терентий-муж под лавкою
 Чуть в мешке не задыхается.

Ходит баба вдоль по горенке,
 Пол подолом подметаючи,
 Мужа старого, Данилыча,
 Проклинаючи, ругаючи.

«Уж ты старый пес, Данилович,
 Спи ты в поле под ракитою!
 Я потешусь, молодешенька,
 Вспомню молодость забытую!

Спи ты, тело твое старое
 В чистом поле пусть валяется,
 Пусть оно дождями мочится
 Да песками засыпается.

Загубил мою ты молодость,
 Света-волюшки лишаячи,
 За дверями, под запорами
 Красоту мою скрываючи...»

— Эй, ты слышишь ли, Данилович,
 Как жена здесь разгулялася,
 Как ей весело да радостно,
 Что ей волюшка досталася?

Над твоей она над старостью,
 Муж немилый, издевается... —
 И не вытерпел Данилович —
 Из-под лавки поднимается.

Молода жена Терентьева
 Побелела, зашаталася,
 А из спаленки красавицы
 Стенкой немочь пробиралася.

Миг один — и немочь скрылася...
Не поймаешь вольну пташечку!
Только видел муж Данилович
Кумачевую рубашечку...

КАНУТ ВЕЛИКИЙ

Задумчив и скучен гуляет Канут
По берегу моря со свитой;
Тяжелые мысли Канута гнетут,
Виденья прошедшего грозно встают
В душе его, скорбью убитой.

Он властью других превзошел королей,
Далеко гремит его слава,
И много обширных земель и морей
Имеет Канут под рукою своей, —
Но многое добыл неправо.

Он грозный властитель и храбрый боец,
Его не пугает измена,
Незыблем его королевский венец;
Но многою кровью свой меч-кладенец
Омыл он, суровый сын Свена.

Тоска его сердце немолчно грызет;
Могучий, он царствовал славно,
Но властью своей угнетал он народ,
Но кровь неповинных к тому вопиет,
Кого он узнал лишь недавно.

Навек он отрекся от веры отцов,
Язычника грозный наследник,
И нет в нем жестокости прежней следов;
Но тщетно завет благодатный Христов
Ему возвестил проповедник!

Когда он крестился во имя отца,
И сына, и духа святого —
Свершилося втайне прозренье слепца:
Его озарило судьи и творца
Святое великое слово.

Гладь синего моря тиха и светла,
Вечерней зарею алеет;
Но смутен властитель, в душе его мгла,
Ему королевская власть не мила,
Былое над ним тяготее.

Придворные видят, что надо развлечь
Упорную скуку владыки
И бремя печали с Канута совлечь;
И вот начинают хвалебную речь:
«Что грустен, король наш великий?»

Что значит твой скучный и сумрачный вид?
Ты счастлив, король величавый!
Все царства земные возьмешь ты на щит!
Весь мир золотыми лучами покрыт
Тебя озаряющей славой!

И в мирное время и в грозной борьбе
Величье твое неизменно.
Ты стал повелителем самой судьбе.
Весь Север под властью твоею. Тебе
Нет равного в целой вселенной!»

Но к льстивым речам равнодушен Канут,
Утехи он в них не находит.
К ногам его синие волны бегут
И пеной морскою его обдают.
Все ближе к волнам он подходит.

«Глядите, глядите! — льстецы говорят, —
Как волны морские покорно
Ложатся к ногам повелителя в ряд.
Глядите! и волны с Канута хотят
Смыть тень его грусти упорной!

Дивимся мы власти его и уму.
Кто в мире так силен и славен?
Он в жизни своей покорялся кому?
Но даже стихии покорны ему...
Он бог, он создателю равен!»

Тогда обратился властитель к льстецам
И молвил им грустно и строго:
— Не богу ль я равен, по вашим словам? . .
Возможно ль утихнуть шумящим волнам
По воле могущего бога? —

В смущении свита стоит перед ним.
Придворные шепчут тревожно:
«Ответить нам должно, ответом своим,
Быть может, мы грусть короля уладим».
И все восклицают: «Возможно!

И волны воздать тебе славу и честь
Со страхом должны непритворным!»
Противна Кануту бесстыдная лесть!
И царское кресло на берег принесть
Велит он смущенным придворным.

На месте, куда достигает прилив,
Он кресло велит им поставить.
Поставлено кресло. Он сел, молчалив.
Льстецам он докажет, их лесть посрамив,
Что с небом опасно лукавить.

И вот, обратившись к шумящим волнам,
Канут говорит им: — Я знаю,
Что вы покоряетесь божьим словам.
Смиритесь! Я двигаться далее вам
На берег морской запрещаю! —

Сидит неподвижно могучий Канут,
Придворные жмутся в тревоге;
А волны морские растут и растут,
Одна за другою на берег ползут
И лижут Канутовы ноги.

Холодные брызги в придворных летят,
Одежда их пеной покрыта,
Шумящие волны им смертью грозят...
И прочь от Канута со страхом назад
Бежит посрамленная свита!

Их гонит суровый ревуший прибой,
Опасность льстецов испугала.
Канут поднялся, упираясь ногой, —
И кресло его набежавшей волной
В открытое море умчало.

Все громче ревет и бушует вода,
И мечутся волны сердито.
Нельзя уже с ними бороться! Тогда
Король отступил — и подходит туда,
Где в страхе столпилася свита.

— Теперь вы скажите, — Канут говорит, —
Мне, верные слуги, велик ли
Король ваш божественный? .. — Свита молчит;
Терзает льстецов опозоренных стыд, —
Они головами поникли.

Страх близкой опалы уста заковал
Им, гневом владыки убитым.
— Язык ваш лукавый меня приравнял
К тому, кто мне силу и власть даровал, —
Сурово король говорит им. —

Над нами святая небес благодать,
Дано нам создателем много;
Но знайте: движеньем стихий управлять
И море в границах его удержать —
Во власти единого бога.

БОГАТЫРСКАЯ ЖЕНА

I

Князь Владимир стольно-киевский
Созывал на пир гостей,
Верных слуг своих — дружинников,
Удалых богатырей.

Звал их яства есть сахарные,
Пить медвяные питья;
И сходились гости званые,
И бояре и князя.

Много было ими выпито
Искрометного вина;
То и дело осушались
Чаши полные до дна.

Обходил дружину храбрую
С хмельной брагой турий рог;
Только хмель гостей Владимира
Под столы свалить не мог.

Вот, как вполсыта наелися
И вполпьяна напились,
Гости начали прихвастывать,
Похваляться принялись.

Кто хвалился силой крепкою,
Кто несметною казной,
Кто своей утехой сладкою —
Богатырскою женой.

Кто товарами заморскими,
Кто испытанным конем...
Лишь Данило призадумался,
Наклонившись над столом.

На пиру великокняжеском
Он не хвалится ничем;
И насмешливо дружинники
Шепчут: «Глух он али нем?»

— Ты почто, скажи, задумался? —
Князь Даниле говорит. —
Взор твой ясный темной думою,
Словно облаком, покрыт.

Али нет казны и силушки
У тебя, Данило-свет?
Платье ль цветное изношено?
Аль жены-утехи нет?

Встрепенулся свет Денисьевич,
Молвя князю: «Всем богат;
А своей я темной думушке,
Добрый княже, сам не рад.

На твоём пиру на княжеском
Собеседник я плохой;
И тебе я, княже, кланяюсь:
Отпусти меня домой.

Отчего — я сам не ведаю,
Грусть взяла меня теперь!..»
Встал Данило, князю-солнышку
Бил челом — и вышел в дверь...

II

И дружине молвил ласково
Князь Владимир, поклонясь:
— Все вы, други, переженены,
Не женат лишь я, ваш князь.

Между вами обездоленным
Я хожу холостяком:
Помогите же, товарищи,
Мне в несчастьи таком.

Приищите мне невестушку,
Чтобы ласкова была,
И смышлена в книжной грамоте,
И румяна, и бела.

Чтоб женой была мне доброю,
Доброй матушкою вам,
Чтоб не стыдно государыней
Звать ее богатырям. —

Князь умолк, и призадумались
Все его богатыри:
Сватом быть для князя стольного
Трудно, что ни говори!

Лишь Миташа не задумался:
«На примете есть одна, —
Молвил он, — лебедка белая,
Богатырская жена.

То жена Данилы славного.
Уж куда как хороша
Василиса свет Микулишна,
Раскрасавица-душа!

Ясны очи соколиные,
Брови соболя черней;
В целом городе Чернигове
Василисы нет умней.

Не уступит мужу книжному
В русской грамоте она,
И петью-четыю церковному
Хорошо обучена».

С грозным гневом на Путятича
Князь Владимир поглядел:
— Спяну, что ль, заговорился ты
Али в петлю захотел?

Разве я лишился разума?
Разве зверь я али тать?
От живого мужа можно ли
Мне жену насильно взять? —

Не сробел Миташа, вкрадчиво
Князю молвил он в ответ:
«Князь Данило ходит под богом —
Нынче жив, а завтра нет.

Коль слова мои не по сердцу,
То казнить меня веди;
Только прежде поохотиться
В лес Денисьича пошли.

В темных дебрях под Черниговом
Зверя тьма, а лову нет:
Прикажи поймать Денисьичу
Злого тура на обед.

На охоте все случается:
С буйным зверем труден бой,
И не взять его охотнику,
Княже, силою одной».

Понял князь Владимир киевский
Смысл лукавых этих слов,
И писать к Даниле грамоту
Он призвал своих писцов.

Те писцы писали витязю,
Чтобы он в лесах густых
Ради князя поохотился
На зверей и птиц лесных,

Поискал бы тура дикого,
С поля взял его живьем.
И отправил князь Путятича
С этой грамотой послом.

III

В светлом тереме Даниловом,
Призадумавшись, одна
У окна сидит красавица,
Богатырская жена.

Муж уехал поохотиться
В бор Черниговский чем свет;
Вот уж время близко к вечеру,
А Денисьича все нет.

Скучно ей одной без милого,
Грусть-тоска ее томит. . .
Вдруг услышала: у терема
Раздается стук копыт.

Гость неожиданный и непрошенный
У Даниловых ворот,
Привязав коня усталого,
Скоро к терему идет.

Не спросился слуг невежливый
Володимиров посол:
Он в светлицу бездокладочно
С княжьей грамотой вошел.

Василиса гневно встретила
Неучтивого посла
И неладным смёрдом княжеским,
Рассердившись, назвала.

А Путятич молвил, до земли
Василисе поклонясь:
«Не гневися, государыня,
Что вошел я не спросясь».

Не своей сюда охотою
Я приехал: князь велел;
В терем твой без воли княжеской
Я войти бы не посмел.

К твоему Даниле грамоту
Князь велел мне отвезти:
Получи; а за невежливость,
Государыня, прости».

Василиса закручинилась,
Прочитав княжой приказ:
Побелели щеки алые,
Слезы хлынули из глаз.

Поняла она из грамоты,
Что недоброе в ней есть,
Что замыслил князь Денисьича
Злою хитростью известь.

Кличет слуг к себе Микулишна
И велит седлать коня.
«Снаряжайте, слуги верные,
К мужу в поле вы меня!

Дайте платье молодецкое,
Принесите лук тугой!
Сердце чует горе лютое
И дрожит перед бедой...»

И катились слезы горькие
Крупным градом по лицу.
Слуги верные ретивого
Привели коня к крыльцу.

На коня она садилась,
Взяв колчан каленых стрел,
И, едва земли касаяся,
Конь, как вихорь, полетел.

Над собой беды не ведая,
 Рыщет в поле богатырь.
 Быстрый конь Данилу по полю
 Быстро носит вдаль и вширь.

Настрелял с утра Денисьевич
 Много дичи луговой;
 Он охотой не натешится,
 Не спешит к жене домой.

Вдруг он видит: от Чернигова
 Не орел к нему летит —
 Мчится вихрем добрый молодец,
 Под конем земля дрожит.

Закричал Данило молодцу,
 Меч подняв над головой:
 «Стой, удалый, добрый молодец!
 Говори, кто ты такой?»

Если друг, то побратаемся,
 Поведем любовно речь;
 Если недруг — потягаемся,
 У кого тяжеле меч».

Говорит проезжий молодец,
 Шапку сняв с густых кудрей:
 «Не узнал ты, свет Денисьевич,
 Молодой жены своей!»

Знать, не долго нам понежиться
 И в любви пожить с тобой.
 Перестань охотой тешиться,
 Поезжай скорей домой!»

Тут прочла ему Микулишна
 Володимиров ярлык,
 Но Данило в хитрый умысел
 Князя стольного не вник.

Отвечает он с усмешкою
Молодой своей жене:
«Вижу я, тебе кручинушка
Померещилась во сне.

Где же видано и слыхано,
Чтобы князь богатыря
За любовь и службу верную
Извести задумал зря?

Лучше в тереме хозяйничай,
Знай домашний обиход
И словами неразумными
Не пугай меня вперед.

Я на тура поохотиться
Рад для князя всей душой;
Только мало стрел осталось,
А запасных нет со мной.

Привези колчан мне маленький,
А большого не бери:
Много стрел ловцу не надобно —
Метко бьют богатыри!»

Говорит она: «Со стрелами
Я большой колчан взяла.
Не сердись, нужна при случае
В поле лишняя стрела.

Чует горе сердце вешее,
Ты словам моим поверь:
Тур не страшен для охотника, —
Человек страшней, чем зверь...»

С грустью тяжкою Микулишна
Крепко мужа обняла
И вернулась к Чернигову,
Путь слезами полила,

Рыщет витязь день до вечера
 По лугам и по лесам;
 Зверя-тура круторогого
 Ищет он и там и сям:

В буераках и кустарниках,
 В чащах диких и густых...
 Вот уж день склонился к вечеру,
 И дремучий лес затих.

Но не слышно по окружности
 Рева турьего нигде...
 Шепчет витязь опечаленный:
 «Надо ж быть такой беде!»

Рыщет по лесу Денисьевич —
 Как на грех удачи нет!
 Не привезть и нынче витязю
 Дичь на княжеский обед!

Снова день склонился к вечеру,
 Нет в лесу души живой,
 Только рысь порою быстрая
 Промелькнет вдали стрелой.

Только вороны зловещие
 С криком носятся вверх,
 Громко каркая над витязем:
 Быть невзгоде! быть греху!

Только холодом кладбищенским
 Вдруг повеет нетопырь...
 Ночи сумрачней, под дерево
 Лег могучий богатырь.

Шею вытянув упругую,
 Конь дыханием своим
 Греет доброго хозяина
 И печально ржет над ним.

«Что ты льнешь ко мне, ласкаешься,
Мой товарищ боевой? —
Говорит ему Денисьевич. —
Что поник ты головой?»

Что своим дыханьем огненным
Жгешь ты мне лицо и грудь?
Иль боишься зверя лютого?
Или чуешь что-нибудь? ..»

Конь трясет косматой гривой
И копытом в землю бьет,
Точно хочет что-то вымолвить,
Только слов недостает.

Лишь блеснул на небе розовый
Луч зари, предвестник дня,
Встал Данило с ложа жесткого,
Сел на доброго коня.

Едет он из леса темного
В поле счастья попытать...
Чу... вдали, там, что-то слышится:
Не идет ли с юга рать?

Мать сыра земля колышется,
И дремучий бор дрожит;
Словно гром гремит раскатистый,
Раздается стук копыт.

Стал Данило за кустарником,
Видит: с южной стороны
Грозно движутся два всадника,
Будто две больших копны.

Что-то будет, что-то станется?
Сердце екнуло в груди...
Видно, пасть в борьбе Денисьичу
С тем, кто едет впереди.

Скачет конь под ним, играючи,
Блещет золотом шелом. . .
И узнал Данило с горестью
Брата названного в нем. . .

Он одет в кольчугу крепкую,
Тяжела его рука;
И на смертный бой Денисьича
Он зовет издалека.

Словно сокол с черным вороном,
Близкой смерти вещуном,
Он с Алешкою Поповичем
Мчится по полю вдвоем. . .

Дрогнув, слез с коня Денисьевич. . .
Сердце сжала злая боль. . .
Он с Добрынею Никитичем
Побратался для того ль? . .

«Видно, князю я не надобен! —
Говорит он сам себе. —
Но по воле князя стольного
Не погибну я в борьбе.

Кровью брата и товарища
Я земли не обагрю,
Для потехи княжьей совестно
В бой вступать богатырю.

Не убить Добрыне молодца
В поединке роковом!» —
И воткнул копые злаченное
В землю он тупым концом.

Сбросил с плеч доспехи твердые,
Грудью пал на острие —
И пробило молодецкую
Грудь злаченное копые.

Мать сыра земля зарделася,
Теплой кровью полита,
И душа Данилы чистая
Вышла в алые уста.

И когда борцы подъехали
Вызывать его на бой,
Только труп один безжизненный
Увидали пред собой.

VI

Что за праздник в стольном Киеве?
Князь с дружиной удалой
На помолвку собираются
К Василисе молодой.

Многоценную, жемчужную
Он везет невесте нить...
Хочет сердце неподкупное
Ожерельями купить.

Весел князь Владимир киевский:
Витязь преданный его
На лугу, в траве некошеной,
Спит, не слышит ничего.

Праздно вокруг его валяются
Стрелы, меч и крепкий щит,
Добрый конь бессменным сторожем
Над хозяином стоит.

Шею гордую, косматую
Опустил он грустно ниц
И от трупа грозным ржанием
Отгоняет хищных птиц.

Василиса убивается
В светлой горнице своей:
Не видать ей мужа милого,
Не слышать его речей!

А Владимир по дороженьке
На ретивом скакуне,
Впереди своих дружинников,
Мчится к будущей жене.

Грудь высокая волнуется,
В жилах кровь ключом кипит,
К голубым очам красавицы
Дума пылкая летит. . .

Что стучит-гремит в Чернигове?
Что вздымает пыль столбом?
Поезд свадебный Владимира
К Василисе едет в дом.

И, предчувствуя недоброе,
Слуги в страхе к ней сошлись,
Говорят ей: «Государыня!
В платье мужа нарядись!

Из конюшни мужней лучшего
Скакуна себе бери!
За тобой идут из Киева
Князь и все богатыри».

Отвечает им красавица:
— Мне не надобно коня;
Не хочу, чтоб слуги верные
Пострадали за меня.

Перед князем неповинна я,
Перед богом я чиста.
Принимайте ж князя с почестью,
Отворяйте ворота. —

Слезы вытерла горючие
Богатырская жена,
И велела платья лучшие
Принести к себе она.

Освежила в мыльне чистою
Ключевой водой лицо
И встречать гостей непрошенных
Смело вышла на крыльцо.

Словно дня сияньем ласковым
Небо пышно рассвело,
Словно утром рано на небо
Солнце ясное взошло.

То не зорюшка румянится,
То не солнышко блестит —
Василиса свет Микулишна
На крыльце резном стоит.

Тихо, словно очарованный,
Подошел Владимир к ней
И не может от красавицы
Оторвать своих очей,

И не может ей разумное
Слово вымолвить в привет. . .
Изойди всю землю русскую —
В ней красы подобной нет!

Низко князю поклонился
Богатырская жена
И в дверях остановилась,
Молчалива и скромна.

Что ж в душе у ней таилось,
Князь того не угадал
И в уста ее сахарные
Горячо поцеловал.

И промолвил он Микулишне:
«Твой супруг в лугах погиб.
На охоте трудной до смерти
Дикий тур его зашиб.

Не вернуть нам к жизни мертвого,
Не роняй же горьких слез;
Я колечко обручальное
Молодой вдове привез.

Жить не след тебе вдовицею,
Век в кручине горевать,
Красоту свою и молодость
Погубить тебе не стать.

Будь женою мне и матушкой
Для моих богатырей,
Одевайся в подвенечное
Платье светлое скорей.

В путь-дорогу мы отправимся, —
Поезд свадебный готов». —
Василиса воле княжеской
Покорилася без слов:

Нарядилась в платье цветное
И покрылася фатой,
И в рукав широкий спрятала
Нож отточенный складной.

VI

Едет князь с невестой милою,
В стольный город свой спеша;
Все сильнее в нем кровь волнуется,
И горит его душа.

Но невесело дружинники
Молча следуют за ним;
Опустил Добрыня голову,
Тяжкой думою томим.

Шепчет он: «Владимир-солнышко!
В деле злом не быть добру!
Не подумавши затеяли
Мы неладную игру.

Все мне братний труп мерещится,
Что неприбранный лежит;
Рана страшная, как грозное
Око, на небо глядит.

Извели мы ясна сокола,
Он попался в нашу сеть,
Но едва ли белой лебедью
Нам удастся завладеть».

Молча едут князь с невестою...
Слышно ржанье в стороне:
Это конь Данилов весточку
Подает его жене.

Василиса встrepенулася,
Придержала скакуна
И Владимиру, ласкаючись,
Тихо молвила она:

«В чистом поле ржанье слышится,
В небе вороны кричат...
Князь Владимир! Я отправлюся
В ту сторонку наугад.

Видно, там мой муж валяется, —
Отпусти меня к нему,
Я в последний раз убитого
Мужа крепко обниму.

Вдоволь я над ним наплачуся,
Труп слезами орошу;
Если ж с мужем не прощуся я —
Перед богом согрешу...»

Потемнел Владимир-солнышко,
Светлых дум пропал и след...
Отказать невесте — совестно,
Отпустить — охоты нет.

Голова на грудь склонилась,
Шевельнулась совесть в нем,
И на просьбу Василисину
Согласился он с трудом.

В провожатые Микулишне
Дал он двух богатырей,
И помчалась красавица
Ветра вольного быстрей.

VIII

Вот в долине, за кустарником,
Труп лежит в траве густой,
Точно дерево, разбитое
Беспощадною грозой.

В беспорядке кудри черные
Опустились над челом,
Истекает кровью алою
Грудь, пробитая копьем.

Изменила смерть холодная
Красоту его лица,
И раскинуты бессильные
Руки мощного бойца. . .

И, спрыгнув с коня ретивого,
Точно первый снег бела,
Без рыданий, к мужу мертвому
Василиса подошла.

И, упав на грудь Данилову,
Горемычная вдова
Громко вскрикнула: «Злодеями
Ты убит, а я жива!

Для чего ж мне жизнь оставлена,
Если нет тебя со мной?
Нет грешно ли мне, не стыдно ли
Быть Владимира женой!

И не лучше ль злomu половцу
Мне отдать и жизнь и честь,
Чем с убийцей мужа милого
Целый век в слезах провести?

Нет, не лечь на ложе брачное
Опозоренной вдове
И не быть с дружиной княжеской
И с Добрынею в родстве;

Не носить уборы ценные,
Жемчуги и янтари. . .
Подойдите и послушайте
Вы меня, богатыри!

Вы скажите князю стольному,
Чтоб валяться не дал нам
В поле он без погребения,
На съедение зверям.

Прикажите, други, плотникам
Сколотить нам гроб большой,
Чтоб не тесно было милому
Спать со мной в земле сырой».

Так сказала им Микулишна —
И пробила грудь ножом;
Из глубокой раны хлынула
Кровь горячая ручьем.

На груди супруга милого
Умерла его жена,
Жизнь без слез она оставила,
До конца ему верна.

IX

Грозен князь Владимир киевский
Возвратился в город свой
Не с красавицей княгиней,
А с глубокою тоской.

Не с весельем князя встретили
Горожане у ворот, —
Пусты улицы широкие,
Точно вымер весь народ.

Над богатым, славным Киевом
Тишь могильная стоит;
Лишь по улицам в безмолвии
Раздается стук копыт.

Грозен князь вошел в хоромины,
Молча слуги вслед идут,
И велел им князь Путятича
Привести к себе на суд.

И, дрожа от страха смертного,
Стал Путятич у дверей. . .
Не для пира-столования
Князь созвал богатырей.

Знать, прошла пора веселая
Шумных княжеских потех, —
Смотрят сумрачно дружинники,
Стольный князь суровой всех.

С гневом молвил он Путятичу:
«Как нам быть с тобою, сват?
Ездил в даль я за невестою,
А вернулся не женат.

Ты затеял дело хитрое,
Да пропал задаром труд:
Идут слуги в Киев с ношею,
Двух покойников несут.

Погубил слугу я верного —
И остался холостой.
Видно, князю не приходится
Володать чужой женой.

И не должно князю слушаться
Злых советников своих:
Злой слуга змеи опаснее,
На худое дело лих.

Мне же речь твоя понравилась;
Эта речь была грешна —
И не смыть теперь мне с совести
Вековечного пятна.

Князь Владимир стольно киевский
Щедрым слыл до этих пор...
Чем же мне тебя пожаловать,
Наградить за мой позор?

Все дела твои лукавые
И советы были злы, —
И за то, Миташа, жалую
Я тебя котлом смолы».

ВАСИЛЬКО

I

Василько видел страшный сон,
Остановившись на ночлеге.
Ему приснилось, будто он
В глухом лесу, в худой телеге,
Лежит закован, недвижим,
И ворон каркает над ним,
И слышен стук мечей о брони,
И ржут испуганные кони.

Василька ищет Володарь
И громко кличет: «Брат, за нами!»
И хочет князь, как было встарь,
Тряхнуть могучими руками —
Но крепко скованы оне;
И хочет крикнуть он во сне,
Но вместо крика стон раздался:
Язык ему не покорялся.

Не мог он стоном заглушить
Шум боя, крик зловещей птицы...
Глаза он силился открыть —
Не поднимаются ресницы...
В немом отчаяньи, дрожа,
Он слышит — лезвием ножа
К нему вдруг кто-то прикоснулся,
И князь испуганный проснулся.

Прохлада ясного утра
Василька скоро освежила.
Уж рассвело. Кругом шатра
Бродили слуги. Слышно было,
Как отрок борзого коня
Седлал для князя; у огня
Проворный повар суетился;
Шум, говор в стане разносился.

Князь поднял край шатра. Пред ним
Открылся Днепр, залитый блеском,
И нежил слух его своим
Невозмутимо ровным плеском.
Василько влево бросил взгляд —
Там возвышался Киев-град, —
И сна дурное впечатленье
Рассеялось в одно мгновенье.

Верхушки киевских церквей
На солнце ярко золотились,
И от посада в глубь полей
Далеко нивы расходились;
Вдали степей синела ширь,
И Феодосьев монастырь,
Высоким тыном обнесенный,
Венчал собою холм зеленый.

Отрадно стало и светло
В душе Василька. Грудь дышала
Спокойно. Утро принесло
Ему с собою дум немало.
Как львенок, вышедший впервой
На лов, потрянул он головой,
Глаза его сверкали смело:
Он замышлял большое дело.

На съезде в Любече князя
Решили: княженицкой власти
Опоры нет; что воронья,
Мы Русь родную рвем на части.

Пусть каждый отчиной своей
Владеет в мире с этих дней,
И да не будет ссор меж нами...
Мы братья, — нам ли быть врагами?

Василько думает: «Пойду
Теперь я смело к Теробовлю
И хитрым ляхам на беду
Зимой дружину приготовлю.
Давно душа моя горит
Взять землю ляхскую на щит
И Руси недругов лукавых
Похоронить в глухих дубравах.

Потом за помощью приду
Я к Святополку с Мономахом
И Половецкую орду
В глухих степях развею прахом.
Я дам родимой стороне
Покой, хотя пришлось бы мне
Лечь головой в борьбе кровавой...»
Так думал правнук Ярослава.

Так он задумывал одно,
Но у Давыда с Святополком
Другое было решено
На их совете тихомолком.
«Василько, — думал князь Давид, —
Мое добро себе рачит.
Покуда род его не вымер,
За мной не крепок Володимер».

— Возьми его, он враг злой,
Не родич нам, — шептал он брату, —
Ужели хочешь Киев свой
Отдать ему, как супостату?

В крови потопит и в слезах
Он нашу землю. Мономах,
Его пособник произволу,
С ним заодно кует крамолу.

Как звери лютые, придут
Они с наемной силой вражьей,
Владимер Галицкий возьмут,
Отнимут стол великокняжий.
Нет правды, верь мне, в их сердцах!
И дикий половец и лях
На Русь пойдут за ними следом.
Иль замысл их тебе не ведом?

О том, что мыслит князь-изгой,
Мои дозналися бояре,
Он запалит костер большой —
И нам, брат, сгибнуть в том пожаре.
Возьми ж его, пока он тут;
Напрасен будет после труд:
Мешать нам плохо волку в ловле,
Когда он будет в Тереховле.

Сам бог нам с властью дал устав —
Блюсти от зла свою державу. —
И внял великий князь, сказав:
— Да будет так! Когда ж неправо
Ты молишь — бог тебе судья.
Нам не простят того князья,
Противу нас найдут улики,
И будет то нам в стыд великий. —

И князь на Рудицы послал
Василька звать на именины.
Там недалеко от забрал
И киевских бойниц, с дружиной
Передвигаясь в город свой,
Стал станом княжич удалой,
Про то не ведая, что вскоре
Его постигнет злое горе.

II

Звонят к обедне. Стольный град
 Проснулся. Ясен день холодный.
 В стану Васильковом скрипят
 Телеги с рухлядью походной.
 Трясет серебряной уздой
 И стременами конь княжой
 Перед княжьем шатром закрытым,
 Храпит и в землю бьет копытом.

Кормилич княжичий, старик,
 Торопит в путь дружину с князем.
 «Нам впереди поход велик, —
 Как раз обоз в грязи увязим.
 Пойдем-ко, князь! Того и жди,
 Полюют осенние дожди,
 И стой тогда в болотной тине!
 Вели-ко стан снимать дружине!»

Василько вышел из шатра,
 Чтоб нарядить, уладить сборы,
 Проститься с берегом Днестра,
 Взглянуть на киевские горы.
 Быть может, долго не видать
 Тех мест, где веры благодать
 Над темной Русью просияла,
 Где Русь крещение восприяла.

И грустно сердце сжалось в нем,
 Как будто чуя скорбь и горе,
 И вспомнил княжич о былом
 И о княжой недавней ссоре.
 «Мне, может, — думал он, — сулит
 Судьба в грядущем ряд обид,
 От близких родичей — истому,
 И вместо славы — папилому.

В худое время мы живем,
 За распри друг на друга ропщем;
 Радеет всякий о своем,
 А о земле, наследье общем,

Никто не хочет пожалеть,
Отдав ее врагам на съедь.
Мы вместо мира, устроенья
Заводим ссоры да смятенья.

Великий прадед Ярослав!
Берег ты землю от печали,
Храня отеческий устав, —
И наши вороги молчали.
Могуч, как древле царь Давид,
Ты громкой славой был покрыт;
Но время тихое минуло —
И Русь в крамолах потонула».

Так Ростиславич размышлял
О распре — княжеской заразе,
А перед ним уже стоял
Посол от киевского князя
И молвил, низко поклонясь:
«Зовет тебя на праздник князь
И просит в Киев, господине,
Для именин приехать ныне».

— Мне дома быть пора давно, —
Князь отвечал, — гулять не время:
Рать будет дома неравно,
Да и других забот беремья.
Коль призван править князь землей,
Ему гостить в земле чужой
Не след: в семье владыка нужен...
Скажи: теперь я недосужен. —

Ушел гонец; но вслед за ним
Великий князь прислал другого:
«Хоть на денек приди к родным, —
С гонцом княжое было слово, —
Об этом я прошу любя».
Давид прибавил от себя:
«Пожалуй в Киев нынче, брате!
Куда спешешь? Не слышно рати!

Отказ твой семя к распре даст.
Ужели хочешь новой ссоры?
На злое дело князь горазд.
И в нем вражда созреет скоро:
Из друга сделаться врагом
Ему не диво, — знай о том.
Коль не приедешь к Святополку,
Не будет в съезде нашем толку».

Василько вымолвил: — Аминь!
О ссоре мне и думать больно. —
Он стан отправил на Вольтынь
И сам поехал в Киев стольный.
Торопит он и бьет коня;
Но конь, уздечкою звеня,
Идет неспешно и лениво,
Храпит, потряхивая гривой.

Беспечно едет князь вперед.
Навстречу отрок приближенный
Спешит от киевских ворот
К нему, печальный и смущенный;
Он стал пред ним и говорит:
«Не ездь, князь! Беда грозит!
Вернись — иль быть греху да брани!
Тебя возьмут, вернись заране!

Не ездь: Киев — западня,
Поверь моей правдивой речи.
Верни ретивого коня —
Твоя дружина недалече.
И ты, как дома, будешь с ней.
Уйди подальше от князей, —
Они лишат тебя удела,
В них мысль ехидная созрела».

— За что ж князя меня возьмут? —
Спросил Василько удивленный, —
Не верю я, нет правды тут, —
Схватить нельзя же беззаконно?

Я Святополка не боюсь:
Не для того со мной союз
Скрепил он крестным целованьем,
Чтоб встретить гостя злодеяньем.

Ходил я всюду напрямик, —
Зачем назад мне возвращаться?
Я в битвах вырос и не привык
От юных лет врагов бояться. —
Так Ростиславич отвечал
И путь свой в Киев продолжал:
Был княжич чист и прям душою,
Не знался с хитростью людскою.

Спокоен в Киев въехал он
И у хоромин княженецких
Остановился. Окружен
Толпой дружинников и детских,
Выходит к гостю на крыльцо
Великий князь; его лицо
Омрачено; с улыбкой странной
Он молвил: «Здравствуй, гость желанный!»

И ввел его он в тот покой,
Где князь Давид, потупя очи,
Поникнув хитрой головой,
Сидел, темней осенней ночи.
Увидев гостя, вздрогнул он,
И на приветливый поклон
И речи князя молодого
Не может вымолвить ни слова.

Василько весел и не ждет
Грозы; а гром над головою,
И скоро час беды придет.
Великий князь кривит душою,
Кривит пред ним, а князь Давид,
Немой как рыба, вниз глядит.
Ждут слуги взгляда, и готовы
Для Ростиславича оковы.

Прошло с тех пор четыре дня.
 В местечке Вздвиженье тревога;
 И шум и смердов беготня
 В избе священника убогой.
 Толпа Давыдовых людей
 Теснится около дверей,
 И двое слуг несут в ворота
 В ковры завернутое что-то.

То князь Василько. Но зачем
 В таком печальном он наряде
 Лежит без чувств, бессилен, нем?
 В глухую ночь, вчера, в Белграде,
 Он был злодейски ослеплен.
 Недавний сбылся князя сон!
 Полуживой, он дышит еле...
 Давид достиг желанной цели.

Народом полон ветхий сруб,
 Скрипят гнилые половицы;
 На лавке князь лежит, как труп...
 Лицо порезано, зеницы
 Из впадин вырваны глазных,
 И страшно кровь чернеет в них;
 Разбита грудь его, и тело
 Изнемогло и посинело.

Сняла с Василько попадья
 Рубаху, кровью залитую,
 И говорит: «Какой судья
 Тебе назначил казнь такую!
 Али так много грешен ты,
 Что ни очей, ни красоты
 Не пощадили?... Вепрь не станет
 Так мучить, тур так не изранит!

Давно на свете я живу,
 Годам и счет-то потеряла;
 Но ни во сне, ни наяву
 Такой я казни не видала.

Худое времечко пришло:
Рвут людям очи, в братьях зло, —
Знать, нету в мире божья страху!»
И стала мыть она рубаху.

И слезы горькие свои
На полотно она роняла.
От плача старой попадьи
Очнулся князь. . . Не мог сначала
Припомнить он: что было с ним?
И лютой жаждою томим,
Он простонал. Тот стон услыша,
Хозяйке стража шепчет: «Тише!»

Над ним нагнулась попадья;
Ее почувствовав дыханье,
Василько вымолвил: «Где я?»
И заглушив в себе рыданья,
Она, качая головой,
Сказала: «В Вздвиженье, родной!»
И грудь его с печалью тяжкой
Покрыла вымытой рубашкой.

Рукою грудь ощупал он
И через силу приподнялся;
Бледнеет стража: страшный стон
И вопль княжой в избе раздался.
Рыдая, он к скамье приник,
И проходили в этот миг
Перед духовными очами
Слепца видения рядами.

Припомнил он, честной как крест
На съезде братья целовали:
Надежды светлые на съезд
Они великий возлагали.
И вот — нарушен земский мир!
На страшный, вновь кровавый пир,
Для казни, прежних казней злейшей,
Призвал Василька князь старейший.

Припомнил он, как без причин
Он схвачен был по воле братской,
Как на глазах его Торчин
Точил свой нож в избе белградской.
Заране свет померк в очах...
Как дикий барс лесной в сетях,
Боролся княжич с сильной стражей,
Но не осилил злобы князей.

Не мог он выдержать борьбы...
Василька на пол повалили
Немилосердные рабы
И грудь доской ему сдавили;
Уселись конюхи на ней,
Взмахнул ножом Торчин-злодей —
Несчастный вскрикнул и рванулся —
И теплой кровью захлебнулся...

И божий мир для князя стал
Безмолвно глух, как склеп огромный;
Без чувств и памяти, он спал,
Как труп под ризой смерти темной;
Но был недолог этот сон!
О! для чего проснулся он,
Зачем вернулося сознание
К нему для нового страданья!..

Весь ужас участи своей
Теперь лишь понял князь несчастный;
Сознание это смерти злей,
И князь зовет ее напрасно,
И с громким воплем говорит:
— Кто свет очей мне возвратит?
О, пусть господь воздаст Давыду
За кровь, за муку, за обиду! —

И, участь горькую кляня, —
Припал Василько к изголовью.
— Зачем снимали вы с меня
Рубашку, залитую кровью, —

Перед всевышним судьей
Предстал бы я в рубашке той —
И кровь ему б заговорила
Звончее труб, слышнее била! —

Лишь перед утром князь затих.
В избушке ветхой было жутко;
Едва мерцал, дымясь, ночник;
В сених дремали слуги чутко;
Храпели кони у крыльца;
И попадья у ног слепца,
Очей усталых не смыкая,
Сидела, точно мать родная.

В его расстроенном уме
Не рассветало, сердце ныло
Как в замуравленной тюрьме,
В груди темно и пусто было.
Его надежд блестящих ряд,
Все, чем досель он был богат,
Все было отнято с очами
И в грязь затоптано врагами.

И не видал несчастный князь,
На жестком ложе плача глухо,
Как вскоре стража поднялась,
Как ставень вынула старуха
И солнца луч блеснул в окно.
До гроба было суждено
Ему нести страданья цепи
И в мире жить, как в темном склепе.

IV

Неудержимая летит
Повсюду весть о деле черном.
Для всех чудовищем Давыд
Стал ненавистным и позорным.

В стенах хором и тесных хат
Гремят проклятья, как набат, —
Клянут князья, бояре, смерды
Давыдов суд немилосердый.

Как в бурю грозная волна,
Весть о злодействе небывалом
Всем одинаково страшна —
И старикам и детям малым.
Молва стоустая донесть
Спешит нерадостную весть
До Перемышля на Воляни
И до Васильковой княгини.

Досель счастливая, она
Врасплох застигнута бедою
И вестью той поражена,
Как лебедь меткою стрелою.
Яд горя в грудь ее проник,
И светлой радости родник
Иссяк в душе. Заполонила
Ее тоска, ей все постыло.

Ее Василько ослеплен!
Как с этим горем примириться? . . .
Бежит от глаз княгини сон;
Когда ж заснет, то муж ей снится:
Блестит на князе молодом
С высоким яловцем шелом,
И цареградская кольчуга
С крестом надета на супруга.

В руке Васильковой копье;
Глаза, как уголья, сверкают;
Когда ж он взглянет на нее —
Она, голубка, так и тает;
На сына взглянет — и вздохнет,
И на губах его мелькнет
Улыбка ласки и привета, —
И любо ей приметить это.

И снятся ей былые дни,
Дни невозвратного веселья...
Прошли-промчались они!
Княгиню скорбь крушит, как зелье.
Ее супруг — слепец, в плену! ..
Кто защитит его жену?
Кто приголубит крошку-сына?
С кем в бой пойдет его дружина?

Едва ль его освободят
Его дружинники, бояре.
Но разве умер старший брат?
Иль воев нет у Володаря,
Давно испытанных в боях?
Иль не восстанет Мономах,
Всегдашний враг деяний темных,
Противу братьев вероломных?

И одолеть не в силах гнев,
Услыша весть о новом горе,
Владимир вспрынул, точно лев,
И шлет гонца к Олегу вскоре.
«Доколе нам коснеть во зле? —
Он пишет. — Всея родной земле
Грозит беда, — судите сами:
Давид повергнул нож меж нами.

Коль не исправим зла того
И не упрочим мир желанный,
То брат на брата своего
Восстанет в злобе окаянной,
В крови потопится земля,
Селенья наши и поля
Возьмут враги, разрушат грады.
И сгинут в распрях наши чада.

Раздорам надо быть концу, —
Давно мы ими Русь бесславим.
Придите, братья, к Городцу, —
Скорее вместе зло исправим,
Стоять за правду вы клялись».

И княжи счеты улеглись
Перед бедою этой новой,
Исчез в них дух вражды суровой.

И Святославичи пришли,
Спеша исправить злое дело,
Туда, где грозный страж земли
Уже стоял с дружиной смелой.
К борьбе нешуточной готов,
Отправил в Киев он послов
С такою речью к Святополку:
Зачем затеял он размолвку?

Зачем нарушил клятву он —
Не изнурять земли враждою?
За что Василько ослеплен,
Давыду выдан головою?
Когда вина была на нем,
Зачем судил своим судом?
Об этом дал бы братьям вести,
Мы рассудить сумели б вместе.

— Не я слепил его — Давыд, —
Князь Святополк на то ответил, —
Великий грех на нем лежит:
Он сесть на стол Давыдов метил,
Хотел со мной затеять рать
И стол и жизнь мою отнять,
И с Мономахом заедино
Взять Туров, Пинск и Погорину.

Не сам о том дознался я —
Мне обо всем Давыд поведал.
За то ль винят меня князья,
Что я Васильке воли не дал?
Вины своей не признаю
Пред ними. Голову свою
Сложить мне не было охоты.
Пускай с Давыдом сводят счеты. —

«Уверишь братьев ты навряд, —
Сказали посланные мужи, —

Что не тобой Василько взят:
Ты взял, — вина твоя наруже».
И разошлись до утра,
Чтоб с новым днем по льду Днепра
Под стольный Киев перебраться
И с князем в поле посчитаться.

Не захотел пропасть в бою
Великий князь, объятый страхом.
Жалея голову свою,
Тогда бежать задумал к ляхам,
И, мать русских городов,
Он Киев кинуть был готов;
Но не пустили киевляне
Его, бояся большей брани.

Нет, не успеет Мономах
Достигнуть утром переправы:
Чем свет весь Киев на ногах;
Но не воздвигнут величавый
Стяг Святополка у ворот,
Дружина княжья не зовет
Смущенных граждан к обороне,
И не стучат мечи о брони.

Великий князь, земли глава,
Боишься пасть в бою открытом,
И Всеволожская вдова
Идет с отцом-митрополитом
В стан Мономаха; весь народ,
Сопровождая крестный ход,
Усердно молится иконам,
И полон город красным звоном.

Перед Владимиром склонясь,
Сказала старая княгиня:
— Будь милосерд, родной мой князь!
К тебе пришли мы с просьбой ныне.
Князь, покажи нам милость въявь
И новой скорби не прибавь
В правдивом гневе к нашим боям, —
Тебя о том мы слезно молим.

Земли защитник ты, не враг,
Не половчин, не Торчин ярый! —
Заплакал горько Мономах,
Услыша вопль княгини старой.
И говорит он братьям речь:
«Ужель нам землю не беречь?
Ее отцы трудом стяжали,
А мы терзать в раздорах стали!

Как сын, Василько мной любим, —
Но обреку ль бедам и мщенью
Людей невинных перед ним
И не причастных преступленью?
Пусть бог воздаст его врагам
По их неправедным делам,
Но мы невинных не осудим».
И дал он мир земле и людям.

У

Волинь в тревоге. Снова рать,
И дух вражды опять повеял;
Князь Володарь заставил сжать
Давыда то, что он посеял,
Василько им освобожден;
За ослепленье и полон,
За муки все отмстить заклятым
Своим врагам идет он с братом.

Уже не с силах Мономах
Остановить кровопролитья,
И пробудил Давыда страх,
Как гром от сладкого забытья.
Его советники бегут;
Но братья требуют на суд
Их, виноватых в грозной брани,
И ставят виселицы в стане.

И должен выдать их Давид,
И должен сам понести бесчестье.
Слепец разгневанный грозит
И Святополку страшной мезтью.

Став с Володарем на Рожне,
Предать разгрому и войне
Без сожаленья и пощады
Он хочет княжеские грады.

В душе Василька ночи тень,
И этот мрак, как смерть, ужасен,
А божий мир так светел. День
Весенний радостен и ясен;
Деревья в зелень убраны;
Тепло, но веянье весны
Грудь Ростиславича не греет:
В ней скорби лед, в ней злоба зреет.

Луч солнца ласково скользит
По золоченому оплечью —
Не видит солнца князь; громит
Он Святополка грозной речью.
«Вот чем мне клялся стольный князь!» —
Воскликнул он, остановясь
Перед дружиной боевою,
И поднял крест над головою.

«Он отнял свет моих очей,
Теперь отнять и душу хочет.
И так я нищего бедней!
Я рад бы плакать, но не точат
Мои слепые очи слез,
И грудь больную злее ос
Терзают страшные недуги...
За жизнь мою постойте, други!»

Пал Святополков скоро стяг.
Великокняжая дружина
Бежит, разбитая во прах.
Покрыта павшими равнина,
Где совершен упорный бой;
Но не ликует князь слепой,
Победы славной слыша звуки,
А говорит, поднявши руки:

«От верных ратников моих
Бегут и пешие и кмети
Уже не первый раз; для них,
Как пир, утешны битвы эти.
А я, несчастный, слыша гром,
Могу лишь в воздухе мечом
Махать, грозя врагам безвредно.
Меня не тешит крик победный.

На свете горько жить слепцу.
Что мне в моей ненужной силе,
Коль не могу лицом к лицу
С врагом сойтися? — Лишь в могиле,
Когда придет моя пора,
Увижу ясный свет утра
Я после долгой, страшной ночи,
И только смерть вернет мне очи! . . .»

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибой,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась, —
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбиты
Кудри черные, как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он, —
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жжет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой гольтьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть, —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман;

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во поиманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой гольтьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью. . .

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана казака! . .»

Вот и помост перед Стенькой. . .
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор. . .
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор. . .

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва! . .»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

КЛАД
(БАБУШКИНА СКАЗКА)

I

На краю селенья
Хатка пошатнулась;
К хатке дружелюбно
Ивушка нагнулась.

Темными ветвями
Хатку приукрыла,
Чтобы жарким летом
Ей прохладно было.

В хатке одиноко
Век свой доживает
Бабушка Маланья, —
Кто ее не знает!

Здесь по всей сторонке,
В каждой деревушке,
С деда до ребенка
Знают о старушке.

Хворь кого прихватит, —
А пора-то — страда, —
В поле люд рабочий
В это время надо.

Ну, а как больного
Без призора бросить?
И бегут к старушке,
Домовничать просят.

Нет у ней отказа, —
Добрая такая!
За больным старушка
Ходит, как родная.

Любят ее дети
За привет да ласки, —
Бабушка Маланья
Говорит им сказки.

II

Ясный летний вечер,
В воздухе прохлада;
С поля воротилось
На селенье стадо.

Смолкли шум и говор:
Смучен люд трудами.
Ивушка над хаткой
Не качнет ветвями.

Тишь кругом такая —
Хоть бы где словечко. . .
Бабушка Маланья
Вышла на крылечко.

К бабушке Маланье
Дети собралися.
Глянь, у ней гостинцы
Для детей нашлися.

То-то детям любо,
То-то им утеха!
Сколько у малюток
Радости и смеха!

Пристают к ней дети,
Зная старой ласку:
«Бабушка Маланья,
Расскажи нам сказку!» —

«Что мне с вами делать?
Баловни вы, право!
Все скажи вам сказку —
Только и забавы.

Прежде я вот много
Сказок этих знала,
Да перезабыла —
Старость доконала.

Памяти-то нету —
Вот беда-досада;
А сказать вам, детки,
Сказку, видно, надо.

III

Далеко отсюда
Есть село большое;
В том селе когда-то
Жили муж с женою.

Жили по крестьянству
Люди те богато:
Двор скотом был полон,
А достатком хата.

Жили эти люди
И нужды не знали;
Был у них сыночек,
Титушкой звали.

Был у них один он, —
Ну и рос он в коле:
Белый и румяный,
Что цветочек в поле.

Титушку мать любит,
В нем души не слышит,
Только ей и дела —
На сыночка дышит.

То его умоет,
То его причешет,
Даст ему гостинца,
Сказкою потешит.

Летом соберутся
Дети на лужайку
И игру затеют
В городки иль в свайку.

Титушке с детьми
Поиграть охота —
Мать его не пустит:
«Что ты, милый, что ты!

Не ходи — головку
Напечет там солнце;
Сядь вот здесь, на лавке,
И гляди в оконце».

А зимой катаньем
Тешатся ребята —
Титушке же выйти
Мать не даст из хаты.

«Не ходи — морозно,
Дитяtko родное!
Ну как захвораешь, —
Горюшко мне злое!

Что мне, бедной, делать?
Я умру с печали. . .»
Годы проходили,
Годы миновали. . .

Титушка уж парнем
Стал из паренечка;
Мать же, как и прежде,
Холит все сыночка.

Что он ни попросит —
Все ему готово:
Сапожки со скрипом
Иль кафтанчик новый.

Никакой работы
Титушка не знает:
То лежит на лавке
То в селе гуляет.

И жене с досадой
Молвит муж, бывало:
«Что ты его холишь?
Дурень выйдет малый!

Ты б его по дому
К делу приучала,
Чем к гульбе, к безделью.
Толку в этом мало!

Ну, как нас не будет,
Что он станет делать?
По миру скитаться,
У чужих обедать?»

Ну да где ж, бывало,
Столковать с женою:
Та горой за сына...
Муж махнет рукою...

Как-то раз с сыночком
Что-то приключилось:
Слег он, просит меду —
Меду не случилось.

Бросилась баба
Ночью, в непогоду,
С бураком к соседям
Раздобыться меду.

Где-то для сыночка
Меду отыскала;
Крепко застудилась
Да и захворала.

Только два дня баба
Мучилась на свете
Да и богу душу
Отдала на третий;

А за нею вскоре
И мужик убрался.
И один на свете
Титушка остался.

И в добре, достатке
Он недолго прожил, —
Что по дому было,
Все проел да прожил.

И лежит день целый
Парень — голодает,
Как добыть трудами
Хлеб себе — не знает.

Сжалился над малым
Дедушка Порфирий;
Человек был умный
Он в крестьянском мире.

К дедушке Порфирью
Собирались часто
На совет крестьяне, —
Скажет что, и баста!

Как-то дед Порфирий
К Титушке заходит;
Помолившись богу,
Речь он с ним заводит:

«Ну, скажи, дружище,
Как тебе живется?
Как тобой хозяйство
По дому ведется?»

Титушка промолвил
Дедушке со вздохом:
— Ох, живется горько!
Ох, живется плохо! —

«Слушай, Тит, — есть слово
До тебя такое,
Что свое хозяйство
Справишь ты плохое.

Я чужим достатком
Не хочу разжиться:
Своего доволю —
Будет прокормиться.

Твой отец по дружбе
Рассказал мне это:
Клад — и клад немалый —
Схоронил он где-то.

Ты возьми-ка заступ, —
Дело на свободе, —
Да вскопай поглубже
Землю в огороде.

Может, клад отцовский
Где и попадетсЯ;
А тогда, ты знаешь,
Славно заживетсЯ».

Тит взялся за заступ, —
Малому в забаву:
В огороде землю
Он вскопал на славу.

Да на клад отцовский
Парень не наткнулся.
Посмотрел дед старый,
Только усмехнулся.

«Что, нашел?» — он молвил.
— Нет, не отыскался. —
«Экая досада!
Где ж он затерялся?»

Клад сыскать — не репу
Выдернуть, примерно;
Все-таки отыщем
Клад мы этот — верно.

Огород-то вскопан —
Сделай-ка, брат, грядки,
Да на них с молитвой
Посади рассады.

Посмотри — капуста
Важная родится,
А она для дому,
Знаешь, пригодится».

Титушка охотно
Делает и гряды,
И на них с молитвой
Садит он рассады.

«Огород исправен,
Пусть растет рассада,
А теперь ты в поле
Поищи-ка клада.

Заступом-то трудно,
Взрой его сохою.
Приходи, я лошадь
Отпущу с тобою.

Ведь земля сохою
Глубоко берется;
Под соху, наверно,
Клад и попадетя. . .»

Титушка и поле
Все вспахал сохою. . .
Нет как нет все клада,
Дуй его горою!

Дед выходит в поле, —
Титушка трудится
Так, что даже градом
Пот с лица катится.

«Что, нашел?» — дед молвил.
— Нету, не попался. —
«Экая досада!
Где ж он подевался?»

Ну, да это горе —
Горе не большое!
Ведь вспахать и поле —
Дело не худое.

Ты его пройди-ка,
Парень, бороною,
Да зерном засеем
Мы его с тобою.

Посмотри, какая
Рожь у нас родится!
Будут все соседи
На нее дивиться».

Взборонил Тит поле
И засеял рожью.
Вырастай, родная,
Благодать ты божья! . .

И с тех пор к работе
Малый приучился;
Он с утра до ночи
По дому трудился.

Стал такой работник —
Не сыскать другого:
За пояс в работе
Он заткнет любого. . .

От трудов-работы
Зажил Тит богато:
Двор скотом стал полон,
А достатком хата. . .»

IV

Бабушка умолкла;
Головой седою
Наклонилась к детям,
Гладит их рукою.

«Ну, ступайте, детки!
Время уж до хаты. . .
Станете трудиться —
Будете богаты».

— Бабушка, а клад-то
Где же подевался?
Али не отыскан
Так он и остался? —

Дети с любопытством
Бабушку спросили.
«Нет, сыскался, детки. . .
Он в труде да в силе».

[КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ]

Грозен был и суров русский князь Святослав
И, когда, на врагов негодуя,
Наказать их хотел за кичливый их нрав,
Извещал их: «Готовьтесь, иду я!»
Невелик ростом князь, но плечист и широк;
Сила князя была — сила чудо!
Как бересто, легко свернуть в трубку он мог
Три тяжелых серебряных блюда.
И в походах его не могли удержать
Ни жары, ни дожди, ни метели,
И под небом открытым ложился он спать,
Не имея шатра и постели.
Победив Святослав вятичей и хозар,
Наказав половцов, печенегов,
На дружины свои взяв богатый с них дар,
Отучил их от буйных набегов.
Мирно в Киеве жизнь Святослава течет,
Все соседи ему платят дани,
И его воеводы и ратный народ
Уж не слышат давно кличей брани.
И соскучился жизнью той Святослав —
Сиднем дома сидеть, сложа руки —
И, своих воевод и дружину собрав,
Говорит: «Погибаю от скуки!
Надоело мне, други, здесь в Киеве жить,
Заедает без дела кручина.
В Переяславец пойду на Дунае княжить,
Там земли моей есть середина!
Византия туда свои вина везет
И Богемия свозит металлы,
Свои лучшие Венгрия кони ведет
И из Руси идет мед и сало».

**ПЕРЕВОДЫ
И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ**

ДУМЫ

(НА МОТИВ Т. ШЕВЧЕНКО)

Думы мои, думы,
Думы, мои дети!
Насмех породило
Горе вас на свете.

Горе вас родило,
Горе вспеленало,
А тоска над вами
Плакала, рыдала.

Почему ж слезами
Вас не затопило?
Мне без вас бы легче
Жить на свете было.

Думы мои, думы,
Что мне делать с вами?..
Кину я вас в реку —
Ходите волнами;

Брошу вас на ветер —
Тучами несетесь;
Схороню в лес темный —
Соловьем залыетесь;

Кину вас в огонь я,
Думаю — сгорите, —
Вы же предо мною
Плачете, стойте!

Думы ж мои, думы,
Что ж мне делать с вами?
Кинуть, знать, придется
Вас мне сиротами!

Лягу я в могилу,
Оченьки закрою;
Прилетайте ж, думы,
Плакать надо мною.

На мою могилу
Падайте слезами,
Вырастайте, думы,
Надо мной цветами. . .

ВДОВА

(из т. ШЕВЧЕНКО)

Воеет ветер, злится вьюга,
Снег кругом взметает.
По селу вдова-старуха
Бродит, чуть ступает.

Осыпаемая снегом
Спереди и сзади,
Бродит, просит горемыка,
Просит христа-ради.

Бродит, просит со слезами
У людей богатых,
Что ее кормильца-сына
Отдали в солдаты.

А ведь думала когда-то:
«Вот женю сыночка —
Отдыхать под старость буду
За невесткой-дочкой».

Не сбылось! . . Пошла старуха
По миру с сумою,
По чужим углам скитаться
Горькой сиротою.

На добытую копейку
Свечечку за сына
Богу ставит, а сама-то
Плачет, сиротина. . .

* * *

(ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО)

В огороде, возле броду,
Маков цвѣт не всходит,
И до броду за водою
Девѣца не ходит.

В огороде хмель зеленый
Сохнет на тычине, —
Черноброва, белолица
Девѣца в кручине.

В огороде, возле броду,
Вѣрба наклонилась, —
Загрустѣлась черноброва,
Тяжко загрустѣлась.

Плачет, бедная, рыдает,
Точно рыбка бьѣтся;
А над нею, молодою,
Молодец смеѣтся.

* * *

(ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО)

Во чистом поле калина
Красная стояла,
У калинушки девѣца
Плакала, рыдала.

Вѣтер буйный, вѣтер буйный!
Услышь мое горе!

Отнеси ты мою душу
За синее море,

Отнеси ее ты, буйный,
Туда, где мой милый,
И поставь кустом калины
Над его могилой.

Широко над той могилой
Ветки я раскину,
Не пекли чтоб лучи солнца
В земле сиротину.

Тосковать над ней в ночь стану,
Плакать я зарею.
Выйдет солнце — мои слезы
Заблестят росую.

Солнцем высушит мне слезы,
Ветром посроняет,
И о чем калина плачет —
Никто не узнает.

* * *

(ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО)

И снится мне, что под горою,
Где дремлют вербы над водою,
Избушка ветхая стоит;
Пред нею старый дед сидит
И на руках своих качает,
Седой, кудрявое дитя.
Смеется внучек и таскает
Седому бороду шутя.
И снится мне, что мать выходит,
Целует деда и дитя,
У старика берет малютку
И спать несет его, крестя.
А дед сидит перед избушкой,
Смеется, старый, и с собой

Промолвил тихо: «Где ж ты, горе?
Ты прожито, забыто мной. . .»
И, набожно крестясь, читает
Старик молитву: «Отче наш. . .»
А солнце тихо угасает. . .
Верхушку вербы озаряет
Последний луч — и тот погас,
И все померкло. Суетливой
Тревоги дня уж не слышать,
И старый дед неторопливо
Пошел в избу ложиться спать. . .

* * *

(ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО)

Нет мне радости, веселья.
Мать меня ругает
И к соседям на беседу
На ночь не пускает.

Долго ль мучиться, терпеть мне,
Долго ль с горем биться?
Выйти ль замуж за другого,
Или утопиться?

Ох, надену я сережки,
В бусы наряжуся,
И на ярмарку пойду я,
Другу покажуся.

Я скажу ему: «Послушай,
Друг мой, не сердися:
Если любишь, так посватай,
Нет — так откажися!»

Чем терпеть мне все попреки,
С матерью браниться,
Чем идти мне за другого —
Лучше утопиться! . .

СИРОТКА

(ПО МЫСЛИ Т. ШЕВЧЕНКО)

День святой великой Пасхи.
Ярко солнце светит;
Перед солнцем, на крылечке,
Собралися дети.
Похваляясь друг пред другом,
Весело шумели,
Что, какие кто обновки
На себя надели:
Кто платок, кто душегрейку,
Башмачки козловы,
А кто платье. . . Одна только
Стоит без обновы
Сиротиночка, ручонки
На груди сложила,
На детей богатых смотрит,
Бедная, уныло.
Вот за нею молвить слово
Очередь настала, —
Нечем бедной похвалиться,
И она сказала:
«Есть у всех у вас обновки,
Но вам не случилось
У попа гостить в день светлый. .
А я. . . разговлялась. . .»

* * *

(ИЗ Т. ШЕВЧЕНКО)

Жди, вернусь я из похода, —
Мне гусар сказал.
Я ждала, ждала, все нету, —
Нет его, пропал.

Что ж о нем я так тоскую
И себя гублю?
За кафтан короткий, что ли,
Я его люблю?

Иль за то, что ус он черный
В кольца завивал?
Иль за то, что милой Машей
Часто называл?

Нет, не та моя кручина, —
Жить мне тяжело:
Как я выйду, покажуся
Из избы в село —

Все смеются надо мною,
Замуж не берут,
И на улице гусаркой
Девицу зовут.

* * *

(С УКРАИНСКОГО)

На горе калина,
Под горою жито;
На горе в калине
Молодец убитый.

Он лежит под красной,
Под густой калиной,
А лицо покрыто
Белою холстиной.

Вот пришла девица
С черными очами;
Подняла холстину,
Залилась слезами.

Вот пришла другая, —
Слова не сказала,
В очи поглядела
И поцеловала.

Вот приходит третья, —
Холст приподнимает,
Смотрит усмехаясь,
Смотрит, упрекает:

«Трех девиц любил ты,
И с тремя ты знался,
И гулял со всеми —
Вот и догулялся!

Спи ж теперь, мой милый,
Под калиной в поле:
Трех девиц любить ты
Уж не будешь боле».

* * *

(ИЗ УКРАИНСКИХ МОТИВОВ)

В поле гладкая дорога
С Ромен до Полтавы;
И поехал той дорогой
Казачина бравый.

Расковался на дороге
Конь его буланый...
Ой, вернися, мой сердечный,
Воротись, желанный!

Без тебя я, мой соколик,
Что былинка в поле,
Свяну, высохну с кручины
В сиротливой доле!..

Но казак не воротился —
Лишь махнул рукою
Да и сгинул на чужбине
Буйной головою.

* * *

(ИЗ УКРАИНСКИХ МОТИВОВ)

В чистом поле, при дороге
Ярая пшеница;
Жнет ту ярую пшеницу
Молодая жница.

Ноют руки, ноют ноги
У девицы красной...
«Где ты, где ты пропадаешь,
Мой соколик ясный?»

Ты вернися-воротися,
Мой желанный-доля!...
Белоярая пшеница
Перезрела в поле...

А под жаркими лучами
Погорело жито...
По тебе ли, мой соколик,
Много слез пролито».

* * *

(ИЗ УКРАИНСКИХ МОТИВОВ)

Шли коровы из дубровы,
Солнце опускалось, —
У дороги с казачиной
Девица прощалась..

— Ты далеко, мой сердечный,
Едешь-уезжаешь,
И меня ты сиротою
В горе покидаешь.

Как-то буду без тебя я
Проводить денечки?
Как-то стану одиноко
Коротать я ночи? —

«Ой, гуляй, моя голубка,
Без меня с другими,
Коротай деньки и ночи,
Как ты знаешь, с ними.

Ой, гуляй, моя голубка,
Ты с другими знайся, —
Только в правде этой, сердце,
Мне не открывайся».

— Ты прости же, мой сердечный,
Голубь сизокрылый!
Благодарствую тебя я
За науку, милый!

Открывать я этой правды
Никому не буду,
И тебя я, мой сердечный,
Скоро позабуду!

ПИР

(НА МОТИВ АНАКРЕОНА)

Из роз душистых мы венки
На кудри возложили,
Под звуки лиры золотой
Смеялись мы и пили.

Под звуки лиры золотой
И нашего напева,
Красивый тирс держа в руках,
Кружились в пляске девы.

И мягкокудрый мальчуган
Играл нам на пектиде,
И винодатель бог Лиэй
Лобзал уста Киприды.

И Феб туманной головой
Над чашею склонился,
И разрумяненный бог Вакх
Под стол уже свалился.

И весел был и шумен пир,
И напились боги
И позабыли про свои
Небесные чертоги.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

(ИЗ СКАЗОК АНДЕРСЕНА)

За крепкой решеткой в тюрьме одиноко
Сидит заключенный, невинно сидит,
И ветер гуляет вокруг башни высокой,
И синее море под башней шумит.

И не с кем страдальцу делиться тоскою,
Печально в окошко тюрьмы он глядит, —
И вот высоко, высоко над тюрьмою
Могучий орел режет воздух, летит.

Кричит заключенный ему из неволи:
— Орел, опустишь на тюрьму ты мою,
Скажи мне, как люди живут там, на воле,
Да спой мне орлиную песню свою! —

«Нет, друг мой, тюрьмы я твоей опасуюсь,
Как раз попадешься тут в руки людей;
К тому же на землю я редко спускаюсь,
Не знаю, как люди живут там на ней.

Нет, нет, — говорит так орел быстрокрылый, —
Не сяду, друг мой, на тюрьму я твою
И песни моей не спою тебе, милый, —
Я песню мою только солнцу пою!»

И вот над окошком тюрьмы одинокой,
Дугой шею белую выгнув вперед
И голову гордо поднявши высоко,
По синему воздуху лебедь плывет.

Кричит заключенный ему из неволи:
— Спустишь на окошко ты, лебедь, ко мне,
Скажи мне, как люди живут там, на воле,
Да спой ты мне песню о светлой весне! —

«Живу на воде я да в небе летаю,
В морских камышах ночью сплю я всегда;
Как люди живут, я, ей-богу, не знаю,
Знакомства с людьми не водил никогда.

Когда небо вспыхнет, зажжется зарею
И золотом ярким затопит моря,
Проснусь в камышах я, умоюсь водою,
Кричу: Здравствуй, утро! Здорово, заря!

И только пред смертью, глаза закрывая,
Я тихую песню свою запою;
Лишь светлого моря волна голубая
Услышит предсмертную песню мою».

Стоит заключенный, ему нет ответа,
О родине сердце грустит и грустит,
И нет ему весточки с вольного света,
Стоит он и плачет, а море шумит...

Далеко, далеко, над быстрой рекою,
Есть домик, у домика тополь растет;
Качаясь, шумит он зеленой листвою,
А в домике этом старушка живет.

Сидит у окна старушонка, вздыхает,
Тоскливо она на дорогу глядит:
Из дальней сторонки сынка поджидает —
И сердце у бедной болит и болит.

Два года о сыне нет вести и слуха, —
И кто же закроет ей, бедной, глаза,
И кто похоронит в могилу старуху?
И каплет и каплет с ресницы слеза.

ПТИЧКА И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

(ИЗ СКАЗОК АНДЕРСЕНА)

За крепкой железной решеткой,
В холодных и тесных стенах,
Лежит на истлевшей соломе
Угрюмый преступник в цепях.

Вот луч заходящего солнца,
Играя, упал на окно.
Ведь солнце лучи рассыпает
На злых и на добрых равно.

Играющий луч в каземате
И стены и пол золотит.
На луч с отвращеньем и злобой
Угрюмый преступник глядит.

Вот птичка к окну прилетела
И с песнею села за ним.
Ведь птичка-певунья щебечет
Равно и хорошим и злым.

Сидит на решетке железной
Она и щебечет: квивит!
Вертит миловидной головкой
И глазками чудно блестит.

И крылышки чистит и холит,
Встряхнется, на миг отдохнет —
И перышки снова топорщит
На грудке и снова поет.

И, глаз не спуская, на птичку
Угрюмый преступник глядит.
Попрежнему руки и ноги
Железная цепь тяготит. . .

Но легче на сердце, светлеет
Лицо, злые думы бегут,
И новые мысли и чувства
В душе одичалой растут.

Ему самому непонятны
Те мысли и чувства, — они
Лучу золотистому солнца
И нежным фиалкам сродни, —

Тем нежным, душистым фиалкам,
Что в дни благодатной весны
Растут и цветут у подножья
Высокой тюремной стены.

Чу! звуки рогов... Это трубят
Стрелки на валу крепостном.
Какой отголосок стозвучный
Прошел, прокатился кругом!

Испуганно птичка вспорхнула
С решетки и скрылась из глаз,
И солнечный луч побледневший
В тюремном окошке погас;

Погас — и в тюрьме потемнело,
И снова, суров и угрюм,
Преступник лежит одиноко,
Под гнетом вернувшихся дум...

А все-таки доброе дело,
Что птичка пропела ему,
Что солнце к нему заронило
Луч света в глухую тюрьму.

ФИРДУСИ

(ИЗ АНДЕРСЕНА)

Среди высоких пальм верблюды издалёка
Дорогой тянутся; они нагружены
Дарами щедрого властителя страны,
Несут богатый груз сокровищей Востока.

Властитель этот дар назначил для того,
Кто не искал наград и жил среди лишений,
Кто стал отрадою народа своего
И славой родины... Он найден, этот гений,

Великий человек, кто низкой клеветой
И завистью людской отправлен был в изгнание.
Вот бедный городок: измученный нуждой,
Изгнанник здесь нашел приют и сострадание.

Но что там впереди? — Из городских ворот
Покойника несут навстречу каравана.
Покойник тот убог; за ним нейдет народ;
Он в жизни не имел ни золота, ни сана.

То был холодный труп великого певца,
Умершего в нужде, изгнании и печали, —
То сам Фирдуси был, которого искали. . .
Тернистый славы путь прошел он до конца!

ЧУМАЦКИЕ ДЕТИ

(С УКРАИНСКОГО ПЕРЕВОДА ЛОМУСА ИЗ МИЦКЕВИЧА)

«Ой вы, детки мои, детки,
Горе мое, горе!
На курган бегите, детки,
Поглядите в поле.

Едет полем по дороге
Чумаков немало;
Только вашего все тятки
Нет, как не бывало.

Лето красное проходит —
Он не приезжает;
Что-то сердце мое ноет,
Ноет, занывает.

Иль пути-дороги степью
Дождики размыли?
Иль разбойники напали,
Чумака убили?

Помолитесь вы, детки,
Господу святому,
Чтоб здоровым воротился
Тятка ваш до дому».

Поднялись поспешно дети
И через поляну
Побежали вперегонку
К дальнему кургану.

Прибежали и с кургана
Смотрят на дорогу;
Старший, ставши на колена,
Стал молиться богу:

«Боже наш, отец небесный,
Смилуйся над нами!
Вороти нам тятку к дому
С сивыми волами.

Пусть не плачет тихо ночью
Мама, не рыдает;
Пусть здоровым тятку в очи
Мама увидает.

А для нас, для малых деток,
Просим мы не много:
Сбереги гостинцы наши
У отца дорогой».

Жарко молится ребенок
Господу святому,
Жарко... «Гей, гей! — слышно в поле, —
Гей, волы, до дому!»

— Тятка, тятка! — закричали
Дети, суетятся
И бегут к нему навстречу,
Кубарем катятся.

Кто ж словами радость тятки
Передать возьмется?
Обнимает он малюток,
Плачет и смеется.

«Что, как мамка? не хворает?
Тятьку поминает?»
А уж дети на воз влезли,
Волов погоняют.

«Гей, волы вы длиннороги!
Гей, волы, до дому!
Жарко мы за вас молились
Господу святому!»

Веселится тятка, глядя:
«Чумаки — ребята!
Возрастить господь привел бы —
Заживем богато!»

Загляделся он на деток,
Сердце так и бьется...
«Пощадите!» — крик батрацкий
Сзади раздается.

Оглянулся чумак — горе,
Горе повстречало:
Удальцов степных ватага
На воза напала.

Он к дубинке... «Стой, ни с места!
И молись святому
Да червонцы доставай-ка,
Что везешь до дому.

Вынимай сукно, китайку,
Вынимай кораллы, —
Чай, жене своей их с Дону
Ты везешь немало».

— Пощадите, люди божьи,
Удалое братство!
Шесть волов и есть лишь только —
Все мое богатство. —

Хоть молись, хоть не молись
Удальцам заклятым,
Не спускают на дороге
Чумакам богатым.

— Ой, берите ж, все берите,
Что есть, до последок,
Да не делайте лишь только
Сиротами деток! —

Дети, дети! . . . О, как много
Слово это значит!
Кто ж, отца печаль и горе
Видя, не заплачет?

«Стойте, стойте! — старший крикнул. —
Ничего не трогай!
Здесь добыча, знать, не наша.
Марш своей дорогой!»

И рассыпалась ватага,
Скрылась за курганы;
Рад чумаки — и повалился
В ноги атаману.

«Ой, не кланяйся, не надо, —
Не нуждаюсь этим;
Пусть поклон твой будет богу
Да вот малым детям.

Видел я их на кургане,
Как они стояли,
Как они за тятюку бога
Жарко умоляли.

И смешно сперва мне было,
А потом сгрустнулось, —
От молитвы детской, жаркой
Сердце шевельнулось... ..

И заплакал и заплакал, —
А на сердце тяжко,
И припомнились мне детки
И жена-бедняжка.

И меня, быть может, так же
Детки поджидают,
И о мне, быть может, так же
Бога умоляют.

Но, знать, мне такая доля
При рожденьи пала,
Чтобы деток не увидеть,
Сгинуть как попало!

Ну, ступайте ж вы счастливо,
К дому воротитесь;
О душе моей погибшей
Богу помолитесь. . .»

* * *

(ИЗ Т. ЛЕНАРТОВИЧА)

Идет девица-сиротка,
Тяжело вздыхает,
А над нею, горемычной,
Ласточка летает.

И летает и щебечет,
Над головкой вьется,
Вьется крошка и крылами
В косу чуть не бьется.

«Что ты вьешься надо мною,
Над сироткой, пташка?
Ах, оставь меня, — и так мне
Жить на свете тяжко!»

— Не оставлю, не оставлю!

Буду я кружиться, —
Щебетать тебе про брата,
Что в тюрьме томится.

Он просил меня: «Слетай-ка,
Пташка, в край родимый, —
Поклонись моей сестрице,
Горячо любимой.

Все ль меня она, голубка,
Добрым вспоминает?
Все ль она еще о брате
Слезы проливает?»

* * *

(из одынца)

«Что ты так невесел,
Конь мой темнобурый, —
Опустил, повесил
Голову понуро?»

И не ешь овес ты,
И не пьешь ты воду, —
Иль ты утомился,
Чуешь ли невзгоду?»

Двести верст — не шутка!
День и ночь в дороге.
Отдохнем мы, конь мой,
На родном пороге.

Как угаснет солнце,
Быть нам нужно дома. . .
Вплавь махнем чрез речку, —
Что нам ждать парома!

Реки шире этой
Мы переплывали,
Глуби не боялись —
И не погибали.

Ну, а этой речки
Нам чего ж пугаться?..
Нужно поскорее
До дому добраться... .

Там тебе хозяйка
Даст овса корыто,
Напоит водою
Ключевой досыта... .»

Выскочил из речки
Конь и отряхнулся... .
А седок к хозяйке
Больше не вернулся.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения И. Э. Сурикова три раза выходили отдельными изданиями при жизни их автора. Первый сборник Сурикова «Стихотворения», содержащий 54 стихотворения и песни, вышел в свет в 1871 году (Москва, типография А. И. Мамонова и К^о, 128 стр.). Второй сборник под таким же названием появился в 1875 году (Издание Н. А. Соловьева-Несмелова, с предисловием издателя, Москва, X + 205 стр.); в него вошло 77 стихотворений и песен. Третий сборник, также названный «Стихотворения», был издан К. Т. Солдатенковым в 1877 году (Москва, 316 стр.) и состоял из 102 стихотворений и песен.

После смерти поэта его стихотворения и песни многократно перепечатывались и выходили отдельными сборниками. Несколько раз книги Сурикова выпускались и в наши советские годы, когда были изданы его избранные произведения в малой серии Библиотеки поэта (в 1939 и 1948 годах) и в Ярославском Областном издательстве в 1948 году.

Однако единственным полным собранием стихотворений Сурикова до сего времени оставался однотомник, выпущенный Н. А. Соловьевым-Несмеловым в качестве четвертого (посмертного) издания в книгоиздательстве К. Т. Солдатенкова (Москва, 1884), снабженный биографическим очерком, написанным редактором, и содержащий также письма Сурикова к И. Г. Воронину, Н. А. Соловьеву-Несмелову, К. Т. Солдатенкову, А. Н. Якоби и С. Д. Дрожжину. Между тем эта книга при всех ее достоинствах (в ней учитывались поправки, внесенные Суриковым в ряд стихотворений, сделанные в конце жизни, после его третьего сборника, и сообщенные им Н. А. Соловьеву-Несмелову; публиковались ценные для исследователя жизни и творчества поэта письма) уже давно устарела. Н. А. Соловьев-Несмелов — первый издатель, биограф и пропагандист Сурикова, много сделавший для изучения его жизни и творчества, — в ряде случаев произвольно и неверно датировал стихотворения поэта; не учел и не включил в книгу некоторые его произведения, появившиеся в журналах, но не вошедшие в сборники; не сверил последние редакции стихотворений с более ранними, — и таким образом оставил вне поля зрения читателей и историков литературы ряд интересных, порою социально и художественно ценных, строк и строф поэта.

В настоящем издании сделана попытка исправить редакторские ошибки и упущения Н. А. Соловьева-Несмелова и дать полное собрание стихотворений Сурикова, охватывающее не только его произведения, появившиеся в прижизненных сборниках поэта или предназначен-

шился им для четвертого (вышедшего после его смерти, в 1884 году) издания, но и его журнальные публикации. В результате сверки различных вариантов стихотворений и песен Сурикова удалось обнаружить ряд разночтений, ценных для анализа его творчества, которые частично отражены в примечаниях к текстам. Проверена датировка стихотворений и установлены даты их написания.

Стихотворения Сурикова даны здесь в окончательных печатных редакциях, т. е. по изданию Н. А. Соловьева-Несмелова, учитывавшего последние правки, произведенные поэтом, а в тех случаях, когда отдельные произведения в этом издании отсутствуют, — по прижизненным сборникам или журнальным публикациям поэта. Разделы книги определены композиционными принципами прижизненных изданий Сурикова. Письма, цитируемые в примечаниях без ссылки на источник, взяты из Полного собрания стихотворений под редакцией Н. А. Соловьева-Несмелова (М., 1884).

П Е С Н И

«Что удалый молодец...» Под заглавием «Песня» и за подписью «Крестьянин Иван Суриков» напечатано в журнале «Воскресный досуг» за 1864 год (№ 77, стр. 20). В окончательной редакции поэт опустил строки, следовавшие в конце стихотворения в первопечатном тексте:

Как взглянула девица
В очи добру молодцу,
Дрожь огнем и холодом
Пробежала по сердцу...
Эх! да знать не в добрый час,
В пору нехорошую,
Поглядела девица...
Оттого и грустно мне,
Оттого и буйная
С плеч головка валится,
На пиру, за чаркою,
Молодец печалится!

В окончательной редакции включено поэтом в его первый сборник (1871 года). Под стихотворением дата: 1863 год. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Положено на музыку композитором Е. Букке.

«Что шумишь, качаясь...» Под заглавием «Рябина» и за подписью «Крестьянин Иван Суриков» напечатано в журнале «Воскресный досуг» за 1864 год (№ 95, стр. 317). Журнальный текст обнаруживает следующие разночтения по сравнению с окончательной редакцией:

Стр. 1—2	Головой склоняясь До самого тына?
" 3	— Речь веду я с ветром.
" 5	Что одна я в этом

Стр.	6	Расту огороде.
"	7	Одна, сиротинка,
"	9	Как к земле былинка,
"	12-13	Над рекой широкой, Тож сироткой в горе,
"	21	И с его 6 листьями.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года) с неверной датой: 1865 год. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Стихотворение Сурикова стало популярнейшей народной песней, представленной в многочисленных советских песенниках и исполняемой лучшими хоровыми ансамблями СССР (хор им. Пятницкого, хор под руководством А. В. Свешникова, ансамбль Советской Армии им. Александра и др.).

«В зеленом саду соловушко...» Под названием «Песня» и за подписью «Крестьянин Иван Суриков» напечатано в журнале «Развлечение» за 1865 год (№ 14, стр. 216). Почти одновременно под тем же названием и за той же подписью появилось в журнале «Воскресный досуг», 1865 (№ 110, стр. 158).

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1864 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Стихотворение Сурикова получило в народе широкое песенное распространение. Как песня, оно было включено в сборники: «Полный русский песенник» (М., 1882), «Лучинушка (Новый песенник)». М., 1910, «Уж ты сад ли, мой сад... (Новый песенник)». М., 1915.

«Ах, нужда ли ты, нужда...» Под заглавием «Нужда» и за подписью «Крестьянин И. Суриков» напечатано в журнале «Развлечение» за 1865 год (№ 28, стр. 47).

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1865 годом. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта.

«Голова ли ты, головушка!...» За подписью «Крестьянин И. Суриков» напечатано в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 22, стр. 338).

В журнальной редакции не было первых двух строф окончательной редакции и начин состоял из следующих трех четверостиший:

Голова ли ты, головушка,
Голова ты, бесталанная!
Знать ты в черный день да в час лихой
Зародилася, желанная!

Твои песни, песни звонкие
В хороводах серебром звенят;
Твои кудри, кудри черные
Красных девушек к себе манят.

У тебя ли очи сокола,
Лицо белое, пригожее;
Да дала тебе судьба-змея,
Дала счастье нехорошее.

Под названием «Головушка» и с датой «1867 год» (относящейся, повидимому, к окончательной редакции) включено поэтом в его первый сборник (1871 года). Перепечатано во втором (1875 года) и в третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Эх ты, доля, эх ты, доля!..» Под названием «Доля бедняка» напечатано в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 33, стр. 113—114).

Журнальный текст несколько отличается от окончательной редакции. Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1866 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

В дореволюционные годы «Доля бедняка» была широко популярной народной песней, распевалась в народе в различных вариантах, печаталась в песенниках (например: «Снежки белые пушисты (Новый песенник)». М., 1906, «Чудный месяц». М., 1908, «Золотые гусли». М., 1910, и др.). Как характерная песня о прошлом вошла в песенники советских лет: «Песенник». ГИЗ, М.-Л., 1927, и «Красные зори». ГИЗ, М.-Л., 1928.

Песня («Эх ты, ветер, ветер!..») Напечатано за подписью «Крестьянин И. Суриков» и под заглавием «Песня» в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 6, стр. 88). В прижизненных сборниках поэта не перепечатывалась. В Полном собрании стихотворений И. З. Сурикова под редакцией Н. А. Соловьева-Несмелова (М., 1884) это стихотворение отсутствует. Печатается по журнальному тексту.

«Шум и гам в кабаке..» В 1867 году в журнале «Развлечение» (№ 7, стр. 101) было напечатано за подписью «Крестьянин И. Суриков» стихотворение «Песня бедняка», явившееся первым вариантом стихотворения «Шум и гам в кабаке..». В этом варианте отсутствует первая строфа, начинается он словами: «Эй ты, голь, полно спать...», 3 строфа (соответствующая 4 строфе окончательного текста) читалась:

Разменять если их,
Денег-то ведь груда!
Ну и значит — кути,
Будет с нас покуда!

8 строфа (соответствующая 9 строфе окончательной редакции):

Может быть, молодца
Ты и приголубишь;
А не так, прах с тобой,
Слез ты не добудешь.

В журнальной редакции была и концовка, которую Суриков затем снял:

Не один от тебя
Я убит нуждою,
Не один я хожу
Без сапог зимою.

В первом сборнике стихотворений Сурикова (1871 года) это стихотворение появилось в редакции, близкой к окончательной. Вторая редакция возникла, как явствует из даты под стихотворением, в 1869 году. Она носит название «Разгул» и начинается строками:

Шум и гам в кабаке,
Музыка играет;
Разгулялся бедняк, —
Пляшет, припеваает.

Окончательная редакция этого стихотворения появилась во втором сборнике Сурикова (М., 1875). Стихотворение печаталось и в третьем (1877 года) сборнике поэта. Разнообразно видоизменяясь, вошло в репертуар дореволюционной народной песни и на страницы песенников, например: «Полный русский песенник». М., 1882, «Солнце всходит и заходит». М., 1911, «Русский песенник». Изд. Сытина, М., 1912, и др.

«Сиротой я росла...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 13, стр. 203). В газетной редакции имеются некоторые разночтения по сравнению с окончательным текстом. Под названием «Песня» и с датой «1867 год» включено поэтом в его первый сборник (1871 года). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

В дореволюционные годы это стихотворение было широко известной народной песней, печаталось в песенниках (например: «Пастушок». М., 1910, «Полный песенник». М., 1916, под названием «Уродилась я...»). После революции, как характерная песня о прошлом, была включена в песенник «Красное знамя» (ГИЗ, М.-Л., 1930).

«День я хлеба не пекла...» Под названием «Толокно (Песенка)» напечатано в журнале «Развлечение» за 1868 год (№ 37, стр. 186). Между журнальным текстом и окончательной редакцией имеются некоторые разночтения. Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1868 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

В 90-х и в начале 900-х гг. это стихотворение стало популярной народной песней, в различных вариантах печатавшейся в песенниках (например, в «Новом русском песеннике» 1883 года, в сборнике «Комаринский» 1910 года и др.). В 1888 году был записан вариант этой песни, опубликованный в газете «Русские ведомости» этнографом А. Пругавиным в статье «Песни современной деревни». В этой статье дается запись песни, сделанная в селе Большом, Пронского уезда, Рязанской губернии от молодого отпускного солдата из местных крестьян. Текст записи ближе к журнальной, чем к окончательной редакции стихотворения Сурикова.

В степи. Напечатано в журнале «Развлечение» за 1869 год (№ 39, стр. 216). Журнальный текст содержит некоторые различия по сравнению с окончательной редакцией. Перепечатано в редакции, близкой к окончательной (без четверостишия после 13 строфы), во втором сборнике (1875 года) Сурикова и в окончательном виде в его третьем сборнике (1877 года).

Одно из популярнейших произведений народного песенного репертуара, известное в разнообразных вариантах, вошедшее во многие советские песенники, исполняемое лучшими хоровыми ансамблями СССР (хор им. Пятницкого, хор под руководством А. В. Свешникова, ансамбль Советской Армии им. Александра и др.).

На мотивы этой песни поэтами-самоучками в дореволюционные годы слагались новые стихотворения. Интересно отметить, что крупный советский поэт Михаил Исаковский в начале своего литературного пути, в 1914 году, написал стихотворение «Просьба солдата» по мотивам стихотворения Сурикова, ставшего одной из любимых народных песен (об этом подробнее см. в книге В. Александрова «Михаил Исаковский». Изд. «Советский писатель», М., 1950, стр. 9—10).

«Я ли в поле да не травушка была...» Напечатано в первом сборнике стихотворений Сурикова (М., 1871) под заглавием «Малороссийская мелодия»; датировано 1870 годом. Стихотворение написано по мотивам украинских народных песен. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта под названием «Малороссийская песня».

Прочно вошло в репертуар народной песни, широко варьировалось в устно-поэтической народной традиции, многократно перепечатывалось в песенниках, например: «Полный русский песенник». М., 1882, «Колечко». М., 1908, «Стенька Разин». М., 1909, «Лучинушка». М., 1910, «Окрасился месяц багрянцем». М., 1910, «Солнце всходит и заходит». М., 1911, и др.

В 1881 году положено на музыку П. И. Чайковским.

«Что не реченька...» Напечатано в первом сборнике стихотворений Сурикова (М., 1871); датировано 1871 годом. Под названием «Песня» перепечатано во втором (1875 года) и без названия в третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Что не жгуча крапивушка...» Напечатано в журнале «Грамотей» за 1871 год (№ 4, стр. 38). В журнальной редакции строка 2: «В огороде жгется-колется», строка 18: «Как язык во рту привяжется». Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Бедность, ты, бедность...» Под названием «Бедность» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 104.

«Ой, дубинушка, ты ухни!..» Под заглавием «Дубинушка (Песня)» напечатано в журнале «Дело» за 1876 год (№ 6, стр. 88—89). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Вошла в народный песенный репертуар, печаталась в песенниках (например, в сборнике «Машинушка». М., 1910).

«Если б легкой птицы..» Под заглавием «Песня (Из народных мотивов)» напечатано в журнале «Дело» за 1876 год (№ 11, стр. 143). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Вошло в народный песенный репертуар, печаталось в песенниках (например, в сборнике «Полный русский песенник». М., 1911).

«Не грусти, что листья..» Напечатано в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 16, стр. 6—7). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Вошло в народный песенный репертуар, в различных вариантах пелось и печаталось в песенниках: «Бродяга». М., 1909, «Ночи безумные». М., 1909, «Варяг». М., 1912, «Бывало, в дни веселые». М., 1913, «Полный песенник». М., 1916.

«Хорошо тому да весело..» Под заглавием «Кручи-нушка» и с посвящением Д. А. Славянскому напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 13, стр. 184).

«Сговорилися батюшка с матушкой..» Под заглавием «Преступница» напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 29, стр. 407).

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Летняя ночь. Напечатано за подписью «Крестьянин-самоучка И. С.» в журнале «Будильник» за 1881 год (№ 32, стр. 499). И. Ф. Масанов в своем труде «Словарь псевдонимов» (том II—III. Изд. Всесоюзной Книжной палаты, М., 1949, стр. 807) высказывает уверенность в том, что это посмертная публикация суриковского произведения, сохранившегося в распоряжении редакции «Будильника».

Дата написания стихотворения неизвестна. Надо думать, что оно написано между 1863 и 1867 гг., когда Суриков подписывался как крестьянин-самоучка.

Из бедной жизни. Напечатано в первом сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (М., 1871, стр. 5—9). Первая редакция стилистически несколько отличается от окончательной. Стихотворение датировано 1863 годом. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта.

Первоначальным наброском этого стихотворения было стихотворение «Бедняк», помещенное за подписью «Крестьянин Ив. Суриков» в журнале «Воскресный досуг» за 1864 год (№ 90, стр. 239). В основе его лежит сходная ситуация: «Горемыка портной», обманутый заказчиком-дельцом, с отчаяния предается пьянству, жена его умирает, остаются малые дети, обреченные на голод и нищету. Стихотворение «Бедняк» Суриков не включал в свои сборники.

Покойница. Напечатано за подписью «Крестьянин Иван Суриков» в журнале «Воскресный досуг» за 1864 год (№ 76, стр. 14—15). Между журнальным текстом и окончательной редак-

цией имеется множество мелких стилистических разночтений. В первопечатном тексте за 15-й строфой следовало четверостишие:

И горчее прежней
Жизнь тебе досталась,
А семья с годами
Больше прибавлялась.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1864 годом. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта.

Часовой. Напечатано с посвящением А. А. Флорову в журнале «Воскресный досуг» за 1864 год (№ 81, стр. 90). В журнальной редакции первая строфа читается:

Ярко светит месяц,
Загнутый в кольцо;
Жжет мороз сердитый
Уши и лицо.

Четвертая строфа в первопечатном тексте также была иной:

Но ровно шагает
Взад он и вперед,
И ружье стальное
Крепко, крепко жмет.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года). Под стихотворением дата: 1863 год. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Стихотворение «Часовой» стало в 90-х и в начале 900-х гг. широко популярной народной песней, которая в различных вариантах печаталась в песенниках (например, в сборниках: «Солнце всходит и заходит». М., 1911, «Варяг». М., 1911, и др.). Как популярная народная песня включено в советский песенник «Красные зори». ГИЗ, М.-Л., 1928.

Флоров А. А. — саратовский журналист и издатель. С середины 60-х гг. издавал «Саратовский справочный листок», в котором, между прочим, активно сотрудничал приятель Сурикова поэт И. Г. Воронин.

Могила. Напечатано за подписью «Крестьянин Иван Суриков» в журнале «Воскресный досуг» за 1864 год (№ 95, стр. 314). Между журнальной редакцией и окончательным текстом имеются разночтения стилистического характера, из которых наиболее существенное во второй строфе, которая в первопечатном тексте выглядела следующим образом:

Вкруг могилы степной
Поле чистое спит,
Только ветер травой
В буйной воле шумит.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года) с неверной датой: 1865 год. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Утро в деревне. Под названием «Утро» напечатано в журнале «Развлечение» за 1865 год (№ 34, стр. 129). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1864 годом. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта.

«Солнце утомилось...» Под названием «Вечер» и за подписью «Крестьянин И. Суриков» напечатано в журнале «Развлечение» за 1865 год (№ 38, стр. 193).

В 1867 году Суриков перепечатал это стихотворение в журнале «Воскресный досуг» (№ 20, стр. 111).

Стихотворение «Солнце утомилось...» включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1865 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Положено на музыку П. И. Чайковским.

Что ты, жизнь, мне дала? Напечатано в журнале «Воскресный досуг» за 1865 г. (№ 102, стр. 30—31), за подписью «Крестьянин Иван Суриков». В том же номере (стр. 28) напечатано и другое стихотворение начинающего поэта — «Швея». «Что ты, жизнь, мне дала?» не включалось в прижизненные сборники и в посмертные издания Сурикова. Печатается по журнальному тексту.

В этом стихотворении явным образом отразились личные переживания поэта в период его скитаний. Именно в этой связи он много лет спустя вспомнил о нем и дал его вариацию, в письме к И. Г. Вороницу от 30 октября 1873 года, заметив: «Жизнь моя сложилась очень гадко: то был гнет отца, то гнет нужды:

Что ты, жизнь, мне дала,
Когда молод я был?
Чем ты, жизнь, расцвела,
Когда жизнь я любил?
Только в сердце сожгла
Ты горячую кровь.
Только мне ты дала
Без ответа любовь.
Что ты, жизнь, мне дала,
Когда я возмужал?
Когда пылкость прошла —
Жизнь рассудком понял?
Только с горем, с бедой
Ко мне день приходил;
Жар души молодой
Бурный холод убил...»

«Эх, брат Ваня, Ваня...» Напечатано в журнале «Воскресный досуг» за 1865 год (№ 147, стр. 343). В сборниках поэта не перепечатывалось. В Полное собрание стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884) не вошло. Печатается по журнальному тексту.

«З а н я л а с я з а р я . . . » Напечатано в первом сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (М., 1871, стр. 31—32). Первая редакция в ряде мест стилистически несколько отличается от окончательного текста. Стихотворение датировано 1865 годом. Перепечатано в новой редакции во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

В 1881 году положено на музыку П. И. Чайковским (при этом текст был существенно переработан).

У м о г и л ы м а т е р и . За подписью «Крестьянин», с посвящением В. А. Б. напечатано в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 8, стр. 113—114). В журнальном тексте по сравнению с окончательной редакцией имеются некоторые несущественные разночтения стилистического характера и дана следующая концовка:

Не снесет она с собою
К брату-бедняку
Моей горькой, звучной песни
Про его тоску.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1866 годом. Посвящение уточнено: В. А. Б-ну. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

В письме к издателю К. Т. Солдатенкову от 7 сентября 1878 года, представляющем серьезный автобиографический интерес, Суриков следующим образом описывает обстоятельства, при которых возникло это стихотворение, написанное в 1865 году. «Это было, — пишет он, — самое горькое время в моей жизни. Мать моя умерла, отец женился на другой, мне тогда было 24 года, я был уже женат. Отец мой, женившись на другой, стал ко мне требователен, придирчив, — и наконец, в один день, по жалобе на меня моей мачехи, выгнал меня из дома. В это время написано мною стихотворение: «На могиле матери». Автобиографические черты и мотивы он отмечает и в письме к И. Г. Воронину от 30 октября 1873 года: «Если я не долго проживу на свете и уберусь туда «и где же несть печали и вздыхания», то причину моей преждевременной смерти, — (говорю тебе, как моему другу), — причиной этой смерти будет мой отец, — он всю жизнь меня мучит и ломает до сих пор. Сколько я вынес от него горя, это ведомо богу одному. — Прочти мое стихотворение «На могиле матери», и тебе будет понятно отчасти, что я выносил».

В дореволюционные годы это стихотворение, видоизменяясь в песенном бытовании, сделалось популярным народным романсом, широко публиковавшимся в песенниках (например: «Спишь ты, спишь, моя родная». М., 1910, «Полный русский песенник». М., 1911, «Могилка». М., 1911, «Зажигай-ка». М., 1913, «Ах ты, бедная, бедная швейка». М., 1913, «На Муромской дороге». М., 1914, «Липа вековая». М., 1916, «Кочегар». М., 1917, и др.).

Б-н В. А. В 1865 году Суриков в период своего скитальчества служил у этого лица в качестве переписчика деловых бумаг. Поэт упоминает о нем в письме к К. Т. Солдатенкову от 3 сентября 1878 года: «Затем опять начинается мое скитание и голодание,

я попадаю к В. А. Б-ну, поступаю к нему переписывать некоторые деловые бумаги; но эта работа была временная, — она кончилась, — и я опять без работы».

Мороз. За подписью «Крестьянин И. Суриков» и с посвящением А. М. К-ву напечатано в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 18, стр. 273—274).

В журнальной редакции отсутствует второе четверостишие; после третьего четверостишия окончательного текста в первой редакции шли три четверостишия, впоследствии снятые поэтом. Между обеими редакциями имеются также некоторые стилистические различия. В окончательной редакции и без посвящения перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Ночью. Напечатано без заглавия в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 40, стр. 226). Под названием «Ночь» включено поэтом в его первый сборник (1871 года), датировано 1866 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Тяжело и грустно...» Напечатано за подписью «Крестьянин И. Суриков» в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 45, стр. 306). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1866 годом. В последующих прижизненных сборниках поэта и в Полном собрании его стихотворений (М., 1884) не перепечатывалось.

«Где ты, моя юность?..» Вариант предыдущего стихотворения, который Н. А. Соловьев-Несмелов датирует также 1866 годом.

В дороге. Напечатано в журнале «Развлечение» за 1866 год (№ 49, стр. 370). В прижизненных сборниках поэта и в Полном собрании стихотворений И. З. Сурикова под редакцией Н. А. Соловьева-Несмелова (М., 1884) это стихотворение отсутствует. Печатается по журнальному тексту.

«Осень... Дождик ведром...» Напечатано в первом сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (М., 1871, стр. 39—40), помечено 1866 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Сердцу грустно, сердце неет...» Напечатано в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 35, стр. 146). В прижизненных сборниках поэта не перепечатывалось. Н. А. Соловьевым-Несмеловым не включено в Полное собрание стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884). Печатается по журнальному тексту.

С горя. Напечатано в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 36, стр. 174—175). В прижизненных сборниках поэта не перепечатывалось. Н. А. Соловьевым-Несмеловым не включено в Полное собрание стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884). Печатается по журнальному тексту.

В е р б а. Напечатано в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 41, стр. 244). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1867 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Положено на музыку композитором М. Слоновым.

Е. Н. Е-ва, которой это стихотворение посвящено, — видимо, Е. Н. Ермакова, сестра жены Сурикова.

К о л ы б е л ь н а я п е с е н к а. Эта вариация Сурикова на знаменитое стихотворение Н. А. Некрасова «Колыбельная песня» напечатана в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 49, стр. 375—376). В прижизненных сборниках поэта не перепечатывалось. Н. А. Соловьевым-Несмеловым не включено в Полное собрание стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884). Печатается по журнальному тексту.

«Тихо тощая лошадка...» Напечатано в журнале «Воскресный досуг» за 1867 год (№ 226, стр. 14). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1864 годом. Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

В д о р е в о л ю ц и о н н ы е г о д ы это стихотворение сделалось популярной народной песней. Как характерная народная песня о прошлом перепечатано в сборнике песен «Красные зори». ГИЗ, М.-Л., 1928.

«Гром отгремел, прошла гроза...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1868 год (№ 29, стр. 56). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), неправильно датировано 1869 годом.

«День вечереет, облака...» Н. А. Соловьевым-Несмеловым в его хронологическом перечне стихотворений Сурикова (в издании 1884 года) отнесено к 1868 году.

«Засветилась вдали, загорелась заря...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1868 год (№ 29, стр. 56). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), неправильно датировано 1869 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Положено на музыку в 1885 году Цезарем Кюи.

«От деревьев в тени...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1868 год (№ 37, стр. 184). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), неправильно датировано 1869 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«За окном скрипит береза...» Напечатано в первом сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (М., 1871, стр. 81—82), помечено 1868 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

После смерти поэта это стихотворение сделалось популярной народной песней, включавшейся во многие песенники, например:

«Полный русский песенник». М., 1882, «Золотые горы». М., 1909, «Умер бедняга». М., 1910, «Лучинушка». М., 1910, «Русский песенник». Изд. Сытина, 1912, «Под вечер осенью ненастной». Изд. Сытина, М., 1914, и др.

«В зареве огнистом...» Напечатано в первом сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (М., 1871, стр. 100), помечено 1869 годом. Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

«Не проси от меня...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 7, стр. 100). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1869 годом. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта.

«Ночь тиха, сад объят полутьмою...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 8, стр. 116). В газетной редакции строфы 2 и 3 имели еще более отчетливо выраженную ориентацию на романс:

Светлый месяц плывет небесами,
Кротким светом глядит с высоты,
Его тихими с неба лучами
Вся сияешь облитая ты!

И я молча сию пред тобою
И гляжу на твою красоту,
А к нам в комнату тихо струю
Льется запах от груши в цвету.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1869 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем сборниках поэта. В 1880 году положено на музыку композитором П. Тюневым, посвятившим свой романс «памяти И. З. Сурикова».

«На дворе бушует ветер...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 9, стр. 135). В газетной редакции первая строфа была несколько иной:

За окном бушует ветер,
Дождик бьет в окно;
Так на сердце безотрадно, —
Впереди темно.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), датировано 1868 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Ты, как утро весны...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 10, стр. 151). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1866 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

В дореволюционные годы это стихотворение являлось популярным народным романсом, пелось в различных вариантах, печаталось в песенниках: «Солнце всходит и заходит». М., 1911, «Златые горы». М., 1917, и др. Положено на музыку композитором Н. А. Соколовым.

«Едем лесом...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 13, стр. 198). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1869 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Дети. Под названием «Утро» напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 13, стр. 203). В газетной редакции стихотворение имело в конце еще две строфы:

В зареве огнистом
Облаков гряда, —
И на небе чистом
Вечера звезда.

Наклоняся, ивы
Дремлют над рекой,
И реки извивы
В краске голубой.

В окончательной редакции и с датой «1867 год» включено поэтом в его первый сборник (1871 года).

«Помнишь: были годы...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1870 год (№ 16, стр. 247). Включено поэтом в его первый сборник (1871 год), помечено 1869 годом, посвящено А. Е. Р-ву. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Р-в А. Е. — А. Е. Разоренов (1819—1891 гг.), поэт-самоучка из крестьян, приятель Сурикова и участник сборника «Рассвет». Служил в Москве приказчиком в овощной лавке, некоторое время был связан с актерской средой. Известность приобрел как автор широко популярной песни «Не брани меня, родная...»

Смерть. Напечатано в первом сборнике стихотворений Сурикова (М., 1871), датировано 1870 годом. Перепечатано во втором (1875 года) сборнике поэта.

Степь. Под названием «В степи» напечатано в журнале «Дешевая библиотека для легкого чтения» за 1871 год (№ 2, стр. 54). Журнальная редакция существенно отличается от окончательной. С посвящением Н. П. Е-ову и с датой «1871 год» включено Суриковым в его первый сборник (1871 года). Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Косари. Первая часть стихотворения под названием «На покое» напечатана в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 5,

стр. 79). Вторая часть стихотворения под названием «Покос» напечатана в журнале «Грамотей» за 1871 год (№ 2, стр. 64—65) и в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 17, стр. 262) вместе со статьей о Сурикове, подписанной «И. З-ий» и представляющей отзыв на первую книгу стихотворений поэта. Обе части: первая под названием «На покосе» (с датой — 1870 год) и вторая под названием «Покос» (с датой — 1869 год) включены Суриковым в его первый сборник (1871 года). Перепечатано во втором сборнике (1875 года) поэта и в окончательной редакции под названием «Косари» дано в его третьем (1877 года) сборнике. Вторая часть стихотворения «Косари» была в прошлом популярной народной песней (см., например, в песеннике «Дубинушка». Изд. Сытина, М., 1914).

Тихая постелька. Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 6, стр. 9) и в первом сборнике стихотворений поэта (1871 года) под названием «Мертвое дитя»; посвящено М. Н. Су-вой; датировано 1868 годом. Во всех прижизненных изданиях Сурикова это стихотворение называлось «Мертвое дитя»; новое название дано ему в издании Н. А. Соловьева-Несмелова (М., 1884), редакционные поправки которого сделаны на основании пожеланий, высказывавшихся Суриковым в последние годы его жизни.

Н. А. Соловьев-Несмелов в биографическом очерке «Иван Захарович Суриков», предпосланным Полному собранию стихотворений поэта (М., 1884, стр. 96), пишет, что это стихотворение было вызвано воспоминаниями о сестре Ольге, которую Суриков очень любил и которая умерла в шестилетнем возрасте.

Су-ва М. Н. — Мария Николаевна Сурикова (урожденная Ермакова), жена поэта.

«Всю ночь кругом метель шумела...» Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 7, стр. 103). В прижизненных сборниках и в Полном собрании стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884) отсутствует. Печатается по газетному тексту.

Грезы. Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 8, стр. 119). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), датировано 1869 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Детство. Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 13, стр. 199). В газетной редакции 4-я строфа была иной:

Хлопают в ладоши,
Мне — ура! — кричат,
Дружно из сугроба
За ноги тащат.

Строфа 14:

И душонка рвется
Детская моя,
И под сказку бабки
Засыпаю я.

Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), датировано 1866 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

У могилы друга. Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 14, стр. 215). В газетной редакции отсутствовали две последние строки окончательного текста, но были два четверостишия, впоследствии опущенные. В газетной редакции напечатано Суриковым в его первом сборнике (1871 года), помечено 1868 годом. Перепечатано во втором сборнике (1875 года). В окончательной редакции дано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

Беззаботный. Напечатано в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 39, стр. 622). В прижизненные сборники и Полное собрание стихотворений И. Э. Сурикова (М., 1884) не включалось. Печатается по газетному тексту.

«Когда с тобою встретясь снова...» Напечатано в первом сборнике стихотворений Сурикова (М., 1871); датировано 1871 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Косарь. Под псевдонимом «И. Новоселов» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 29—30.

«И вот опять пришла весна...» Напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 128—129. В этой публикации целый ряд строк дан в редакции, несколько отличной от окончательного текста. Перепечатано в окончательной редакции во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Заря занимается, солнце садится...» Под псевдонимом «И. Новоселов» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 130.

Горе. Под названием «Грамотей» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 144—146. В этой публикации имеется ряд строк в редакции, отличной от окончательной. В сборнике «Рассвет» дана совершенно иная концовка стихотворения. После строки:

Раздавило на работе
Руку шестерней —

следует:

Уж какой теперь работник
Он с одной рукой.
Если выйдет из больницы,
Денется куда?
Только по миру таскаться
Годен он тогда. —
И заплакал горемычный
Дедушка Федот:
Мальчуган глядит, дивится,

Слез тех не поймет.
Отчего старик так плачет,
Что он прочитал?
И мудреного вопроса
Чем решить не знал.
Погоди! Теперь ты знаешь
Грамотку читать,
Подрастешь, людское горе
Станешь понимать.

В окончательной редакции и под названием «Горе» напечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Пройдет и ночь, пройдет и день...» Под псевдонимом «И. Новоселов» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 159.

«Встало утро, сыплет на цветы росую...» Напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 162. В этой публикации предпоследняя строка читается: «Кто-то будто смотрит зорьками-очами». Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Ярко солнце светит...» Под псевдонимом «И. Новоселов» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 196—197.

«Темна, темна моя дорога...» Напечатано во втором сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (Изд. Н. А. Соловьева-Несмелова, М., 1875, стр. 92). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

А. И. Яцимирский в статье «Первый кружок писателей из народа», ссылаясь на рассказы друзей Сурикова, высказывает уверенность, что это стихотворение было написано под влиянием того неуспеха, которым был встречен сборник писателей-самоучек «Рассвет» (Вып. I, М., 1872). См. статью Яцимирского в «Историческом вестнике» за 1910 год (№ 4, стр. 184). Неуспех Суриков видел и в том, что издание сборника оказалось убыточным, и в том, что в прессе он в общем не привел к желанному им литературному признанию писателей-самоучек из народа. В письме к Деруну от 10 марта 1873 года Суриков писал: «Сборник продавался положительно плохо, его продано всего на 470 рублей. Я принужден был продать его весь — и продал. Взял за оставшиеся экземпляры 208 рублей, — следовательно, понес убытку, по стоимости издания с публикациями, аккурат 391 рубль 78 копеек («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 155).

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова также относит это произведение к 1872 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

Приводя это стихотворение в письме к И. Г. Воронину от 8 июня 1873 года, Суриков называет его экспромтом и характеризует как результат социального пессимизма, порожденного тяжкими

условиями жизни. «...но что же ты станешь делать, — пишет он, — когда тебя душит среда, окружающее, и возникает вопрос: из-за чего ты борешься? Чего ты добьешься? Ты хочешь воздуха, ты хочешь света, — кто тебе его даст?.. Не жди, напрасная надежда и бесполезная борьба!..» И далее поэт упрекает себя за слабость своей социальной позиции в этом стихотворении, говорит о своем нежелании мириться с действительностью и вместе с тем о неумении и неспособности вступить с ней в борьбу. Это строки, полные скорбной самокритики: «Не охота мириться с окружающим, — это, я думаю, ты сам знаешь и сам на себе испытал; мириться с тем, кто тебя каждый день и душит, и давит, и всячески старается втоптать в грязь... Грустно, ей-богу, грустно!.. Писать?.. Но что писать? Душа у меня по природе мягкая, — я способен только плакать в стихах, но никак не упрекать, ни бичевать людей».

В поле. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 159—164). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта. В первопечатной редакции стихотворение имело несколько иное начало, чем во второй, окончательной редакции:

Полдень. Воздух жаркий
Дышит, как из печи...
Жжет лучами солнца
Голову и плечи.
Душно, тихо в поле!

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1873 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

Швейка. Под названием «Умиравшая швейка» напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 193—194).

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1873 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

В 90-х и в начале 900-х гг. это стихотворение вошло в репертуар народной песни, широко видоизменялось в устном бытовании, часто превращалось в «жестокий» романс, печаталось в песенниках (например, в сборнике «Машинушка», М., 1910).

Сон и пробуждение. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 197—199). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1874 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

В ночном. Напечатано в журнале «Дело» за 1874 год (№ 5, стр. 351—352). Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Написано в начале 1874 года, — вероятнее всего, как на это указывает одно из писем Сурикова к И. Г. Воронину, в марте месяце.

Летом. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 173—175). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1874 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

Написано, как явствует из письма Сурикова к И. Г. Воронину, в марте 1874 года, одновременно со стихотворением «В ночном».

Весна. Напечатано в журнале «Детское чтение» за 1874 год (№ 5, стр. 323—324). В журнальном тексте стихотворение начиналось двумя четверостишиями, которые поэт затем опустил. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

27 марта 1874 года Суриков писал по поводу этого стихотворения И. Г. Воронину: «Из нашего лучшего детского журнала «Детское чтение» получил ответ, — редакция признала мое стихотворение «Весна» очень хорошим и удобным для «Детского чтения» и напечатает его в майской книжке, с платою по 50 копеек за строку. Редакция эта просит меня сотрудничать в журнале постоянно, — постаюсь».

По дороге. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 189—190). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1875 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1889, стр. 391).

Слеза косаря. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 200—202). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1875 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391). Видимо, это стихотворение написано в самых первых числах января, так как цензурой второй сборник стихов Сурикова подписан 29 января 1875 года.

«Ты лежишь в гробу тесовом...» Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 176—177). В третьем сборнике (1877 года) поэта не перепечатывалось.

Весной. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 195—196). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта.

Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1875 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391). Видимо, оно написано в самом начале года, так как цензурное разрешение на второй сборник стихов Сурикова дано 29 января 1875 года.

«Что грустно мне? О чем я так жалею?» Под заглавием «Элегия» напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 4, стр. 125). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

Одиночество. Напечатано в журнале «Всемирная иллюстрация» за 1875 год (№ 355, стр. 302). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Написано, как явствует из письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 года («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 163), в мае—июне 1875 года.

Два образа. Напечатано в журнале «Всемирная иллюстрация» за 1875 год (№ 332, стр. 375). Написано, как явствует из письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 года («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 163), в мае—июне 1875 года. В прижизненные сборники и в Полное собрание стихотворений И. Э. Сурикова (М., 1884) не вошло. Печатается по журнальному тексту.

Козырев, М. А., которому посвящено стихотворение, — друг и ученик Сурикова, писатель-самоучка из крестьян, одаренный рассказчик и очеркист, один из участников сборника «Рассвет».

В лесу. Напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 7, стр. 288). Написано весной (в мае—июне) 1875 года. В прижизненных сборниках стихотворений Сурикова не перепечатывалось. Н. А. Соловьевым-Несмеловым в его Полное собрание стихотворений И. Э. Сурикова (М., 1884) не включено. Печатается по журнальному тексту.

Это стихотворение является как бы вариантом стихотворения «Сон и пробуждение», в котором тот же сюжет разработан шире и которому Суриков придавал, повидимому, более программное значение, включив в книгу его, а не стихотворение — «В лесу».

Плещеев, А. Н. — Известный русский поэт, один из представителей прогрессивно-демократического лагеря в литературе, сыгравший решающую для литературного развития Сурикова роль. С Плещеевым Суриков познакомился около 1862 года и с тех пор постоянно пользовался его дружеской помощью и советом. Плещеев первым положительно оценил литературные опыты Сурикова и помог ему со временем войти на страницы журналов. Суриков всю жизнь сохранял к Плещееву чувства любви и благодарности.

«Мне доставались нелегко...» Под названием «Моя песня» и с посвящением И. Г. Воронину напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 7, стр. 181). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

Воронин, И. Г. (1840—1883 гг.) — саратовский поэт-самоучка, беллетрист и публицист. Выходец из крестьянской среды, автор нескольких книг, выпущенных в свет в семидесятых годах в Казани, Москве и С.-Петербурге, друг Сурикова и участник сборника «Рассвет».

Осенью. Напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 7, стр. 104). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

Покой и труд. Напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 8, стр. 111—112). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Журнальный текст существенно отличается от последней редакции. В нем отсутствовали первые две строфы, стихотворение начиналось строкой «Я бросил честную работу...» За словами: «А я, как камень бесполезный, На пашне жизненной лежал» — в журнальной редакции следовали строфы:

Глядел, как зритель безучастный,
Я на людской упорный труд.
Усердно, дружно и согласно
Спешил вперед рабочий люд.

Повсюду видел я движенье;
Тот, кто работал, не скучал;
А мой покой одно презренье
От всех трудящихся встречал.

Строфы 8 и 9 в журнальной редакции отсутствовали. Зато вместо строфы 11 в журнале были следующие две строфы:

Пусть жизнь сулит одни лишения, —
Не страшен будет с ними бой.
Хочу трудиться ночь и день я, —
Мне опротивел мой покой!

Хочу душой ожить; но если
Уж поздно — жизнь во мне убей! —
И силы прежние воскресли
В груди измученной моей.

Стихотворение «Покой и труд» написано 14 августа 1875 года и было первоначально направлено Суриковым в журнал «Библиотека дешевая и общедоступная» (см. письмо Сурикова С. Я. Дерунову в «Ежемесячном журнале», 1916, № 5, стр. 164). Но журнал этот очень редко печатал стихи, и Суриков предпочел переадресовать стихотворение в «Дело», где его и напечатали.

На мосту. Напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 9, стр. 221—222). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

В письме к издателю К. Т. Солдатенкову от 3 сентября 1878 года Суриков отметил автобиографический характер этого произведения, связанного с личными его переживаниями 1865 года, когда он, выгнанный из отцовского дома, скитался в поисках работы, голодал, распродал «последнее имущественное отребье, книги и т. п.» «Рано утром, — писал он, — не сказавши ни слова жене, я ушел из дома и направился к Каменному мосту. В воду — и конец!.. что ж так жить

и мучиться? Только что начало рассветать, я стоял уже на мосту. Дальше... я писать об этом случае не в состоянии. — у меня захватывает дух!.. Мне страшно! Позднее я описал этот случай, бывший со мной, в моем стихотворении: «На мосту»... Но как бы там ни было, я уцелел все-таки — не бросился с моста и нашел в себе силы для жизни. Этот случай я скрыл от моих семейных».

«На мосту», как явствует из письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 года («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 163), написано весной этого года.

«Я в тесной могиле лежу одиноко...» Под заглавием «В могиле» и с посвящением М. Н. Суриковой напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 9, стр. 181). Написано в мае — июне 1875 года.

Наши песни. Первая часть стихотворения («Много спели горьких песен...») напечатана в журнале «Библиотека дешевая и общедоступная» за 1875 год (№ 9, стр. 11—12). Вторая часть стихотворения («Мы родились для страданий...») была ранее напечатана под заголовком «Песни» в журнале «Дело» за 1874 год (№ 11, стр. 203). Перепечатано во втором (1875 года) сборнике стихотворений Сурикова. Журнальный текст первой части резко разнится от окончательной редакции. Это относится к отдельным строкам (например, 10: «Неприятен грусти запах...») и к целым строфам. Между четвертой и последней строфами окончательной редакции следовали семь строф:

Чувств возвышенных дороже
Нам бывшие наши муки,
И с шипучкою не схожи
Нашей песни грустной звуки.

То ли дело лирик кровный,
От тяжелых дум свободный,
Кто поэзии любовной
Посвятил свой дар природный.

Как ребенок прихотливый,
Он ничем вполне не занят;
И в самом себе, счастливый,
О других скорбеть не станет.

Чувство ль муза в нем разбудит, —
Много он не размышляет,
Сам не знает он, что будет
Петь, но песня созревает.

Он поет легко, как птица,
Как ручей — журчит он сладко,
Но стихов его страница
Для ума порой загадка.

Нам же способ этот птичий
Петь для пения — не ведом,
Стих у нас — таков обычай —
В ход идет за мыслью следом.

Словом правды, горьким стоном
Часто спящих мы тревожим,
Но пугать мечом картонным
И гремушкой не можем.

Этот вариант первой части стихотворения «Наши песни» Суриков 30 сентября 1875 года сообщил в письме Н. А. Соловьеву-Несмелову, назвав его «первым наброском». В другом письме, обращенном к А. Н. Якоби и написанном 17 ноября 1875 года, Суриков рассказал о мотивах, вызвавших к жизни это стихотворение, носившее программный и вместе с тем полемический характер. Он писал: «В сентябрьской книге (на днях только вышедшей) «Общедоступной библиотеки» напечатано мое стихотворение «Наши песни». Меня всколыхнула одна фельетонная заметка «Голоса» о скорбных поэтах «Дела», — в ответ на эту заметку я и написал это стихотворение».

Фельетон, возмущивший Сурикова и побудивший его выступить с демократических позиций против реакционной теории и практики «чистого искусства», был написан В. В. Чуйко, скрывшимся под псевдонимом XYZ и напечатан в газете «Голос», 1875 (№ 210, 31 июля) под названием «Очерки литературы». В этом фельетоне, в рассуждениях о «летней поэзии в толстых журналах» с позиций «чистого искусства» велась атака против социально-учительной и «скорбной» поэзии некрасовской школы, причем главные удары фельетониста были направлены против Сурикова и двух его стихотворений — «Мне доставались нелегко...», и «В лесу» («Я рано, рано утром встал...»), напечатанных в журнале «Дело».

Полемические мотивы в стихотворении Сурикова прямо направлены против следующих заявлений Чуйко: «Конечно, наша современная поэзия вообще несколько сиплая поэзия... Поэты не унывают и продолжают «петь», хотя и несколько сиплым голосом... В «Деле» свои поэты, которых можно было бы назвать апологетистами, так как по большей части они говорят притчами, напуская на себя при этом необыкновенную важность. Господин Суриков, например, так излагает свое призвание г. И. Г. Воронину:

Мне доставались нелегко
Моей души больные звуки...

Это «поэтический манифест» г. Сурикова, но манифест, нисколько не объясняющий читателю тайны творчества г. Сурикова, за исключением разве того, что стих его больной, а сам он глубоко страдает сердцем. В другом стихотворении г. Суриков угощает, по обыкновению поэтов «Дела», апологом, из которого явствует, что он блуждал в лесу среди тины и болот, и холод проник в его сердце... Что сей сон означает — я хорошенько не знаю; знаю только, что это аполог, может быть и с моралью, но зато несколько темный... Отвечая Чуйко, Суриков совершенно исключил из полемики личные моменты

и выступил как борец за идейное, социально-воспитывающее искусство против эстетско-аристократической «теории» искусства для искусства.

Перепечатывая стихотворение в своем сборнике стихов 1877 года, Суриков поместил «Наши песни» на третьем месте, дал ему окончательную редакцию, но напечатал под общим названием, сначала: «Мы родились для страданий», а затем: «Много спели горьких песен».

Однако в дальнейшей литературной традиции произошла перестановка частей: утверждающее, программное стихотворение «Мы родились для страданий», обращенное к грядущим поколениям, встало вслед за полемическим («Много спели горьких песен»). В таком виде стихотворение «Наши песни» многократно перепечатывалось и вошло в сознание читателей. Мы сохраняем эту композицию, определенную Н. А. Соловьевым-Несмеловым, вероятнее всего с согласия автора.

Жизнь. Напечатано в журнале «Дело» за 1875 год (№ 12, стр. 142). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Написано в сентябре 1875 года, как явствует из письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 30 сентября 1875 года.

Покойник. Напечатано в «Ремесленной газете» за 1875 год (№ 30, стр. 401—402). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

«Вставай, товарищ мой! Пора!..» Под названием «Работники» напечатано в журнале «Отечественные записки» за 1875 год (№ 12, стр. 434). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. В дореволюционные годы исполнялось в несколько видоизмененном виде как народная песня, печаталось в песенниках (например: «Машинишка. Новый песенник». М., 1910).

Это единственное стихотворение Сурикова, напечатанное «Отечественными записками». До того, еще в 1869 году, поэт обращался к издателю журнала А. А. Краевскому с предложением стихов (письмо Сурикова напечатано в 51—52 томе журнала «Литературное наследство», М., 1949, стр. 518), но его обращение тогда осталось без ответа.

Во тьме. Напечатано в журнале «Дело» за 1876 год (№ 1, стр. 47—48). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

Стихотворение написано в ноябре 1875 года во время тяжелой болезни поэта. Несколько оправившись от болезни, он писал А. Н. Якоби (17 ноября 1875 года): «Боль груди, кашель, головная боль и страшная одышка, по ночам — холодный пот. Теперь я оправился и могу писать. Я хорошо сознаю печальное мое положение, — при тех физических работах, которые приходится мне каждодневно исполнять и при тех нравственных страданиях, которые выпали на мою долю, я едва ли долго просуществую... Выхода из этого страшного, отвратительного житья-бытья нет и не видится, остается махнуть рукой и ждать спокойно смерти... Вот вам мое жизненное положение, которое я изобразил в моем последнем стихотворении «Во тьме»... Тут все: мое положение и окружающая меня среда. Я про-

слад это стихотворение А. К. Шеллер (А. К. Шеллер-Михайлов — известный беллетрист, один из руководителей журнала «Дело». — А. Д.), — не знаю, поместят ли его».

«Я рад бы веселые песни запеть...» Напечатано за подписью «И. Келлер» в журнале «Будильник» за 1876 год (№ 12, стр. 3). При жизни поэта не перепечатывалось. Н. А. Соловьевым-Несмеловым в Полное собрание стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884) не включено. Печатается по журнальному тексту.

«У тебя ума палата...» Напечатано под псевдонимом «И. Келлер» в журнале «Будильник» за 1876 год (№ 15, стр. 3). При жизни Сурикова не перепечатывалось. Н. А. Соловьевым-Несмеловым в Полное собрание стихотворений И. З. Сурикова (М., 1884) не включено. Печатается по журнальному тексту.

Труженик. Напечатано в журнале «Дело» за 1876 год (№ 4, стр. 182—183). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Стихотворение было написано в ноябре-декабре 1875 года и первоначально предложено А. Н. Якоби. 6 декабря 1875 года Суриков писал Якоби: «Вы как-то писали мне: «Не напишете ли вы еще какое-нибудь стихотворение? Этот сборник предназначен для юношей. Скажите им о том горе и страданиях, которые испытывают умственные труженики». Вот ваши слова. Посылаю вам стихотворение «Труженик», — это стихотворение могло бы, мне кажется, быть удобным для вашего сборника «Мысль и Труд», потому что в основу его положена мною та же самая идея — «Мысль и труд»... Но сборник сдан вами уже в цензуру — поэтому, если вы найдете это стихотворение удобным, то можете его оставить для лучшего вашего сборника».

Но сборник А. Н. Якоби не вышел из цензуры. Об этом она сообщила Сурикову на следующий день после того, как было написано его письмо, и он тотчас же (7 декабря 1875 года) ответил ей: «Я сейчас только получил ваше письмо и вместе с вами горюю о погибшем сборнике. Что остается делать? — Прекраснодушествовать? Но едва ли это нам возможно? Ни по складу нашего ума, ни по нашему характеру мы под эту мерку не подойдем. Сидеть сложа руки в отупении, похоронить себя заживо в могилу, «чтоб сердце сгнивало и ум высыхал», — дело скверное. Жить так — чересчур тяжело!.. Посланное мною вам стихотворение «Труженик», вероятно, уже будет не нужно, перебросьте его в «Дело».

«Всюду блеск, куда ни взглянем...» Под названием «В лесу» напечатано в журнале «Дело» за 1876 год (№ 7, стр. 113—114). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

У пруда. Напечатано в третьем сборнике стихотворений Сурикова (М., 1877, стр. 77—81). Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1876 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 392). См. также примечание к стихотворению «На реке».

На реке. Напечатано в журнале «Детский сад» за 1876 год (Отдел для детского чтения младшего возраста, стр. 3—7). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

В письме к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 30 сентября 1875 года Суриков писал: «Вчерашний день я получил письмо от А. Н. Якоби, которая очень любезно просит написать что-нибудь для ее сборника: она уже некоторыми писателями заручилась, как-то: Н. А. Некрасовым, Я. П. Полонским, А. Н. Майковым, А. Н. Плещеевым, А. К. Шеллером и др. и желала бы иметь что-либо и мое. Постараюсь что-нибудь написать для этого сборника. Материал для создания стихотворения у меня уже есть: я хочу написать поэтическую картину «На реке». Это — ночная рыбная ловля, «лучение рыбы». Не знаю, как оно у меня выйдет, а задумано поэтично. Действующие лица в этой картине будут — старый рыбак и 12-летний мальчик: борьба света с ночной тьмой, фантастические образы ночи. Впрочем, когда напишу, тогда прочтете».

Вскоре после этого Суриков писал А. Н. Якоби, проектировавшей издание сборника по примеру ее же сборника 1873 года «Нашим детям»: «Я обещался написать для сборника еще стихотворение, кроме посланного вам «У пруда», — обещание это исполнил — написал стихотворение «На реке». Это нечто похожее на мое стихотворение «В ночном». В стихотворении «У пруда» я провел перед ребенком темную сторону крестьянской жизни, но эта жизнь имеет и свои светлые поэтические картины. В моем стихотворении «На реке» я проведу светлую сторону (разумеется, для ребенка) крестьянской жизни; для этого я взял впечатлительного мальчика, с поэтическими наклонностями к фантазии».

В ноябре 1875 года Суриков сообщал Соловьеву-Несмелову: «А. Н. Якоби осталась очень довольна моим стихотворением «На реке». Тогда же он дважды посылал Якоби поправки к рукописи этого стихотворения. Однако сборник А. Н. Якоби не состоялся и стихотворение было напечатано в журнале.

«Я отворил окно. Осенняя прохлада...» Под названием «Осенняя элегия» напечатано в журнале «Дело» за 1876 год (№ 9, стр. 66—67). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

«Где вы, песни светлой доли...» Напечатано в журнале «Будильник» за 1876 год (№ 34, стр. 3).

Зимой. Напечатано в журнале «Детский сад» за 1876 год (Отдел для детского чтения старшего возраста, стр. 236—237). Редакция, руководствуясь, очевидно, соображениями «педагогической цензуры», заменила две последние строки первой строфы точками, а в последней строке второй строфы переделала «работницу-мату» в «заботницу-мату». Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Стихотворение «Зимой», как явствует из письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от ноября 1875 года, написано в этом месяце («Набросал на днях стихотворение для детей — «Зимой»).

В разнообразных вариациях, в сокращенном и измененном виде, пользовалось до революции популярностью в качестве народной песни; печаталось в песенниках: «Машинушка». М., 1910, «Полный русский песенник». М., 1911, «Лучинушка». М., 1910, и др.

«Тишь и мрак... Закрыты ставни...» Напечатано в третьем сборнике стихотворений Сурикова (М., 1877, стр. 54—55). Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1876 гсду (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

Цветы. Напечатано в третьем сборнике стихотворений Сурикова (М., 1877, стр. 111—114). Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1876 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 392).

Первая часть стихотворения «В глуши» стала широко популярной народной песней: «Внутри тюремного двора», известной во множестве вариаций и печатавшейся в песенниках, например: в «Полном русском песеннике». М., 1911, в сборнике песен «Солнце всходит и заходит», М., 1911.

«Как в сумерки легко дышать на берегу!..» Под заглавием «В деревне» и с посвящением Г. Г. Урусову напечатано в журнале «Дело» за 1877 год (№ 1, стр. 140).

Урусов Г. Г. — выходец из крестьянской среды, одаренный музыкант-композитор и художественный критик, сотрудничавший в московской печати и содержавший на Сухаревке небольшую булочную, обеспечивавшую ему существование, так как литературным трудом и музыкой он, как самоучка из народа, в то время не мог прожить. С начала 70-х годов Суриков находился с Урусовым в тесной дружбе.

Раздумье. Напечатано за подписью — С. И. В—ъ в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 5, стр. 3).

И. Ф. Масанов в своем труде «Словарь псевдонимов» (том II—III. Изд. Всесоюзной Книжной палаты, М., 1949, стр. 807) устанавливает авторство Сурикова.

За городом. Напечатано в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 17, стр. 5). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

«Черствеет сердце, меркнет ум...» Напечатано в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 18, стр. 5). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

«Безжалостная! Ты...» Под псевдонимом «И. Келлер» напечатано в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 19, стр. 3). Печатается по журнальному тексту.

«Я, весь измученный тяжелою работой...» Напечатано в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 20, стр. 3). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

«Весной всего милей...» Н. А. Соловьевым-Несмеловым в его хронологическом перечне стихотворений Сурикова (в издании 1884 г.) отнесено к 1877 году.

В остроге (Из поэмы «Беглый»). Напечатано в журнале «Будильник» за 1877 год (№ 37, стр. 5—6). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Написано в сентябре 1875 года и первоначально было предложено автором журналу «Дело» («От А. К. Шеллер получил письмо, — сообщал 30 сентября 1875 года Суриков Н. А. Соловьеву-Несмелову, — просит что-нибудь для октябрьской книжки. Послал два новых стихотворения, только что испеченных: «Жизнь» и «В остроге». «В остроге» довольно большое, — думаю, оно займет страниц пять журнала «Дело», а пожалуй и шесть»).

Грудящемуся брату. Напечатано в журнале «Свет» за 1877 год (№ 9, стр. 193). Вошло в народный песенный репертуар, печаталось в песенниках (например, в сборнике «Машинушка». М., 1910).

«Вот село. Давно знакомы...» Напечатано в журнале «Свет» за 1877 год (№ 10, стр. 217) под ***. Стихотворение это, в рукописи посланное автором Н. А. Соловьеву-Несмелову, было последним передано Н. П. Вагнеру — издателю «Света» и беллетристу (псевдоним — Кот Мурлыка). Узнав об этом, Суриков сначала пытался вернуть рукопись. 3 сентября 1877 года он писал Соловьеву-Несмелову: «Зря вы отдали Н. П. Вагнеру стихотворение под *** в «Свет», — это просто набросок. Нельзя ли уничтожить это стихотворение, и я взамен его пришлю другое или переделаю это». Но затем он передумал и согласился на печатание стихотворения. Тому же адресату он писал 11 сентября 1877 года: «Стихотворение под *** оставь у Н. П. Вагнера — пускай печатает».

«Честь ли вам, поэты-братья...» Напечатано в журнале «Дело» за 1878 год (№ 5, стр. 180). В журнальной редакции было заключительное четверостишие:

Будет время, что и сами
Силы вы в борьбе убьете, —
И тогда-то вместе с нами
Песню горя запоете, —

которое Суриков считал нужным снять, не желая вносить мотив социального примирения с антидемократической литературной средой. Суриков пытался снять его еще до напечатания, но не успел. В письме к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 10 мая 1878 года он писал: «Послал я малую стишину в «Дело»; но последняя строфа мне не нравится — очень печален вывод. Не увидите ли вы А. К. Шеллер, — попросите его напечатать это стихотворение без последней строфы». Далее он приводил заключительное четверостишие и добавлял: «Не закончить ли сию стишину в таком роде:

Дай бог вам дойти счастливо
До своей высокой цели... и т. д.

Иначе конец выходит очень безотраден, — подумайте и сообщите свое мнение... Но лучше, мне сдается, совсем последнее четверостишие смахнуть в сторону».

«Не шлю годам моим...» Напечатано в журнале «Свет» за 1878 год (№ 5, стр. 155). Н. А. Соловьевым-Несмеловым в Полное собрание сочинений И. З. Сурикова (М., 1884) не включено. Печатается по журнальному тексту.

«Вот и степь своей красую...» Под заглавием «В степи» и с пометкой «С. Безенчуг. Самара» напечатано в журнале «Дело» за 1878 год (№ 9, стр. 167).

5 июня 1878 года из Симбирска Суриков писал Н. А. Соловьеву-Несмелову: «В дороге на меня напала страшная тоска, и под давлением ее все мои умственные и душевные силы замерли — молчат. Москва теперь далеко, и что же я могу сказать о ней при виде Волжских степей». И далее поэт цитировал стихотворение, о котором в другом письме тому же адресату (11 июня 1878 года) писал, что «набросал его в дороге». Он приводил строфы 3, 4, 5 и за ними строфу, которая первоначально должна была быть концевочной, а затем была им заменена:

Я впиваю воздух жадно...
Душный город далеко!
Как душе моей отрадно,
Как груди моей легко...

8 июня 1878 года поэт сообщал своему другу И. И. Барышеву: «Со станции Безенчуг я послал в «Дело» стихотворение «В степи».

«Погоняй, ямщик, скорее...» Под заглавием «В дороге» напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 25, стр. 350).

На чужбине. Напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 28, стр. 393). Написано в первых числах июля 1878 года. В письме И. И. Барышеву от 7 июля 1878 года Суриков писал: «В «Будильник» послал третьего дня, — «На чужбине»...»

На одре. Напечатано в журнале «Дело» за 1878 год (№ 8, стр. 114—115). В журнальной редакции после третьей строфы следовало четверостишие, впоследствии опущенное.

Вижу я, близка развязка, —
Не видать мне лета...
До конца доходит сказка,
Песнь моя допета...

Написано в начале июня 1878 года во время поездки в Самарскую губернию, на лечение. Журнальная редакция была закончена в июле 1878 года, во время пребывания в Марьевке, Самарской губернии, откуда Суриков писал своему другу И. И. Барышеву, которому он посвятил это стихотворение (письмо от 10 июля 1878 года): «Лечение

мое, кажется, идет в пользу, каплять я стал менее. Куда послать стихотворение «На одре», — ей-богу, не знаю; когда приеду в Москву, мы с тобой тогда сотворим совет. Начало этого стихотворения я, пожалуй, переделаю, т. е. несколько вступительных строк к этому стихотворению припишу, и оно будет тогда называться «Умирающий поэт», а конец его:

Ты прости же, моя песня,
Петь нет больше мочи...
Засыпай, больное сердце!
Закрывайтесь, очи!

Тогда это стихотворение будет объективнее».

Барышев, И. И. (1854—1911 гг.) — Беллетрист и драматург, писавший под псевдонимом «И. Мясницкий». Его юмористические рассказы и сценки, изображавшие нравы московского купечества, печатались в сатирических журналах и листках. В течение многих лет он выступал в газете «Московский листок» в качестве фельетониста. Некоторое время был управляющим издательства К. Т. Солдатенкова, с которым был связан Суриков.

«Загорелась над степью заря...» Напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 45, стр. 637—638). В журнальной публикации 3 строка от конца читалась: «И люблю всей душой глубоко...».

Прости! Н. А. Соловьевым-Несмеловым в хронологическом перечне стихотворений Сурикова отнесено к 1878 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 392).

«Истрадался душой и измучился я...» Н. А. Соловьевым-Несмеловым в хронологическом перечне стихотворений Сурикова отнесено к 1878 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 392).

«Догорела румяная зорька вдали...» Напечатано в журнале «Вестник Европы» за 1878 год (№ 12, стр. 723).

Стихотворение это Суриков написал в начале июня 1878 года в деревне Хомяковка близ станции Безенчуг, Самарской губернии. 11 июня 1878 года он писал Н. А. Соловьеву-Несмелову: «Теперь принялся мараТЬ... стихотворение — лирическое:

Потухает румяная зорька вдали,
И по степи вечерние тени легли...

Окончу его или брошу — не знаю. Кумысолечебное заведение, где обретаюсь я, находится в глухой ковылевой степи, и куда ни взглянешь — все степь да степь...

Взглянешь влево, взглянешь вправо —
Всюду ширь и тонет взор...
Степь! тебе и честь и слава
За могучий твой простор!..»

Положено на музыку композитором Ю. Блейхман.

«Не корите, други...» Напечатано с разбивкой на четверостишия и с зачином «Не корите, братья...» в журнале «Будильник» за 1879 год (№ 2, стр. 21).

Нашла коса на камень. Напечатано в журнале «Будильник» за 1879 год (№ 26, стр. 372). В журнальной редакции последняя строка читалась «Отбил в себе охоту». Написано, как явствует из письма автора к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 21 июня 1879 года, в начале июня месяца.

Песня - былъ. Напечатано с посвящением А. Н. Якоби в журнале «Дело» за 1879 год (№ 7, стр. 162—164). Написано, как явствует из письма Сурикова к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 21 июня 1879 года, в начале июня месяца.

Якоби А. Н. — Общественная деятельница и издательница сборников для детей, связанная с радикально-демократическими кругами литературы и публицистики, в частности с редакционным кругом журнала «Дело». Сурикову давно хотелось посвятить стихи А. Н. Якоби, к которой он относился с глубоким уважением. Еще 29 декабря 1875 года он писал ей: «...у меня есть мысль написать стихотворение: «Город, дорога, деревня и лес». Я желал бы посвятить его вам».

Умирающая девушка. Напечатано в журнале «Дело» за 1879 год (№ 8, стр. 243). Написано, как явствует из письма автора к Н. А. Соловьеву-Несмелову от 21 июня 1879 года, в начале июня месяца.

В Украине. Напечатано в журнале «Вестник Европы» за 1879 год (№ 9, стр. 267—268).

«Живу на южном берегу...» Написано в Ялте в начале ноября 1879 года во время острых приступов чахотки, в сознании неизбежной и скорой смерти. Послано И. И. Барышеву как начало письма, датированного 5 ноября 1879 года, и сопровождается следующими словами: «Здоровье мое не поправляется, ночи провожу почти без сна, сидя на постели, — меня душит мокрота и кашель».

«Над широкой степью...» Под заглавием «Ласточка (Степная картинка)» напечатано в журнале «Воспитание и обучение» за 1879 год (Отдел для детского чтения младшего возраста, стр. 97—98).

Поэту. Н. А. Соловьевым-Несмеловым в хронологическом перечне стихотворений Сурикова отнесено к 1879 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 392).

И. И. Барышеву. («Когда расстанусь я с землей...»). Н. А. Соловьевым-Несмеловым в хронологическом перечне стихотворений Сурикова отнесено к 1879 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 392).

И. И. Барышев — см. примечание к стихотворению «На одре».

«О счастье и грезах не пой...» Стихотворение включено И. З. Суриковым в письмо к поэту-крестьянину И. Д. Родионову, одному из группировавшихся вокруг него литераторов-самоучек. Написано оно, повидимому, незадолго до смерти Сурикова. Суриков сопроводил его следующими строками в письме: «Меня обвиняют в том, будто я пишу бедными рифмами и заезженными размерами... Когда я в тысячный раз услышал как-то мнение о моих стихотворных недостатках, то сейчас же присел к столу и набросал следующее стихотворение, которое должно служить для тебя, мой милый друг, завесом на всю жизнь. Прочти его получше, и всмотрись, какие разнообразные здесь размеры. Итак, Ваня, слушай!» (Цитируется по публикации в статье А. И. Яцимирского «И. З. Суриков в семье своих литературных преемников». — «Русская старина», 1905, № 4, стр. 81). Яцимирским обнаружена в бумагах Сурикова и опубликована в той же статье первоначальная редакция этого стихотворения:

Лети, мой мечтатель, мой друг-соловей,
О счастье, о грезах не пой,
Мой юный певец.
Но пой о страданиях бедных людей.
И если не тронешь ты сразу
Суриковых сердец —
Пой громче, смелей!
Я верю, уж близко то время, к нему мы идем,
Когда не для праздных и бар,
Для забав иль утех —
Обиженным песнью внушим мы подъем
Не шопотом робким,
Но громко для всех —
Ту песнь запоем!

Дед Клим. Напечатано в журнале «Воспитание и обучение» за 1880 год (Отдел для детского чтения, № 2, стр. 35—39).

Над этим стихотворением Суриков работал, находясь в очень тяжелом физическом состоянии. И. И. Барышеву он писал из Крыма 19 июля 1879 года: «Жена моя опасается моей слабости, боится, что не дотащат меня до Москвы в целости... «Дед Клим» мой стал, прах его возьми. И где же? В сосновом лесу я заблудился, хотя и описал этот лес хорошо».

Закончил стихотворение Суриков по возвращении из Крыма, в начале 1880 года. В письме к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 года он замечал: «Потом написал для педагогического журнала «Обучение и воспитание» типично бытовое стихотворение «Дед Клим» («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 165).

«В тихом сумраке лампада...» Под заглавием «Посмертное стихотворение И. З. Сурикова» напечатано вслед за некрологом поэта в журнале «Будильник» за 1880 год (№ 17, стр. 475). Написано, как явствует из письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 года («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 165), в самом начале этого года.

Зима. Напечатано в журнале «Воспитание и обучение» за 1880 год (Отдел для детского чтения к № 6—7, стр. 129—130) вслед за некрологом поэта, написанным М. Цебриковой, в котором, между прочим, говорится: «В этом номере мы даем последнее стихотворение его, присланное нам поэтом». Написано, как явствует из письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 года («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 165), в самом начале 1880 года.

БЫЛИНЫ, СКАЗАНИЯ, ПОЭМЫ

Удалой. Напечатано в первом сборнике И. З. Сурикова «Стихотворения» (М., 1871, стр. 10—16). Первая редакция содержит ряд стилистических отличий по сравнению с окончательным текстом. Датировано стихотворение 1863 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) прижизненных сборниках поэта.

Правеж. Напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 210—212. В оглавлении к сборнику названо «Былина». В этой публикации имеются разночтения по сравнению с окончательным вариантом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках стихотворений Сурикова.

Садко. Первоначально раздел «Садко в Новгороде» был напечатан в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 1—5. В этой публикации за исключением четвертой строфы уже был представлен текст окончательной редакции. Второй раздел «Садко у морского царя» был помещен в журнале «Вестник Европы» за 1873 год (№ 8, стр. 510—518). Во втором сборнике (1875 года) стихотворений Сурикова оба раздела напечатаны еще порознь: «Две песни о Садке» и «Садко у морского царя». В третьем (1877 года) сборнике они объединены и даны в окончательной редакции.

В письме к И. Г. Воронину от 4 августа 1873 года Суриков писал: «1-го августа вышла VIII книга «Вестника Европы», и в ней напечатан мой «Садко»; и 1-го же августа я получил из С.-Петербурга от М. М. Стасюлевича (издателя журнала. — А. Д.) перевод из С.-Петербургского Купеческого банка на Московский Купеческий банк в 114 руб. и в этот же день получил деньги. В «Садко» 228 строк, по 50 коп. за строку, — плата хорошая и платят аккуратно. Это первый мой труд, оплаченный хорошо, а то получал по 10 коп. за строчку...»

Немочь. Напечатано во втором сборнике стихотворений Сурикова (М., 1875, стр. 148—158). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике поэта. В первопечатном тексте имеет подзаголовок «Быль старых лет», впоследствии снятый. Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1873 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова. М., 1884, стр. 391).

Канут Великий. Под заголовком «По берегу моря... (Легенда)» напечатано в журнале «Вестник Европы» за 1875 год (№ 3, стр. 150—153). Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Канут Великий (995—1035) — был одновременно королем Дании, Англии и Норвегии, усердно насаждавшим в Дании христианство. После смерти Канута созданное им северное государство распалось.

Богатырская жена. Напечатано с подзаголовком «Былина» в журнале «Вестник Европы» за 1875 год (№ 11, стр. 35—54). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова. Поэма писалась Суриковым летом 1875 года. В письме к С. Я. Дерунову от 14 августа 1875 года поэт замечал: «Теперь я оканчиваю, т. е. готовлю для «Вестника Европы» — «Богатырская жена», листа на 1½ печатных... Не знаю, поместят ли, но написано недурно» («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 163).

«Богатырская жена» вышла в свет, когда Суриков был тяжело болен. Гонорар за нее (200 рублей), как явствует из его писем к А. Н. Якоби (от 19 сентября 1875 года) и к Н. А. Соловьеву-Несмелову (от ноября 1875 года), несколько улучшил его расстроенные материальные дела.

Василько. С подзаголовком «Историческая поэма, читанная в публичном заседании Общества Любителей российской словесности 5 декабря 1876 г.», напечатано в журнале «Газета А. Гатчука» за 1877 год (№ 37, стр. 686—688, № 38, стр. 706—707, № 39, стр. 726—727, № 41, стр. 770—771, № 42, стр. 791—792). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

Работу над поэмой «Василько» Суриков начал осенью 1875 года. В письме, датированном ноябрем месяца, он писал Н. А. Соловьеву-Несмелову: «Писать «Василько» для меня не легкая материя: копаюсь в истории по различным летописям, просматриваю в подлиннике «Слово о полку Игореве». — Мне нужно знать, был ли женат Василько, — история об этом ничего не говорит. Я отыскал в Волынской летописи, что у Василько был сын Иван Василькович, впоследствии князь Галицкий, — это меня очень порадовало, потому что у меня появилась в Василько одна сцена очень драматичная. Когда Василько уже ослеплен и сидит в темнице у Давида Игоревича, весть об этом доходит до молодой Васильковой княгини и вызывает скорбь о любимом муже. Впрочем, что же я распространяюсь, — напишу — увидите». Насколько серьезно и тщательно Суриков работал над историческими источниками и языком эпохи при написании этой поэмы, видно и из его письма к А. Н. Якоби от 19 сентября 1875 года. «Теперь я принялся писать стихотворение «Василько», — писал он. — Приходится копаться в летописях, в разных сказаниях о Руси: эта работа очень кропотливая, скучная. Писать наскоро — того и гляди, сделаешь промах, неточность». В начале декабря 1875 года поэма была закончена. 4 декабря Суриков сообщил А. Н. Якоби: «Василько» я почти кончил, — остается написать эпилог».

Завершение «Василько» совпало с избранием Сурикова в Общество Любителей российской словесности, и поэт представил эту поэму для публичного чтения на заседание Общества. Вот что пишет в этой связи Суриков Н. А. Соловьеву-Несмелову в письме от ноября 1875 года: «Ф. Б. Миллер в обыкновенном заседании Общества Любителей российской словесности изволил предложить меня в дей-

ствительные члены Общества, что с удовольствием было принято членами Общества, особенно Буслаевым, который, как передавал мне член Общества Ф. Д. Нефедов, выставил Обществу в сочувственных словах мои заслуги для русского слова. В будущем заседании меня будут баллотировать в действительные члены. Большинство членов очень радо тому, что Ф. Б. Миллер предложил меня в члены Общества, и если в следующем заседании будут они, то, верно, меня выберут. Эти члены — С. А. Юрьев, А. Н. Чаев, Н. П. Платонов-Гиляров, Н. В. Путята, Б. Н. Алмазов, Л. Н. Толстой, Ф. Д. Нефедов и др. С. А. Юрьев предложил мне, что он с удовольствием возьмет на себя труд, в одном из будущих публичных заседаний Общества, прочесть что-либо из моих новых стихотворений, — для этого я приготавливаю «Василько» (историческое сказание), если успею. С. А. Юрьев читает прекрасно, голос у него очень симпатичный. Однако чтение «Василько» в Обществе Любителей русской словесности состоялось только через год — в декабре 1876 года. Издатель журнала, в котором эта поэма была напечатана, А. А. Гатцук заплатил Сурикову очень невысокий гонорар — всего 80 рублей (как сообщил поэт Н. А. Соловьеву-Несмелову в письме от 20 октября 1877 года).

Василько Ростиславич — князь Тереховский, правнук Ярослава Великого, был известен как противник междоусобия русских князей и талантливый военачальник. История его дел, относящихся к концу XI и началу XII вв. (умер в 1124 году), как и трагическая история его ослепления, изложены Суриковым в соответствии с летописными источниками.

Казнь Стеньки Разина. Напечатано в третьем сборнике стихотворений Сурикова (М., 1877, стр. 247—250). Н. А. Соловьев-Несмелов в хронологическом перечне стихотворений Сурикова относит это произведение к 1877 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова, М., 1884, стр. 392). Видимо, это стихотворение написано в начале года, так как цензурное разрешение на третий сборник стихов Сурикова подписано 12 марта 1877 года.

Стихотворение «Казнь Стеньки Разина» сделалось популярной народной песней, широко бытовавшей в бесчисленном количестве вариантов и в существенно сокращенном виде. В качестве таковой оно проникло на страницы ряда песенников, из которых назовем некоторые: «Новейший полный песенник». СПб., 1906 и 1907, «Стенька Разин». М., 1909, «Бродяга». М., 1909, «Скажи мне, товарищ, за что ты попал в рудники». М., 1913, «Варяг». М., 1912, «Пара гнедых». М., 1917, и др. В большинстве из них уже самый зачин стихотворения читался иначе, чем у Сурикова:

Точно море в час прибоя,
Площадь красная шумит...

Песня о казни Стеньки Разина, представлявшая собой изустную вариацию прочтения Сурикова, была также в 1904 году выпущена на пластинках для граммофона, о чем свидетельствует сборник «Либретто» (Граммфонная фабрика В. И. Ребиков и К^о), СПб., 1904.

Клад. Напечатано в журнале «Воспитание и обучение» за 1877 год (Отдел для детского чтения младшего возраста, том II,

стр. 79—91). Перепечатано в третьем (1877 года) сборнике стихотворений Сурикова.

27 апреля 1877 года Суриков писал А. Н. Якоби, жалуясь на обостренные болезни: «На этих днях только что принялся за перо, кое-что написал для журнала «Будильник»; для М. К. Цебриковой (т. е. в журнал «Воспитание и обучение». — А. Д.) написал стихотворение «Клад» (Бабушкина сказка); она мне отвечала, что стихотворение это по объему своему не по средствам журнала. Да разве я за него назначал цифру гонорара? Сколько М. К. будет угодно за него заплатить, столько и возьму, считаться с нею я не могу».

[Князь Святослав]. Отрывок из незавершенной исторической поэмы Сурикова «Святослав и Цимисхий». Поэма, как явствует из письма поэта к И. И. Барышеву, была начата им во время поездки на кумыс в июне 1878 года. Написав начало, Суриков послал его Барышеву со следующей припиской: «На этом поэма моя, брат, и стала. А история-то, душа моя, большая. Приход Святослава с дружинами под Переяславец, потом княжение его в Переяславце, поход на Византию, которая, видя подходящие дружины Святослава и не надеясь с ними справиться, в страхе просит мира. Свидание Святослава с Греческим императором Иоанном Цимисхием — этим гордым и хитрым человеком. Это должна быть самая яркая картина — и сильное изображение характеров: один — суровый, но прямодушный человек; другой — мягкий, но хитрый. Но, брат, прозой эту длинную материю рассказывать не хочется, да тебе, вероятно, она известна по истории».

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Думы (На мотив Т. Шевченко). В основу этого стихотворения положен один из мотивов знаменитого стихотворения Т. Г. Шевченко «Думи мої, думи мої...», написанного великим украинским поэтом-демократом в 1839 году. Суриков дал вариацию зачина этого шевченковского стихотворения, не коснувшись других его мотивов (раздумий социального и исторического характера, революционно-демократических призывов). Ср. с современным переводом (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 45).

Стихотворение «Думы» с подзаголовком «Подражание Т. Шевченко» и с посвящением А. Е. Р.—ву напечатано в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 40, стр. 226). Включено поэтом в его первый сборник (1871 год), помечено 1867 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Р.—в А. Е. — А. Е. Разоренов (см. примечание к стихотворению «Помнишь: были годы...»).

Вдова (Из Т. Шевченко). Перевод-переложение стихотворения Т. Г. Шевченко «По улиці вітер віє» (1848 года). Ср. с современным переводом (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 416).

Стихотворение Сурикова напечатано в журнале «Развлечение» за 1867 год (№ 47, стр. 344). Включено поэтом в его первый сборник (1871 года), помечено 1867 годом. Перепечатано во втором

(1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. В дореволюционные годы перевод Сурикова сделался популярной народной песней. В качестве характерной народной песни о прошлом перепечатано в песеннике «Красные зори» (ГИЗ, М.-Л., 1928).

«В огороде, возле броду...» (Из Т. Шевченко). Перевод стихотворения Т. Г. Шевченко «Но вгороді коло броду», написанного в 1848 году. Более точный, соответствующий ритмическому рисунку оригинала, перевод этого стихотворения дал советский поэт А. Сурков (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 438).

Перевод Сурикова под названием «Песня (Из Т. Шевченко)» напечатан в журнале «Развлечение» за 1869 год (№ 39, стр. 216). Включен поэтом в его первый сборник (1871 года), датирован 1869 годом. Перепечатан во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. В 1881 году положен на музыку великим русским композитором П. И. Чайковским. Известным русским композитором Э. Ф. Направником также положен на музыку.

«Во чистом поле калина...» (Из Т. Шевченко). Написано по мотивам стихотворения Т. Г. Шевченко «Чого ти ходиш на могилу?», сложенного поэтом в 1847 г. в петербургском каземате. Стихотворение представляет собой вольное, написанное на песенный лад, переложение мотивов отрывка из стихотворения Шевченко. Ср. с современным переводом (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 297). Включено Суриковым в его первый сборник (1871 года), помечено 1869 годом.

«И снится мне, что под горою...» (Из Т. Шевченко). Перевод-переложение стихотворения Т. Г. Шевченко «І досі сниться: під горою...», написанного в Оренбурге в 1860 году. Как показывает сличение перевода И. Э. Сурикова с оригиналом, поэт-переводчик внес в сурово-реалистическое стихотворение Шевченко сентиментально-идиллические мотивы, которые сняты в новом переводе. (См.: Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 519.) Напечатано без подписи в журнале «Модный магазин» за 1869 год (№ 24, стр. 385). Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках стихотворений Сурикова.

К сотрудничеству в «Модном магазине», издававшемся Софией Мей, Сурикова привлекли, повидимому, его друзья-писатели А. Н. Плещеев и Л. Н. Трефолов, не раз выступавшие на страницах этого журнала со стихами.

«Нет мне радости, веселья...» (Из Т. Шевченко). Перевод стихотворения Т. Г. Шевченко «На улиці невесело...» (1848 год), носящий характер песенного переложения. Ср. с современным переводом (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 422).

Перевод Сурикова напечатан в «Иллюстрированной газете» за 1871 год (№ 23, стр. 362). Перепечатан во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Нет мне радости, веселья...» сделалось в 80-х годах популярной народной песней. В различных вариантах его можно встретить

в старых песенниках: «Новый русский песенник». М., 1822, «Колечко». М., 1908, «Лучинушка». М., 1910, «Золотые гусли». М., 1910, «Русский песенник». М., 1912, «Могила». М., 1916, «Ухарь-купец». М., 1917. Как характерная песня о прошлом включено в сборник песен «Красное знамя» (ГИЗ, М.-Л., 1930).

Сиротка (По мысли Т. Шевченко). Переложение стихотворения Т. Г. Шевченко «На велик день, на соломі...» (1849 года). Ср. с современным переводом (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 484).

Под названием «Сиротинка» и с датой «1871 год» напечатано Суриковым в его первом сборнике (1871 года).

Жди, вернусь я из похода... (Из Т. Шевченко). Перевод стихотворения Т. Г. Шевченко «Не вернулся из походу», написанного в 1848 году. Сделанный И. Э. Суриковым перевод этого стихотворения представляет собой песенное его переложение. Ср. с современным переводом (Тарас Шевченко — «Кобзарь». Переводы с украинского. ГИХЛ, М., 1939, стр. 447).

Перевод Сурикова напечатан в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 184. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«На горе калина...» (С украинского). Под названием «Три девицы (С малороссийского)» напечатано в первом сборнике стихотворений Сурикова (М., 1871); датировано 1871 годом. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта. Паложено на музыку композитором Донауровым (романс «В поле широко», в котором суриковский текст подвергся существенным изменениям).

«В поле гладкая дорога» (Из украинских мотивов). Напечатано в журнале «Будильник» за 1879 год (№ 5, стр. 63). Н. А. Соловьевым-Несмеловым в хронологическом перечне стихотворений Сурикова отнесено к 1878 году (см. Полное собрание стихотворений Сурикова, М., 1884, стр. 392).

«В чистом поле, при дороге...» (Из украинских мотивов). Под заглавием «Жница» напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 22, стр. 307).

«Шли коровы из дубровы...» (Из украинских мотивов). Под заглавием «Прощание» напечатано в журнале «Будильник» за 1878 год (№ 22, стр. 573).

Пир (На мотив Анакреона). Впервые по рукописи опубликовано А. И. Яцимирским в статье о Сурикове и литераторах его круга («Русская старина», 1905, № 4, стр. 83—84). Стихотворение было включено Суриковым в письмо к поэту Л. Н. Трефолеву, написанное в августе 1868 года, и сопровождалось следующими строками: «Леня, друг. Попалась мне ода Анакреона, переведенная прозой, и мне пришла фантазия перефразировать ее и перевести стихами. В прозе она вот как: Дружно увенчавши чела наши роз душистыми венками, пьем и весело смеемся. А под звуки лиры пляшут нежноногие девы,

потрясая тире красивый, увитый густо плющом. Мягкокудрый отрок играет на пектиде (это род такого инструмента, на котором играли теосцы), и из уст его благоуханных несутся стройные звуки. И Эрот златокудрый с винодателем Лизем и прекрасная Киприда на отрадном пире, старцам сопируя, веселятся». И вот перевод — подражание. В нем, разумеется, много есть собственной фантазии. Что ж делать? Я такой уж, знать, поэт, что ничего не могу перевести так, чтобы чего-нибудь да не вернуть своего. Читай!»

Заключенный (Из сказок Андерсена). Под псевдонимом «И. Новоселов» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 191—193.

Это стихотворение представляет как бы первый вариант будущего стихотворения «Птичка и солнечный луч». Оно представляет собой обработку сказки известного датского писателя Г.-Х. Андерсена «С крепостного вала», однако в нем автор еще очень вольно обращается со своим источником, тогда как в стихотворении «Птичка и солнечный луч» он держится гораздо ближе к андерсеновскому сюжету.

Птичка и солнечный луч (Из сказок Андерсена). Напечатано в журнале «Дело» за 1874 год (№ 12, стр. 35—36). Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках стихотворений Сурикова. В дореволюционные годы в несколько видоизмененном виде это стихотворение являлось популярной народной песней, известной по зачину — «За крепкой железной решеткой...» (см., например, песенники: «Стенька Разин». М., 1909, «Бродяга». М., 1909, и др.). В основе стихотворения лежит сюжет одной из сказок («С крепостного вала») известного датского писателя Г.-Х. Андерсена, с которой Суриков был знаком в переводе Марко Вовчка (М. А. Маркович).

Фирдуси (Из Андерсена). Напечатано с посвящением Н. А. Соловьеву-Несмелову в журнале «Дело» за 1874 год (№ 10, стр. 133). Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

В стихотворении обработан один из мотивов сказки известного датского писателя Г.-Х. Андерсена «Тернистый путь», с которой Суриков познакомился в переводе писательницы Марко Вовчек (М. А. Маркович).

Чумацкие дети (С украинского перевода Ломуса из Мицкевича). Почти точный перевод с украинского перевода баллады великого польского поэта Адама Мицкевича «Возвращение отца» (1821 год), сделанного П. А. Кулишом (псевдоним — Ломус), украинским писателем прошлого столетия.

П. А. Кулиш в своем переводе, опубликованном в журнале «Основа» за ноябрь 1861 года (см. также: «Сочинения и письма П. А. Кулиша». Том I, изд. А. М. Кулиш, Киев, 1908, с. 140—144) далеко отошел от польского оригинала, отступил от балладно-романтического стиха, которым писал Мицкевич, и сильно ослабил сюжетную напряженность баллады.

И. Э. Суриков, довольно точно придерживаясь своего оригинала — перевода Кулиша, в изображении «благородного разбойника» — фигуры, столь характерной для романтической баллады начала XIX века — еще дальше отошел от баллады Мицкевича. У него (вслед за Кулишом) образ «благородного разбойника» приобретает дополнительные сентиментальные черты характера, которых нет у Мицкевича. Ср. с современным переводом (Адам Мицкевич. Собрание сочинений. Т. I, ГИХЛ, М., 1948, стр. 278).

Перевод Сурикова напечатан в журнале «Грамотей» за 1871 год (№ 11, стр. 32—36) без указания на принадлежность стихотворения Мицкевичу, с подзаголовком — Из Ломуса. Перепечатан со ссылкой на авторство Мицкевича во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

«Идет девица-сиротка...» (Из Т. Ленартовича). Под названием «Ласточка (Из Т. Ленартовича)» напечатано в сборнике «Рассвет». Вып. I, М., 1872, стр. 66—67. Перепечатано во втором (1875 года) и третьем (1877 года) сборниках поэта.

Стихотворение взято из двухтомного собрания стихотворений Ленартовича (Познань, 1863), перевод Сурикова близок к подлиннику. Почти одновременно с Суриковым это же стихотворение перевел Н. В. Гербель, опубликовавший этот перевод в своей известной антологии «Поэзия славян» (СПб., 1871, стр. 521—522).

Ленартович Теофиль (1822—1893 гг.) — известный польский писатель. В его поэзии видное место занимают мотивы польской народной поэзии, вследствие чего некоторые исследователи были склонны называть его «польским Кольцовым».

«Что ты так невесел...» (Из Одынца). Под названием «Литовская песня (Из Э. Одынца)» напечатано в журнале «Будильник» за 1880 год (№ 2, стр. 43). Написано, как явствует из письма Сурикова к С. Я. Дерунову от 9 февраля 1880 года («Ежемесячный журнал», 1916, № 5, стр. 165) в самом начале 1880 года.

Стихотворение, переведенное Суриковым, представляет собой литовскую народную песню, переведенную на польский язык А.-Э. Одынцом. Оно взято из второго тома собрания стихотворений А.-Э. Одынца (Варшава, 1875), где им открывается цикл переводов из литовской народной поэзии. С поэзией Одынца Сурикова познакомил, всего вероятнее, его друг Л. Трефолев, который также переводил этого польского поэта на русский язык. Перевод Сурикова — вольный.

Одынец Антон-Эдвард (1804—1885 гг.) — известный польский поэт, близкий друг Адама Мицкевича и автор ценных воспоминаний о нем.

СОДЕРЖАНИЕ¹

И. З. Суриков. Вступительная статья *А. Дымища* 5

ПЕСНИ

«Что, удалый молодец...»	25 292
«Что шумишь, качаясь...»	26 292
«В зеленом саду соловушка...»	26 293
«Ах, нужда ли ты, нужда...»	27 293
«Голова ли ты, головушка...»	28 293
«Эх ты, доля, эх ты, доля...»	29 294
Песня («Эх ты, ветер, ветер!..»)	30 294
«Шум и гам в кабаке...»	31 294
«Сиротой я росла...»	32 295
«День я хлеба не пекла...»	33 295
В степи	35 296
«Я ли в поле да не травушка была...»	37 296
«Что не реченька...»	37 296
«Что не жгучая крапивушка...»	39 296
«Бедность ты, бедность...»	39 296
«Ой, дубинушка, ты ухни!..»	40 296
«Если б легкой птицы...»	41 297
«Не грусти, что листья...»	42 297
«Хорошо тому да весело...»	43 297
«Сговорилися батюшка с матушкой...»	44 297

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Летняя ночь	47 297
Из бедной жизни	48 297
Покройница	50 297
Часовой	53 298
Могила	54 298
Утро в деревне	55 299
«Солнце утомилось...»	56 299
Что ты, жизнь, мне дала?	56 299

¹ Первая цифра обозначает страницу стихотворения, вторая (курсивом) — страницу примечания.

«Эх, брат Ваня, Ваня...»	57 299
«Занялась заря...»	58 300
У могилы матери	59 300
Мороз	61 301
Ночью	62 301
«Тяжело и грустно...»	63 301
«Где ты, моя юность?..»	65 301
В дороге	66 301
«Осень... Дождик ведром...»	67 301
«Сердцу грустно, сердце поет...»	67 301
С горя	70 301
Верба	71 302
Колыбельная песенка	72 302
«Тихо тощая лошадка...»	73 302
«Гром отгремел, прошла гроза...»	74 302
«День вечереет, облака...»	75 302
«Засветилась вдали, загорелась заря...»	75 302
«От деревьев тени...»	75 302
«За окном скрипит береза...»	76 302
«В зареве огнистом...»	77 303
«Не проси от меня...»	77 303
«Ночь тиха, сад объят полутьмою...»	77 303
«На дворе бушует ветер...»	78 303
«Ты, как утро весны...»	79 303
«Едем лесом...»	79 304
Дети	79 304
«Помнишь: были годы...»	80 304
Смерть	80 304
Степь	82 304
Косари	82 304
Тихая постелька	85 305
«Всю ночь кругом метель шумела...»	85 305
Грезы	86 305
Детство	87 305
У могилы друга	90 306
Беззаботный	91 306
«Когда, с тобою встретишься снова...»	92 306
Косарь	92 306
«И вот опять пришла весна...»	93 306
«Заря занимается, солнце садится...»	94 306
Голе	95 306
«Пройдет и ночь, пройдет и день...»	96 307
«Встало утро, сыплет на цветы росой...»	97 307
«Ярко солнце светит...»	97 307
«Темна, темна моя дорога...»	98 307
В поле	98 308
Швейка	102 308
Сон и пробуждение	103 308
В ночном	105 308
Летом	106 309
Весна	108 309
По дороге	109 309

Слеза косаря	110 309
«Ты лежишь в гробу тесовом...»	112 309
Весной	113 309
«Что грустно мне? О чем я так жалею?»	113 310
Одиночество	115 310
Два образа	115 310
В лесу	116 310
«Мне доставалось нелегко...»	117 310
Осенью	117 311
Покой и труд	118 311
На мосту	119 311
«Я в тесной могиле лежу одиноко...»	121 312
Наши песни	122 312
Жизнь	123 314
Покойник	124 314
«Вставай, товарищ мой! Пора!»	126 314
Во тьме	126 314
«Я рад бы веселые песни запеть...»	128 315
«У тебя ума палата...»	129 315
Труженик	129 315
«Всюду блеск, куда ни взглянем...»	131 315
У пруда	133 315
На реке	137 316
«Я отворил окно. Осенняя прохлада...»	140 316
«Где вы, песни светлой доли...»	141 316
Зимой	142 316
«Тишь и мрак... Закрыты ставни...»	143 317
Цветы	144 317
«Как в сумерки легко дышать на берегу!»	147 317
Раздумье	148 317
За городом	148 317
«Черствеет сердце, меркнет ум...»	149 317
«Безжалостная! Ты...»	150 317
«Я, весь измученный тяжелой работой...»	151 317
«Весной всего милей...»	151 318
В остроге	152 318
Трудящемуся брату	156 318
«Вот село. Давно знакомы...»	156 318
«Честь ли вам, поэты-братья...»	157 318
«Не шлю годам моим...»	158 319
«Вот и степь! своей красою...»	158 319
«Погоняй, ямщик, скорее!»	159 319
На чужбине	160 319
На одре	161 319
«Загорелась над степью заря...»	162 320
Прости!	163 320
«Истрадался душой и измучился я...»	163 320
«Догорела румяная зорька вдали...»	164 320
«Не корите, други...»	164 321
Нашла коса на камень	165 321
Песня-быль	167 321
Умирающая девушка	170 321

В Украине	171 321
«Живу на южном берегу...»	172 321
«Над широкой степью...»	173 321
Поэту	174 321
И. И. Барышеву («Когда расстанусь я с землей...»)	174 321
«О счастье и грехах не пой...»	175 322
Дед Клим	175 322
«В тихом сумраке лампада...»	178 322
Зима	180 323

БЫЛНЫ, СКАЗАНИЯ, ПОЭМЫ

Удалой	183 323
Правеж	187 323
Садко	190 323
Немочь	202 323
Канут Великий	208 323
Богатырская жена	212 324
Василько	232 324
Казнь Стеньки Разина	251 325
Клад	254 325
[Князь Святослав]	264 326

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Думы (На мотив Т. Шевченко)	267 326
Вдова (Из Т. Шевченко)	268 326
«В огороде, возле броду...» (Из Т. Шевченко)	269 327
«Во чистом поле калина...» (Из Т. Шевченко)	269 327
«И снится мне, что под горою...» (Из Т. Шевченко)	270 327
«Нет мне радости, веселья...» (Из Т. Шевченко)	271 327
Сиротка. (По мысли Т. Шевченко)	272 328
«Жди, вернусь я из похода...» (Из Т. Шевченко)	272 328
«На горе калина...» (С украинского)	273 328
«В поле гладкая дорога...» (Из украинских мотивов)	274 328
«В чистом поле, при дороге...» (Из украинских мотивов)	274 328
«Шли коровы из дубровы...» (Из украинских мотивов)	275 328
Пир (На мотив Анакреона)	276 328
Заключенный (Из сказок Андерсена)	277 329
Птичка и солнечный луч (Из сказок Андерсена)	278 329
Фирдуси (Из Андерсена)	280 329
Чумацкие дети (С украинского перевода Ломуса из Мицкевича)	281 329
«Идет девица-сиротка...» (Из Т. Ленартовича)	285 330
«Что ты так невесел...» (Из Одынца)	286 330
Примечания	289

Редакционная коллегия:

*И. А. Груздев, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, А. М. Еголин,
А. А. Прокофьев, В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов*

*Редактор А. Прокофьев
Художник И. Серов
Технич. редактор А. Кирнарская
Корректор Н. Тырса*

*М 34739. Подписано к печати 22/ХІІ 1950 г. А. л. 15,67. Уч.-изд. л. 16,37. Бумага
84×108_{1/32}—5 25 бум. л. 17,22 печ. л. Тираж 10 000. Цена 11 р. Заказ № 1215.*

*Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгор-
совета*

